

**ЯНОШКЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

10

ВЕРИНОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1972

A decorative frame consisting of a central vertical bar with a black background and white text. The bar is topped and bottomed by horizontal lines with wing-like flourishes. A small black dot is positioned above the top flourish and below the bottom flourish.

**ЯПОНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

**ДЕСЯТЬ
ВЕЧЕРОВ**

Перевод с японского
ВЕРЫ МАРКОВОЙ

И(Яп)
Д 37

Предисловие, примечания и комментарий
В. Марковой

Художник
Г. Клодт

7-3-4

211-72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Лев Толстой начал составлять книги для народного чтения, в «Письмах по шелководству» Ф. Чиждова, изданных в 1870 году, ему попалась красивая японская легенда о гусенице шелкопряда. Толстой обработал ее и под названием «Золотоволосая царевна» поместил в «Русских книгах для чтения». Так, около ста лет тому назад, состоялось первое знакомство русского читателя с японской народной сказкой.

Арабские, индийские, иранские сказки давно вошли в обиход мировой культуры и сделались достоянием всего человечества. Но сказки Японии очень долго не могли получить того признания, которого они, несомненно, заслуживают. В XIX веке японские сказки стали известны за пределами своей родины, и оказалось: они понятны каждому и говорят тем же языком сердца, что и лучшие сказки других народов мира.

В России Лев Толстой первый обратил внимание на высокие художественные и моральные достоинства японских сказок; «Золотоволосая царевна», а затем и некоторые другие сказки в его мастерском пересказе стали достоянием русской литературы, не потеряв при этом своей японской народной основы.

Много потрудился над японскими сказками Самуил Маршак, редактируя их для детского чтения. За последние годы японские сказки неоднократно выходили большими тиражами отдельно и в сборниках, для детей и взрослых¹.

¹ «Японские народные сказки», перевод с японского и обработка Н. Фельдман, под общей редакцией Самуила Маршака, Детиздат ЦК ВЛКСМ, Л. 1936; «Японские сказки», перевод с японского В. Марковой и Б. Бейко, Гослитиздат, М. 1956, и др.

Японские сказки созданы народом, всегда готовым на трудную, а главное, упорную борьбу с неподатливыми силами природы в своей островной, гористой стране, где узкие полосы плодородной земли зажаты в тесных долинах или отодвинуты каменным плечом горы к бушующему прибою.

Совместная борьба роднит людей. Это исторически возникшее чувство общности живет в японской сказке как одна из самых привлекательных ее особенностей. Старинное предание повествует о том, как дух горы (некто вроде духа Богемских гор Рюбецаля) превратил женщину в змею только за то, что она нарушила обычай своей деревни всем делиться с соседями и одна съела собранные ею в лесу ягоды. В другой сказке рыбак Масария теряет кувшинчик с молодильным вином, чудесный дар Повелителя драконов, в тот самый миг, когда он пожалел разделить это вино с другими людьми («Чудесный кувшинчик»). Волшебным талисманом в сказке «Откуда пошли золотые жуки» может безопасно пользоваться лишь тот его владелец, кому деньги нужны для других, а не для себя. Человек, который своекорыстно жаждет золота, становится совсем маленьким, точно тает, и, наконец, обращается в ничто. Таков великий урок народной сказки!

Японский народ любит природу зоркой и внимательной любовью. Цветение слив и вишен, густые летние травы, красная листва кленов, первый снег — воспеты и в поэзии и в сказках Японии. Картины времен года — вот сокровища, которые спрятаны в волшебных кладовых подземного царства («Огневой Таро»). Тонкое чувство прекрасного — вторая замечательная особенность японской сказки. Поэзия — любимейшее искусство японского народа. В одной из популярных крестьянских сказок рассказывается о том, как выбирают невесту. Выносят на подносе горку соли, в нее воткнута маленькая веточка. Для девушек, не наделенных поэтическим чувством, это только столовая соль — и не более. А вот гонимая падчерица, Золушка этой сказки, сразу сложила стихотворение в честь сосны, растущей на белой от снега вершине горы, — и победила своих соперниц. Превосходно сочиняют стихи и герои сказок «Девушка с чашей на голове» и «Таро Лежебока».

Даже проказливый барсук в своем роде поэт. Светлыми ночами он любит луну до опьянения, пока не начнет колотить лапами по своему надутому животу, как по барабану. Барсук и луна: для японской сказки очень характерно такое сочетание смешного и возвышенного («Барсук — любитель поэзии», «Луна на ветке»).

Японской сказке присущ особый, тонкий юмор. Она любит шутку, игру слов, забавную концовку. Очень популярны в Японии «потешные истории» («вараибанаси»), построенные на забавной фарсовой ситуации или высмеивающие какие-нибудь человеческие

недостатки и чудачества («Длинное имя», «Рассеянный»). Но смех японской сказки не всегда добродушен. Он становится острым и колючим, когда направлен против феодальной знати, церковников или богачей. Тогда сказка жалит, и очень больно.

Японский сказочник — большой мастер придумывать страшные истории, такие, от которых сам Рудый Панько, пожалуй, не отказался бы! Образы фантастических чудовищ гротескно-причудливы, от них веет ужасом. Эти видения словно возникали в ночном бреду. Именно такими изображал их знаменитый художник Хокусай, он умел придать им удивительную достоверность.

* * *

Япония не всегда была «закрытой» страной, какой она стала в силу исторически сложившихся условий в эпоху позднего феодализма. В древности Япония испытала на себе сильное культурное воздействие соседних с ней более развитых цивилизаций Востока. Уже в VI веке из Индии через Китай и Корею проник буддизм, а с ним вместе хлынул поток индийских легенд и сказок. Эти поэтические и глубокие по мысли творения индийского народа обогатили японскую сказку. В ней появилось много новых сюжетов и волшебных персонажей.

Возможно, что в древнюю Японию проникли и неясные отголоски европейских сказаний (древнегреческих и скандинавских). Некоторые сказочные мотивы пришли и из страны трех тысяч островов — Индонезии.

Но, восприняв в процессе своего формирования прекрасные художественные образы, созданные в Индии и других странах, японская сказка ни в малой мере не утратила самобытности и осталась сама собою.

Сказка — это поэтическая картина мира в том неповторимом особом видении, которое присуще каждому народу. И потому даже очень хорошо известные сюжеты (например, «Золушка», «Мальчик с пальчик» или «Безрукая девушка») при всем сходстве событий имеют в Японии свою «особицу». Каково бы ни было происхождение отдельных сюжетов и мотивов (это не всегда просто установить), но весь исторический ход развития японской сказки позволяет утверждать, что в основном она — плод самостоятельного творчества японского народа. «Есть образ мыслей и чувствований, — писал Пушкин, — есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»¹.

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 7, изд-во АН СССР, М. 1958, стр. 39—40.

Образы и сюжеты сказок очень живучи, но в них, как в старом дупле дерева, селятся новые птицы. А новые птицы поют новые песни. Японские сказочники — люди своего времени. Они не сохраняют древнее предание неизменным, а вносят в него новые мотивировки и черты знакомого им быта. Так, например, рассказав о приключениях княжеского сына, японский крестьянин более поздних времен добавляет в конце, что к своему отцу юноша так и не вернулся, а обещал посылать ему деньги из своих заработков.

За многие века жизнь страны неузнаваемо менялась не один раз. Некоторые сказки, возникшие еще при родовом строе, передавались от поколения к поколению. Бряд ли устная традиция донесла их до нас в первоизданном виде. И все же в них слышится как бы дальнейшее эхо давно ушедшего от нас мира.

* * *

Древние японские мифы обоготворяли силы природы: солнце, ветер, море... Мифические герои обладали титанической мощью: это воители-змеборцы, преобразователи земли. По словам Белинского, «физическая мощь есть первый момент сознания жизни и ее очарования»¹.

На острове Окинава рассказывали о великане Аманодзюку (что значит «Небесный столп»). Он, как Атлант, держал небесный свод на своих плечах, и спина его навек искривилась от этой страшной тяжести. Великаны почти исчезли из японских сказок. В современной детской сказке Аманодзюку — безобразный демон с лягушачьим ртом; он играет роль злого волка русских сказок и совсем непохож на великана. В наказание за его злые проделки Аманодзюку убивают, кровь его проливается на землю, — вот отчего гречиха красная!

На этом примере видно, как порой неузнаваемо трансформируются сказочные образы, потому что с ходом истории меняется сознание людей. Переходя из древней легенды в сказку, фантастический персонаж зачастую словно уменьшается в масштабе и теряет свою мощь, но зато приобретает живую осязаемую конкретность.

Фантазия связана с реальностью, как растение с землей. «Народно-фантастическое и народно-действительное», пользуясь известным выражением Белинского, в японской сказке так естественно и органически сливаются между собою, что создается впечат-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, изд-во АН СССР, М. 1953, стр. 507.

ление полной достоверности сказочных персонажей. В них так веришь, будто увидел их собственными глазами.

В сказках более поздней исторической эпохи всякие лешие и оборотни уже как бы примелькались. «Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая!» — говорит, увидев лешего, бобылиха из «Снегурочки» Островского. Эта буднично-досадливая интонация часто звучит и в японских сказках, повествующих о проказах каких-нибудь оборотней, леших — тэнгу или водяных — каппа.

«Превратности судьбы», постигшие на протяжении веков японского лешего — тэнгу, еще более удивительны, чем история великана Аманодзяку. В старинной японской исторической летописи «Нихонсёки», рассказывалось, что в 637 году «Большая звезда пролетела по небу с востока на запад, и последовал за ней звук, подобный грому. В то время люди говорили: «Это лает тэнгу — небесная собака. Голос ее грому подобен». Впоследствии под влиянием индийских легенд тэнгу превратился в летающего демона, и тогда возникло поверье, что он сродни птицам. У него длинный нос и птичьи когти, ему приписывали зловещую способность поражать людей безумием. Но в поздних сказках тэнгу — комический персонаж. Он глуповат и доверчив, провести его не трудно. Тэнгу даже и летать-то не умеет, если отнять у него волшебный веер («Треугольный сон»).

Однако в японской сказке встречаются и такие герои, которые, можно сказать, почти не меняли своего облика на протяжении веков. Это персонажи сказок о животных. Японские дети любят слушать о том, как хитрая лиса обманула медведя: посадила лиса редьку и взяла себе вкусные корешки, а медведю достались одни верхки. Потом лиса посадила клубнику и взяла себе верхки, а медведь опять в дураках остался. Такие сказки любимы детьми всего мира, и потому они бессмертны... Сказка о животных — один из древнейших жанров устного народного творчества. Несколько позже появилась в Японии и сказка волшебная.

Еще в эпоху родового строя волшебная сказка как бы вычленилась из древних мифов и преданий. Постепенно, в течение долгих веков, устанавливалась типическая конструкция сказки, ее обрядность (зачин, сказочные формулы и т. д.), отбирались любимые сюжеты.

Волшебная сказка обычно начинается с традиционного зачина: «В старину» или «В далекую старину»... Если это сказка о старике и старухе (это любимые герои детской сказки), то вначале обычно говорится: «Старик пошел с горы за хворостом, а старуха пошла на речку стирать, или же так: «Старик настилал крышу, а старуха мела двор». В заключение сказочник желает счастья и говорит: «Вот и сказка вся, больше ничего не знаю».

Японские волшебные сказки не обладают такой силой сцепления, как сказки Ближнего Востока. Они не соединяются между собой в гирлянды.

Конструкция японских сказок (как и многих сказок мира) вся построена на троекратных повторах: три волшебных предмета, три трудные задачи, три главных эпизода и т. д. Эти элементы легко кочуют из одной сказки в другую в самых разных комбинациях.

Волшебная сказка — царство превращений. Человек может превратиться в любое существо, а зверь или птица — стать человеком. Это неистощимый источник сказочных чудес. (Причем в европейских сказках обычно человек принимает образ зверя, в Японии же гораздо чаще зверь принимает человеческий образ.)

Очень распространены в Японии сказки о девах-птицах. Основной их сюжет таков: птица принимает человеческий образ, чтобы отплатить добром своему спасителю. Она становится его женой и приносит ему счастье и богатство. Сказка обычно наделяет деву-птицу чудесным умением ткать. Конец сказки нередко печален: муж нарушает запрет, и видит жену в облике птицы. Тогда она навсегда улетает от него («Солсвынный дом»). Мотив временной или вечной разлуки тесно связан с образом чудесного супруга или чудесной жены. Так, в европейских сказках, Амур покидает Психею, а Фнист Ясный Сокол — красну девицу.

Если чудесная жена, слетевшая с неба, — это птица или в более поздние времена фея в одежде из перьев, то жена из подводного царства — это змея или рыба. В древнем японском мифе (он записан в летописи VIII века «Кодзики») дочь морского царя Тоётама-химэ, рожая ребенка, принимает свой подлинный образ крокодила. Муж подглядывает за ней в щелку ограды, и, оскорбленная, она возвращается в море, навсегда закрыв доступ земным существам в морские глубины. Волшебная сказка «Глаза змей» создана гораздо позже, чем миф о дочери морского царя, и дает совсем иную мотивировку событиям. В этой сказке женщина только на время становится змеей, потому что ее проклял за какую-то провинность горный бог. На самом деле она человек, и преданная любовь маленького сына помогает ей снова вернуть свой прежний облик.

Рассказы о женщинах-змеях известны и в Европе. Согласно средневековой французской легенде, фея Мелюзина стала возлюбленной графа Раймонда де Пуатье. Однажды граф Раймонд увидел Мелюзину, когда она купалась, приняв свой настоящий образ полу-женщины-полузмеи. С тех пор фея покинула его. Мелюзина — фея воды. В Японии духов воды тоже представляли себе чаще всего в виде драконов, рыб или змей.

В более поздние времена в Японии возник круг сказаний о лисах и барсуках-оборотнях. Рассказы о них были занесены из других

стран Дальнего Востока. Вообще японские народные поверья приписывают способность принимать разные образы не только лисе и барсуку, но и любому живому существу: кошке, змее, пауку, лягушке. Даже предметы могут стать оборотнями, особенно если это старые вещи, долго бывшие в употреблении: непарные сандалии, семечки, брошенные в очаг... Однако главная роль в сказках подобного рода отводится лисе. Причем лиса из животного эпоса и лиса-оборотень поздних преданий — это совершенно разные существа. Лиса из животного эпоса — плутовка, она шутит злые шутки над медведем и другими зверями, но почти не вторгается в мир людей. В поздних преданиях лиса предстает иногда в образе демонической красавицы, столь же прельстительной и жестокой, как Шемаханская царица. Но народная сказка глубоко гуманна. Она и лисицу-оборотня наделяет мудростью и добротой. Знаменитая лиса Кудзуноха преданно любит человека, который спас ее от гибели. От этого союза якобы родился легендарный ученый астроном и гадатель Абэ Сэй-мэй. В сказке «Жена-лисица» он носит имя Досимару.

Про лису-оборотня в японском народе рассказывается много страшных или смешных историй. Лиса и барсук напускают морок на людей, иногда из мести, но часто, так сказать, из любви к искусству. Люди в сказках относятся к их проказам скорее добродушно и сами не прочь подшутить над ними («Барсук на ветке»).

Еще в начале XX века в Японии ходил рассказ о том, что лисица обморочила машиниста, прикинувшись встречным поездом, и чуть не вызвала крушение. Говорят, лису можно увидеть в ее подлинном виде, послюнив себе бровь, и потому этот жест в Японии означает: «Не морочь меня, не проведешь, я вижу тебя насквозь».

* * *

До сих пор мы говорили о сказочных героях — оборотнях, разных чудищах, зверях и птицах, но главный герой японской волшебной сказки — человек. С ним-то и случаются всякие чудеса и приключения. Он попадает в подземное царство через мышиную норку, влезает на небо по бобовому стеблю, прыгает в воду и невредимым вступает в подводную страну.

Царство чудес начинается за гранью повседневного. А кто чаще всех переходит эту грань? Конечно же, не принцы, не князья, скучающие в своих дворцах, а любимые герои японского сказочника — рыбаки, угольщики, лесорубы... Это люди бывалые, как старый солдат в русской сказке. Они дальше других проникали в густую бамбуковую чащу или лесные дебри, где прячутся озера и болота...

В том, что простой человек стал героем сказок, нет ничего удивительного. Японская волшебная сказка в старину была тесно связана с трудовой деятельностью. Как указывает известный японский знаток фольклора Сэки Кэйго, сказку сказывали перед посадкой риса или после урожая, чтобы снискать благоволение богов плодородия. И посейчас, говорит он, есть еще места, где охотники думают, что если они в своем шалаше расскажут сказку, то бог охоты пошлет им хорошую добычу. Согласно народным поверьям, боги любят хорошую сказку точно так же, как и люди. Волшебные события вплетаются в будничную жизнь людей бедных и скромных, ничем не примечательных (см. сказки «Соловьиный дом», «Глаза змеи», «Волшебный кувшинчик» и другие). Сказка не наделяет этих героев никакими особыми дарами, кроме сердечной доброты. И когда тому или другому из них достается чудесная жена или волшебный талисман, то он нередко теряет их из-за случайного промаха: нетерпения, недогадливости, не в пору сказанного слова.

Разумеется, это не значит, что японская волшебная сказка — летопись неудач. В сказке обычно торжествует справедливость. Человек бедный, добрый и трудолюбивый может внезапно получить чудесную награду от благодарного зверя или какого-нибудь божества.

Для крестьянина, который выращивает рис на заливных полях, всего нужнее вода. Не мудрено, что он поклонялся этой воде, как божеству. На заливных полях водилось множество улиток, и, видимо, в древности бога воды на рисовых полях представляли себе в виде улитки. Недаром именно этот образ носит сынок-улитка, выпрошенный бездетной крестьянкой у бога воды («Сынок-улитка»).

* * *

Борьба между добром и злом — движущая сила волшебной сказки.

Добрый старик противостоит злему старику соседу, или же, как в «Сказке о золотой рыбке», у старика — злая жена. Но постепенно носителем зла в сказке становится отрицательный социальный тип; так своекорыстный купец губит девушку-журавля, она принуждена выщипать у себя все перья, чтобы соткать побольше ткани («Как журавль за добро заплатил»).

В сказках более позднего времени богачи, князья, монахи — всегда злы и жестоки. Только гонимые бедняки наделены добрым сердцем, щедры и милосердны («Черное полотенце»). Борьба этих двух социальных сил есть главная тема сатирической сказки.

В средние века старинная волшебная сказка постепенно уступает свое место сказкам других, более новых жанров. На смену ей приходят бытовая сказка новеллистического типа, сатирическая сказка, сказка-пародия, авантюрная сказка, «страшные рассказы» о привидениях, о мести мертвеца, о беспощадной судьбе.

Этот процесс особенно убыстряется в городах Японии, где уже начиная с XIV—XV веков складывается свой фольклор, свои традиции устного рассказа. Но, теряя свою былую популярность, волшебная сказка не исчезает целиком даже в городском фольклоре: она переходит в «лубочную литературу» и в «детский репертуар».

Репертуар детских волшебных сказок не очень обширен, но зато необыкновенно прочен и устойчив: в него входят сказки о Мальчике-персике Момотаро, о войне между крабом и обезьяной, сказка о барсуке, который оборотился чайником, и несколько других, в том числе «бесконечные сказки» (типа сказки про белого бычка).

Все большее распространение получает сатирическая сказка с очень острой антиклерикальной и антифеодалной направленностью. Возникают циклы сказок о глупом князе, о настоятеле буддийского храма и его службе, о богаче и работнике.

Феодалный князь — это популярный комический персонаж сатирической сказки и средневекового фарса (кёгэн). Он глуп, тщеславен и надут спесью. В средневековом фарсе князя то и дело водит за нос ловкий слуга. Позднее, в сказках XVII—XVIII столетий, на смену слуге приходит Хикоити, веселый плут и мастер на разные проделки. Он, как и Тиль Ойленшпигель, собирательный образ, воплощение народного юмора, здравого смысла и смекалки, мудрый шут, который иногда любит прикинуться простаком, — пойдй пойми его!

Князь и Хикоити, настоятель храма и его служба, а в русском фольклоре — барин и слуга, поп и работник — это прежде всего социальные типы. Их борьба, полная комических перипетий, всегда кончается поражением ненавистного угнетателя.

Сатирическая струя проникает и в волшебную сказку. Старинная сказка о чудесной жене обычно кончалась грустно: жена-птица возвращалась в свое царство. Но возник новый сюжет: злой князь пытается отнять у бедняка чудесную жену. Он либо уводит ее силой, либо задает бедняку хитрые задачи. Такие сказки всегда кончаются счастливо: князь должен быть посрамлен.

Острым социальным содержанием наполняются и многие легенды более позднего времени. Они предельно трагичны: слабый и гонимый в них обычно погибает, но его убийца торжествует недолго, — высшая справедливость осуществляется при помощи сверхъестественных сил. Таков сюжет известной легенды «Пять

тэнов земли»: солнце останавливает свой бег на небе, чтобы помочь бедной работнице кончить работу на огромном поле, и после ее гибели мстит злему богачу. В других вариантах этой легенды сам богач, уверенный в своем всемогуществе, взмахом веера останавливает солнце на небе и терпит за это жестокую кару. К легендам (дэнсацу) в японском фольклоре относятся «местные предания» о духах природы и о разных необыкновенных происшествиях, а также исторические легенды. Последние обычно повествуют о каком-нибудь реальном или вымышленном герое древности или подлинном историческом событии, окружая его густой фантастической атмосферой. Если волшебная сказка — откровенный вымысел, то в легенду верили, ее записывали, поэтому язык легенды более литературен, чем живая речь сказки.

Ранние легенды (например, о духах природы) порой тяготели к волшебной сказке, — поздняя легенда как бы смещается в сторону сказки-новеллы, наполняясь чертами социального быта. В завязке обычно возникает невыносимая по своей напряженности жизненная ситуация, которая затем фантастическим образом разрешается («Как выпал первый снег»).

Несомненно, развитие города очень помогло становлению новых жанров сказки, общих для всей Японии (особенно сказки-новеллы). Большой популярностью в городах пользовались профессиональные рассказчики. Они расстилали свою циновку где-нибудь на людном базаре, а впоследствии начали выступать в особых балаганах. В репертуаре таких рассказчиков были смешные истории, полные каламбуров, с неожиданной концовкой, и повести авантюрного типа о подвигах старинных самураев. Некоторые из этих историй (особенно смешные) проникли в деревенский фольклор, а городские рассказчики, в свою очередь, были не прочь позаимствовать сюжеты и мотивы у деревенского фольклора: они ловили всякую интересную придумку, что называется, на лету. Есть указание, что один из самых популярных рассказчиков — большой мастер посмеить своих слушателей — назывался Хикоити. Это имя получил от него в наследство самый веселый герой японской сказки: лучшая память, которую может оставить по себе любой рассказчик.

Пародийная сказка городского фольклора — это волшебная сказка, вывернутая наизнанку и доведенная до абсурда («Чудесные путешествия Тораяна»). Нелепые происшествия в сказке «Треугольный сон» мотивируются тем, что она приснилась герою в новогодний вечер, но легко заметить, что сказка содержит в себе насмешку над вполне реальными нелепицами средневекового судопроизводства.

В большом ходу были в городе рассказы о привидениях и мертвецах. Таким историям всегда придавали черты подлинности,

сообщая имя того, с кем это якобы случилось, время и место происхождения. На самом деле, не трудно обнаружить, что это бродячие сюжеты. Например, рассказ о мертвой матери, которая кормила в могиле своего новорожденного младенца сладкими пирожками, известен в самых разных местах Японии («Чудо материнской любви»).

В городах феодальной Японии в XVII—XVIII веках пышным цветом расцвели изобразительное искусство, поэзия, театр. Вокруг них возникло немало рассказов о состязаниях между мастерами, о необыкновенных картинах, изваяниях, театральных куклах, которые не только кажутся живыми, но и в самом деле оживают. Конь, нарисованный на картине, топчет по ночам посевам крестьян: приходится просить художника, чтобы он пририсовал узду и привязь. В этих рассказах с большой силой выражена вера в великую силу подлинного искусства.

Городской фольклор, который в значительной мере помог осуществить синтез между устным народным творчеством и литературой, в XIX веке почти сходит со сцены, уступив свое место литературе.

* * *

Народное творчество было тем мощным источником вдохновения, которое с самых древних времен питало японскую поэзию и литературу.

Старинный японский роман родился из сказки. В конце IX или начале X века неизвестный автор написал «Повесть о старике Такэтори» («Такэтори моногатари») ¹. В ней искусно сплетены многие мотивы народной волшебной и сатирической сказки.

Фольклорные мотивы встречаются во многих любовных и авантурных романах классического периода японской литературы X—XI веков («Повесть о прекрасной Отикубо», «Повесть о дуплистом дереве» и др.).

Когда в Японии возникла и развилась литература, устная сказка стала достоянием простого народа. Но встречались любители сказки и среди образованных людей. В начале XI века был создан свод японских, индийских и китайских сказаний «Кондзяку моногатари» («Стародавние повести») (тридцать один том). Жанровый охват этого сборника очень велик: он включает в себя буддийские легенды, волшебные и авантурные сказки, новеллы, анекдоты. В XIII веке появилась еще одна книга такого рода: «Удзи сюи

¹ «Волшебные повести», перевод с японского В. Марковой, Гослитиздат, М. 1962.

моногатарии» («Рассказы, подслушанные в Удзи»). Эти памятники литературы — подлинная сокровищница сюжетов. Например, сказка «Счастливая соломинка» встречается в обоих этих сборниках и принадлежит к числу наиболее известных.

В начале XVIII века появился сборник «Отогидзоси» («Ночные рассказы»), включавший в себя двадцать три повествования разных жанров, главным образом, волшебные и авантурные сказки. Тут и сказка про Мальчика с пальчик, и легенда об Урасима-Таро, и чудесные похождения мореплавателей на далеких островах, населенных чудовищами, и любовные истории. В том числе находились и сказки, помещенные в этой книге: «Девушка с чашей на голове» и «Таро Лежебока».

Сочинены они были задолго до того, как попали в сборник, в XV или XVI веке неизвестными авторами. В то время в Японии уже появились многолюдные города, и круг читателей «лубочной литературы» все время расширялся. Купцы, приказчики и ремесленники любили в свободное время почитать занятную книжку с картинками.

Сочинители брали ходячие сказочные или романтические сюжеты и обрабатывали их в духе старинных романов. Они старались писать «изящно», украшая текст поэтическими метафорами и сложной игрой слов.

В сказках «Девушка с чашей на голове» и «Таро Лежебока», вошедших в настоящий сборник, воспроизведен чисто условно быт давно прошедшей Хэйанской эпохи. В IX—XII веках в столице Хэйан (Киото) появилась высоко развитая культура, получившая название Хэйанской. Она оставила замечательные памятники литературы и искусства, но была уделом немногих аристократов. Герои сказок из сборника «Отогидзоси», как и подобает утонченным хэйанцам, сочиняют пятистишия — танка на все случаи жизни. Действительно, этот род поэзии был в старину очень распространен, и каждый мало-мальски образованный человек умел быстро и вовремя сложить стихотворение.

«Таро Лежебока» становится не только богатым сановником, но и божеством. Однако подлинная народная основа сказки все же просвечивает сквозь густую ретушь. И до сих пор в японской деревне любят рассказывать о том, как последний, казалось бы, лентяй и простак вдруг превзошел быстротой ума. Он разгадывает загадки хитрой девушки и женится на ней, побеждает в поэтическом состязании всех своих соперников.

Авторы сказок «Отогидзоси» с дидактической целью внесли в них много поучений в буддийском духе. Герои то и дело рассуждают о предопределении и карме, но это обычно готовые религиозные формулы, своего рода поговорки.

В конце прошлого века писатель Ивая Садзанами выпустил книгу «Сказки Японии» («Нихон мукаси банаси»). Старинные японские сказки в превосходной художественной обработке Садзанами имели большой успех не только у себя на родине, но и за рубежом. Книга «Сказки Японии» была переведена на многие языки мира, в том числе и на русский¹.

В послевоенные годы известный драматург Киносита Дзюндзаи создал ряд популярных пьес на темы японских сказок. Особенно большой успех имела одна из них о девушке-журавле («Юдзуру», в русском переводе «Журавлиные перья»)².

Японские сказки — это мост, перекинутый в глубь далекой старины, и тот, кто пройдет по этому волшебному мосту, узнает, в каких трудах, муках и радостях рождалась нынешняя Япония.

Сказка в Японии — это отдых после трудового дня. «Если днем рассказывать, то мыши будут смеяться», — говорят в некоторых деревнях.

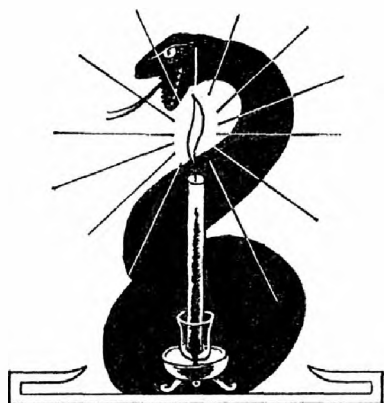
И в самом деле, что может быть приятнее, чем, сидя зимою вокруг зажженного очага, слушать целый вечер то смешные, то увлекательно-волшебные предания старины.

В честь этого обычая книга и называется «Десять вечеров».

В. Маркова

¹ С а д з а н а м и С а н д з и н, Нихон мукаси банаси. Сказания древней Японии, перевод с японского с примечаниями В. М. Мендрина, С.-Петербург, 1914, издание А. Ф. Девриена.

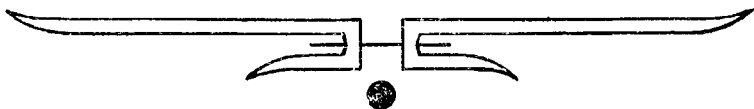
² К и н о с и т а Д з ю н д з и, Журавлиные перья, перевод с японского И. Львовой. — Журн. «Театр», 1955, № 12.

**ВЕЧЕР
ПЕРВЫЙ**

ГДЕ СВЕТУ КОНЕЦ?

В старину, в далекую старину, захотелось однажды птице-карёбинге ¹ полететь туда, где свет кончается. Покинула она свой родной остров Танэга-сима и понеслась, как стрела, над открытым морем.

Семь дней, семь ночей летела карёбинга, на восьмой увидела высокое дерево с одной-единственной веткой. Поднималось оно прямо из морской пучины. Отдохнула карёбинга на этом дереве и снова пустилась в путь.

Еще семь дней, семь ночей летела она над волнами, — и что же: высится над морем второе такое же дерево! Опустилась птица на ветку, сложила свои усталые крылья.

Вдруг послышался голос из моря:

— Это кто там сидит?

Захлопала карёбинга крыльями от испуга.

— Я — птица-карёбинга. А ты сам кто?

— Ва-ха-ха-ха! Я — морской омар!

Думала карёбинга, что сидит на дереве, а оказалось: это ус громадного омара. Еще сильнее она крыльями захлопала.

— А-ха-ха-ха, — засмеялся омар, — здесь равнина великого моря, я на ней и живу. А ты куда путь держишь?

¹ Карёбинга (санскр. калавинка) — фантастическая птица с очень красивым голосом.

— Лечу искать, где свету конец.

При этих словах омар еще круче изогнул дугой свою спину и захохотал громче прежнего:

— У-ва-ха-ха-ха! Брось ты эту глупую затею. Хочешь конец света найти, а семь дней, семь ночей летела от одного моего уса до другого. Ва-ха-ха-ха!

Раскрыла карёбинга клюв от удивления. Не стала она больше искать конец света и вернулась, опечаленная, на свой родной остров Танэгасима.

А омар, напугав карёбингу, развеселился и думает: «Я сам найду конец света».

Поплыл омар. Изогнется кольцом и прыгнет. Изогнется и прыгнет. За один прыжок целую тысячу ри ¹ покрывает.

Семь дней, семь ночей плыл омар. На восьмые сутки выбился он из сил. Вдруг видит он: зияет в море большая пещера. Забрался омар в нее отдохнуть. Отдохнул и опять поплыл большими прыжками. Что ни прыжок — тысячу ри за собой оставляет.

Так прошло еще семь дней, семь ночей, и увидел он снова пещеру в океане. Забрался в нее и, притомившись от долгого пути, заснул крепким сном.

Вдруг раздался громовой голос. Вздрыгнул омар от испуга.

— Ты кто такой, негодяй? Как смел в мою ноздрю забраться? Отвечай, а не то убью!

Собрался омар с духом, зашевелил длинными усами.

— Я — морской омар. А ты кто такой?

— Ва-ха-ха-ха! Я — морской скат. Ты куда путь держишь?

— Конец света ищу.

¹ Ри — японская миля, равна 3,93 километра.

Заколебалась пещера, заходила ходуном, как от землетрясения.

— У-ва-ха-ха-ха! Дурацкая затея! Ведь ты плыл семь дней, семь ночей от одной моей ноздри до другой. Вот тебе мой совет, малютка, возвращайся-ка ты обратно.

Заворчал омар про себя, выдувая пену клубами, но вдруг повернул обратно и быстро скрылся из виду.

Пришла теперь очередь ската. Подумал он: «Я такой большой и сильный. Нет для меня невозможного! Кому же найти конец света, как не мне!»

И пустился в далекий путь. Семь дней, семь ночей плыл он без отдыха.

На восьмой день засверкало под ним морское дно и выступил из моря белый песчаный берег, гладкий и мягкий. Отдохнул на нем скат, и снова в дорогу. Еще семь дней, семь ночей он плыл, и вот снова открылся перед ним берег, такой же белый и ровный. Задремал усталый скат на берегу сладким сном. Как вдруг раздался такой громовой голос, что все море всколебалось и заходило бурунами.

— Эй ты, невежа! Как смел ко мне на спину забраться?

Задрожал от страха скат и крикнул, сколько голосу хватило:

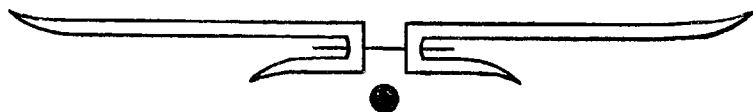
— Я — морской скат. А ты сам кто?

— А я — каракатица. Каким ветром тебя сюда занесло? — спросила каракатица насмешливым голосом и вдруг выпустила на ската черное облако.

— Я конец света ищу.

— У-ва-ха-ха-ха! Вот дурацкая выдумка! Семь дней, семь ночей плывешь ты, а еще моей спины не миновал. Брось свою глупую затею, пока не поздно.

Ничего не ответил скат. Повернулся к каракатице хвостом и поплыл обратно.

ГЛАЗА ЗМЕИ

Жил в старину лесоруб по имени Нихати. Однажды, спускаясь с гор, шел он через рощу. Вдруг видит: что-то черное обвилось вокруг дерева и шевелится, как живое.

Не из робких был Нихати, но и его страх пронял. Остановился он, смотрит издали, и что же! Прикручена какая-то незнакомая женщина к стволу дерева черной веревкой.

С опаской подошел лесоруб поближе. Еще страшнее ему стало. Не веревкой привязана эта женщина к стволу, а жгутами собственных длинных волос. Глаза у нее закрыты, словно она без памяти.

Пожалел ее Нихати и, победив свой страх, развязал узлы волос. Упала женщина на траву, глубоко вздохнула и открыла глаза. Была она молода и прекрасна.

— Что случилось с тобой? Кто тебя обидел? — спросил Нихати.

Тут полились у женщины слезы ручьями. Но сколько ни расспрашивал ее лесоруб, она только плакала, уткнувшись в землю лицом, и ничего не отвечала. Постоял, постоял возле нее Нихати и, не добившись толку, пошел было прочь.

Вдруг она поднялась на ноги и позвала его:

— Постой! Подожди!

Нихати обернулся, а женщина просит его:

— Не оставляй меня одну в лесу. Позволь мне пойти с тобою.

Неведомо откуда пришла эта женщина, но как покинуть ее в беде? Приютил Нихати незнакомку у себя в хижине.

Живет она у лесоруба неделю и другую, но о том, что с ней прежде было, не говорит ни слова. Нихати больше и не спрашивал: верно, есть у нее какая-нибудь тайна на сердце.

Но однажды решился лесоруб и сказал ей:

— Не пойдешь ли за меня замуж? Стану я о тебе всю жизнь заботиться.

— Спасибо тебе за то, что ты меня, несчастную, полюбил,— отвечает она.— Я согласна стать твоей женой, но раньше обещаю никогда ни о чем меня не расспрашивать.

— Что было, то прошло! Какое мне до этого дело? Никогда ни о чем тебя не спрошу,— обещал Нихати.

Поженились они и зажили счастливо. Понесла молодая жена дитя под сердцем. Когда пришло ей время разрешиться от бремени, попросила она мужа:

— Построй вокруг дома ограду. И смотри не заглядывай в дом, пока я сама не выйду к тебе с ребенком на руках.

Построил Нихати вокруг дома высокий забор, а сам ушел из дому, как жена велела. Ждет он два дня, ждет три, и напала на него тревога. Места он себе не находит. Жива ли жена? Благополучно ли родила?

Не выдержал он наконец, просверлил в заборе дырку и заглянул..

Тут подкосились у него от ужаса ноги, чуть-чуть он памяти не лишился. Лежит в доме огромная змея. Обвилась она кольцами вокруг младенца.

Насилу опамятовался Нихати, пошел потихоньку прочь. Идет он и горько-горько кается:

— Значит, не человек она, а змея! Но уж раз я на ней женился, так тому и быть. Ах, зачем я не послушался, зачем подглядел!

Через семь дней вышла жена из дому с хорошеньким сынком на руках, а из глаз у нее слезы так и катятся.

— Просила я тебя, уж так молила не подглядывать за мной. Не послушал ты меня. До сих пор ничего я тебе не рассказывала, но, видно, придется теперь все тебе открыть. Разгневался на меня горный бог,

проклял меня и обратил в страшную змею. Но все же мне было дозволено принять на время человеческий образ. Если бы встретился мне верный друг, полюбил меня и не изменил своему слову, то я бы навсегда осталась человеком. Но не сдержал ты слова! Должна я теперь навеки остаться змеей! Прощай! Я вернусь на дно горного озера, а ты позаботься о нашем ребенке. Береги его!

Смотрит Нихати, а она уже до половины змеей оборотилась. Вместо ног чешуйчатый хвост вьется.

Взял от нее Нихати сына и говорит:

— Ты покидаешь меня! Как же я один выращу нашего младенца? Чем я буду его кормить?

— Когда он заплачет, дай ему вот это. Заменит оно материнскую грудь.

Вынула жена у себя из глазицы левое око и пропала, осталась вместо нее змея. Оглянулась змея на опечаленного Нихати, будто прощалась с ним, и медленно-медленно уползла в горы.

Дал лесоруб своему маленькому сыну имя Ботарó и начал растить его один. Только дитя заплачет, даст он

ему вместо соски материнское око. Верно, заключена была в нем великая материнская любовь: сразу ребенок утихнет и улыбнется. Но раз от разу становилось оно все меньше и однажды растаяло совсем.

Как не стало материнского ока, начал Ботаро криком кричать. Давал ему отец и то и другое, ничего не берет. Измучился Нихати вконец. Привязал он ребенка к спине и пошел искать горное озеро. Долго-долго блуждал по лесам и горам Нихати. Вдруг блеснула перед ним в темной лощине вода. Подошел Нихати к берегу и позвал:

— Где здесь матушка маленького Ботаро? Отзовись, покажись! Я тебе сына принес.

Всколыхнулась вода, и выплыла со дна озера огромная змея, слепая на один глаз.

Сказал ей Нихати:

— Ребенок наш день и ночь криком кричит. С тех пор как ты ушла от нас, он все время кормился только твоим оком. Но понемногу растаяло оно. Боюсь, умрет наше дитя с голоду. Пожалей его, дай для него другое свое око.

Грустно, грустно отвечала ему змея:

— Хорошо, отдам я и второе свое око, но останусь я слепой и уже не смогу отличать утреннего рассвета от вечерних сумерек. Прошу тебя, каждое утро и каждый вечер звони в колокол возле этого озера. Так буду узнавать я, что настал новый день и пришла новая ночь.

Вынула она из глазницы свое правое око и дала его плачущему Ботаро.

— Заботься о нашем сыночке, муж мой. Тяжко мне расстаться с вами, но лежит на мне проклятье горного бога. Такова моя жестокая судьба!

Но я и вдали буду хранить нашего ребенка.

Тут полились у нее из пустых глазниц кровавые слезы, и опустилась она на дно озера.

А дитя как взяло в рот материнское око, так сразу утешилось и перестало плакать.

Нихати попросил в соседнем храме большой колокол, повесил его у горного озера и стал звонить каждое утро и вечер.

Так слепая змея узнавала, что настал еще один вечер и занялось еще одно утро.

А когда и второго материнского ока не стало, Ботаро уже подросток. Стал он здоровым и сильным на удивление.

Вот исполнилось ему десять лет. Играет он с деревенскими мальчишками, а сам думает: «У каждого есть родная мать, почему у одного меня нет?» Стал он расспрашивать отца, и рассказал ему Нихати все, как было. Подумал тогда мальчик: «Пусть у меня мать — страшная змея, все равно я хочу ее увидеть».

На другое утро вышел Ботаро потихоньку из дому и отправился к горному озеру.

Стал он на берегу и закричал во весь голос:

— Матушка, матушка, это я, Ботаро, пришел!

Тут всколыхнулась вода, и выплыла со дна озера огромная слепая змея.

Испугался мальчик и кинулся было бежать. Но тут вспомнил он, как мать из любви к нему своих очей не пожалела, вернулся назад и, крепко обняв змею за шею, заплакал, повторяя:

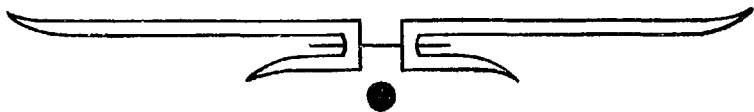
— Матушка, дорогая матушка!

Упали его слезы на пустые глазницы змеи, и вдруг прозрела она и обратилась в женщину:

— Ботаро, Ботаро, не побоялся ты один пойти в глубину гор и обнять меня. Не утратился ты моего безобразного вида. Теперь проклятье горного бога потеряло власть надо мною и я снова приняла человеческий образ.

С этими словами матушка Ботаро крепко прижала его к сердцу. Пошли они, радостные, домой.

С тех пор все трое жили счастливо и не разлучались до конца своих дней.

ОТКУДА ПОШЛИ ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ

В старину, в далекую старину, жил у самого подножья горы Хикодзэн один бедный вдовец по имени Токубэй.

Всю жизнь усердно работал Токубэй, но в старости сломила его болезнь. Слег он в постель. Пришла в дом Токубэя горькая нужда. Каждый день приходилось гадать: умрешь ли сегодня голодной смертью или еще до завтра протянешь? Было у Токубэя двое детей: сын Гэнкити и дочка по имени Юки. Позвал он их однажды и сказал:

— Простите меня, дети мои. Лежу я беспомощный и не могу вас прокормить. Из-за меня вы голодаете.

— Что ты, что ты, отец! Об этом мы и не думаем. Одно нас печалит, что не можем мы для тебя лекарства купить. А ты с каждым днем все больше слабешь...

Наконец сказал Гэнкити:

— Разве вот что! Пойду-ка я к дяде моему Гондзе, попрошу у него денег в долг. Тогда и ты, отец, поправишься, и сестренка Юки перестанет хныкать от голода.

— Но, Гэнкити, ты ведь знаешь, этот Гондза — страшный скряга. Он хуже собаки. Когда умирала твоя мать, Гондза не подумал навестить ее. А теперь делает вид, будто не знает, что я, его родной брат, при смерти. Если ты попросишь у него денег, только

обидных слов наслушаешься. Ведь он готов из-за медного гроша удавиться!

— Но ведь не погибать же нам голодной смертью!

— Ах, бедный мой сын! Прости меня...

— Постой, отец! Пришла мне в голову хорошая мысль. — И с этими словами Гэнкити выбежал из дому прямо под проливной дождь... Но куда бежать, этого он и сам не знал. Гэнкити только хотел успокоить отца.

Понемногу ноги юноши сами понесли его к дому дяди. «А вдруг да сжалится? — думал Гэнкити. — Ведь не каменное же у него сердце!»

Но все случилось, как говорил отец. Гондза его и слушать не стал.

— Нашел тоже богача! Нет у меня денег для таких, как вы, попрошаек. Убирайся отсюда!

— Но ведь отец умирает! Я вам отработаю, дядюшка. Буду трудиться день и ночь.

— Мне какое дело, кто будет жить, кто умрет. Ведь я не бог. Пошел прочь, ну, живо! Грязный оборванец, весь пол в кухне измарал. Проваливай отсюда!

Выскочил Гэнкити из дома дяди как ошпаренный. Пошел он по горной дороге, ничего не видя от слез. С веток сосен и криптомерий струями лилась вода, будто и они плакали. Долго бродил Гэнкити. Он и сам не знал, сколько времени прошло.

Вдруг услышал он ласковый старческий голос:

— Стой, Гэнкити! Гэнкити, подожди!

— Кто меня зовет?

Перед Гэнкити, как из-под земли, вырос седобородый старик с парой грязных деревянных сандалий * в руках.

— Скажи мне, отчего ты плачешь? — спрашивает старик.

— Мне очень нужны деньги, да негде их взять.

— А для чего тебе деньги?

— Надо купить лекарство и риса.

— Самому они тебе нужны или кому другому?

— Да если б мне самому, не стал бы я плакать.

Отец у меня от болезни и голода умирает.

— Хорошо, тогда я дам тебе эти сандалии.

— А что я с ними делать стану!

— Они принесут тебе деньги. Надень — и уви-

дишь... При каждом твоём шаге из-под них червонцы сыпаться будут. Но если одолеет тебя жадность и пожелаешь ты золота для одного себя, то случится с тобой страшная беда. Червонцы польются рекою, но сам ты будешь становиться все меньше и меньше. Помни это да ступай скорее к своему отцу.

И пропал старик из глаз, будто растаял.

«Уж не почудилось ли мне?» — подумал Гэнкити. Но нет, в руках у него пара деревянных сандалий...

Вернулся домой Гэнкити. Надел он сандалии, сделал шаг-другой, у него из-под ног золотые монеты посыпались. Купил Гэнкити на них лекарство для отца. Старик поправился, и сестренка перестала плакать от голода. Зажили они втроем хорошо, как в прежние времена.

Прошел слух об этом чуде по всем окрестным селеньям. Один за другим стали наведываться люди к Гэнкити, чтобы попросить у него сандалии в долг, и всем задавал юноша лишь один вопрос:

— Для кого тебе нужны деньги: для себя самого или для других людей?

И он охотно давал сандалии каждому, кто хотел помочь другим.

Но однажды вдруг раздался у его дверей голос:

— Что, братец Токубэй дома? Это я, Гондза. О-о, Гэнкити, каким ты стал молодцом! Ну, я вижу, дела у вас идут на лад, а я-то о вас беспокоился. Как ты себя чувствуешь, братец? Береги себя! Здоровье дороже всего.

— Гондза! Зачем ты к нам пожаловал?

— Зачем? Хе-хе-хе. Дай, думаю, проведу большого брата.

Но Гондза на брата и не глядел. Так и впился глазами в чудесные сандалии.

— Знаю я тебя, Гондза, хорошо тебя знаю. Только из-за этих сандалий ты к нам и пришел. Недобрая у тебя душа. Уходи отсюда прочь.

— Хе-хе-хе... Но, братец, ведь сандалии-то не твои. Они принадлежат твоему сыну

Гэнкити. Выходит, я у тебя ничего не прошу.

— Что? Ах ты, бессовестный! Да как у тебя язык повернулся!

— Ты, братец, помалкивай лучше. Послушай, Гэнкити, добрый мой Гэнкити! Как-никак, я у тебя единственный дядя. Дай мне эти сандалии на один только вечер.

— На один вечер?..

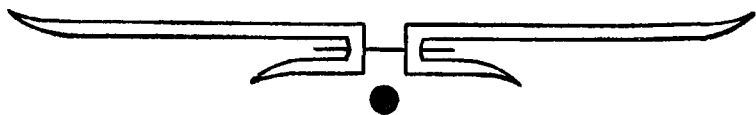
— Только на один!

— Хорошо, Гэнкити, дай сандалии дяде,— приказал Токубэй.

Не успел он договорить, как Гондза уже схватил сандалии с божницы * и не помня себя от радости помчался домой.

— Ах, отец, беда может случиться! Тому, кто наденет эти сандалии, опасно только о своей корысти думать. Побегу-ка я вдогонку за дядюшкой Гондзой.

Встревоженный Гэнкити помчался по горной дороге следом за Гондзой. Прибежал он к его дому и видит: в пустой комнате золото грудой навалено. Повсюду рассыпаны червонцы. И среди них, поблескивая золотом, бегают маленький жук — все, что осталось от жадного Гондзы.

СЫНОК-УЛИТКА

Жил некогда один богач. В кладовых у него были скоплены несметные сокровища. Кругом, до самых дальних гор, тянулись его рисовые поля. Ни в чем богач себе не отказывал.

А между тем был у него батрак беднее любого нищего: над его очагом никогда дымок не курился. От зари до зари работал батрак со своей женою на полях хозяина, а из бедности не выходил.

Но пуще всего горевали они, что обоим уже за четвертый десяток перевалило, а детей у них все нет. Вернутся батрак с женой в свою пустую лачужку и вздыхают:

— Ах, если б родилось у нас дитя, все равно какое, ростом хоть с лягушонка, хоть с улиточку.

Вот как-то раз отправилась жена батрака полоть траву на рисовом поле. Стоит по колени в воде, полет траву, а в душе молится:

«О, прошу тебя, бог воды на рисовых полях, даруй мне ребенка, ростом хоть с эту улиточку».

Вдруг почувствовала она сильную боль. Словно кто ее ножом режет. Терпела, терпела, а боль все сильнее. Вернулась она с поля домой.

Встревожился батрак, испробовал все средства, какие только знал, ничего не помогло. Лекаря бы позвать, а в доме ни гроша. Что тут делать? Совсем он голову потерял. К счастью, нашлась поблизости повитуха. Пришла она, осмотрела больную и говорит:

— Да ведь она рожает!

Обрадовались батрак с женою. Зажгли поскорее огонь перед божницей и стали просить бога воды, чтобы дитя появилось на свет благополучно. В скором времени родила жена сына: маленькую улитку.

Огорчился было батрак, но потом сказал:

— Ведь это дитя, вымоленное, выпрошенное нами у бога воды. Хоть какой ни на есть, а все наш родной сыночек!

Налили они в чашку воды, положили туда улитку и поставили чашку на божницу.

Прошло двадцать лет. Сынок-улитка нисколько не подрос за это время и ни единого слова не сказал, но ел он, как настоящий человек.

Однажды надо было отвезти годовой оброк хозяину. Взвалил старик отец тяжелые мешки с рисом на спину лошади и горько вздохнул:

— Услышал бог воды наши мольбы и послал нам желанного сыночка. Уж как мы обрадовались! А только сыночек-то наш — улитка. Какая польза от такого детища! Всю жизнь я работал, не жалея сил, и теперь на старости лет приходится одному без всякой помощи кормить семью.

Вдруг откуда-то донесся голос:

— Не печалься, отец, сегодня я вместо тебя повезу хозяину мешки.

Посмотрел батрак вокруг, в доме нет никого. Что за чудо! Спрашивает он:

— Кто со мной говорит?

— Это я, отец. Долго ты меня кормил. Настала пора и мне о тебе позаботиться, и себя людям показать. Сегодня я вместо тебя отвезу нашему хозяину оброк.

— Как же ты, сынок, погонишь лошадей?

— Не тревожься, отец. Посади меня на мешок с рисом, вот увидишь, лошадь сама послушно пойдет, куда надо, а за ней и другие две, — ответил сынок-улитка.

Удивился старик. Сын его за двадцать лет ни единого слова не вымолвил, а теперь вдруг так бойко заговорил, да мало того! Сам хочет оброк хозяину отвезти. «Но ведь это говорит сын, посланный мне богом воды. Грех было бы мне противиться», — подумал.

мал он и нагрузил мешки с рисом на трех лошадей. Потом снял с божницы чашку, в которой жил сынок-улитка, и поставил ее бережно на спину одной лошади посреди мешков с рисом.

Сказал сынок-улитка:

— До свиданья, отец, до свиданья, матушка!— да как крикнет на лошадей, будто всю жизнь их погонял: — Хайдо-о, хайдо-о! Эй вы, кони, ну-у, пошли!

Лошади тронулись и вышли из ворот на дорогу. Сынок-улитка едет на передней.

Отпустил батрак сына, а у самого родительское сердце так и щемит, так и ноет. Стоит он в воротах и смотрит вслед.

А той порой сынок-улитка знай себе коней понукает. Как подъедут они к водоему или мосту, кричит, словно заправский погонщик:

— Хай-хай, сян-сян!

Да вдобавок еще затянул он песню погонщиков. Красивый голос так и льется, кони в лад выступают, колокольчиками позвякивают.

Встречные на дороге и крестьяне на полях только диву даются. Слышен звонкий голос, а никого не видно. Ведь это кони батрака! Сразу можно узнать этих заморенных клячонок. Но кто же песни поет? И кто лошадьми правит? Удивляются люди: «Каких только чудес на свете не бывает!»

Посмотрел отец, посмотрел, как сынок-улитка ловко лошадьми правит,— и бегом домой. Склонились батрак с женой перед божницей и молят оба:

— Внемли нам, бог воды на рисовых полях! До сих пор не ведали мы, какого прекрасного сына ты послал нам, и не так ценили его, как надо. Просим тебя охранять его в пути.

А сынок-улитка знай себе коней понукает. Так и подъехал к воротам богача. Вышли навстречу слуги, ворота отпирают. А как отперли, глазам своим не верят. Стоят клячонки с тяжелой поклажей, а при них и нет никого.

Вдруг со спины коня донесся голос, будто мешок заговорил:

— Эй, слуги! Привез я оброк хозяину. Помогите мешки с лошадой снять.

— Кто это голос подает? Никого словно не видеть.

Смотрят, а между мешками примостилась маленькая улиточка.

Говорит им улитка человеческим голосом:

— Сами видите, ростом я не вышел. Не могу снять мешки с лошадей. Уж потрудитесь за меня. Да осторожно положите меня на край веранды. Не раздавите ненароком.

Слуги перепугались:

— Хозяин, хозяин, выйдите поглядеть! Улитка оброк привезла.

Вышел на их зов сам хозяин. Видит, истинная правда! Улитка трех лошадей пригнала. Высыпали тут из дому все домочадцы, ахают, удивляются.

Слуги по приказу улитки снесли мешки в кладовую и лошадей накормили как следует. А улитку пригласили честью в дом и поставили перед ним столик с разными кушаньями*. Взобрался сынок-улитка на самый край столика. Как он ел, никто не видел, палочки* с места не сдвинуты, а в чашках ни одной рисинки не осталось. Глядят, и миска с полхлебкой стоит пустая. Исчезла и рыба.

Наконец молвил сынок-улитка:

— Спасибо хозяевам за вкусное угощенье. Теперь бы я чайку выпил!

Хозяин и раньше слышал, что есть у батрака с женой сынок-улитка, вымоленный у бога воды. Говорили, что за весь свой век он слова не вымолвил и ни к чему не пригоден, лежит себе в чашке воды на божнице. А выходит не то — и разговаривает он человеческим голосом, и работать умеет.

«Мне бы в дом такое бесценное сокровище! — думает богач. — Надо как-нибудь залучить его к себе даром».

И повел он речь ласковым голосом:

— Господин улитка, господин улитка! Наши два дома дружили между собой еще с дедовских времен. Не худо бы нам породниться. Есть у меня две дочери. Бери себе в жены любую!

Услышал эти слова сынок-улитка, обрадовался. Спрашивает он:

— Вправду ли ты это говоришь, хозяин, или шутишь со мной?

— Верное мое слово. Хоть сейчас отдам за тебя любую из моих дочерей,— поручился ему богач.

А отец его и мать места себе от тревоги не находили: «Что-то долго наш сынок не возвращается? Уж не случилось ли с ним чего-нибудь в пути?»

Вдруг зазвякали за воротами колокольчики. Вернулся сынок веселый-развеселый, на одной клячонке сам едет, двух других подгоняет. Собрала мать поужинать. За ужином стал сынок-улитка рассказывать:

— Отдает за меня хозяин одну из своих дочерей.

Родители так и ахнули: может ли это быть? Но потом рассудили: сын у них не простой, а чудесный, с таким все может случиться.

— Ну что ж,— говорят,— пошлем к хозяину сваху. Тогда узнаем, правду ли он сказал.

Послали свахой тетушку сынка-улитки. Не стал богач отнекиваться, позвал обеих дочерей и спрашивает у них:

— Которая из вас согласна идти замуж за улитку?

Старшая так ногами и затопала:

— Что же я, безумная какая или последняя на свете, чтобы взять себе в мужья погань ползучую, гада водяного? Да по мне — помереть лучше!

А младшая ласково молвила:

— Не огорчайся, отец. Уж если обещал ты выдать меня замуж за улитку, то я согласна.

На том и порешили. Поспешила сваха к батраку с радостной вестью. Вскоре доставили приданое на семи лошадях, да еще носильщики принесли сундуки и укладки на семи шестах. А уж ручной клади и не счесть было.

Не нашлось в бедной хижине места для такого богатства, и построил для него отец невесты особую кладовую*.

В доме батрака одни голые стены. Некого было и на свадьбу позвать. Встречали невесту только свекор со свекровью да тетушка-сваха. Всего-то гостей пришло — одна соседняя старуха.

Видят родители, досталась им невестка красивая и приветливая. Порадовались они, что сынку-улитке такое счастье выпало. Стала невестка служить старикам как преданная дочь. И на поле она работала не покладая рук. Хорошо зажили старики.

По обычаю, молодая должна была вскоре после свадьбы навестить родной дом. Выбрали восьмой день месяца зайца*, когда справляется праздник Будды Целителя, чтимого в той деревне. Вишневые цветы только-только начали распускаться.

Вот пришел назначенный день. Хотелось молодой полюбоваться на праздник. Набеллась она, нарумянилась, достала из сундука самое свое нарядное платье и так стала хороша, что ни одной небесной деве с ней не сравниться.

Кончила она наряжаться и молвит своему мужу-улитке:

— Пойди и ты со мной поглядеть на праздник!

— Ну что ж, пожалуй, пойду. Денек нынче выпал хороший. Засиделся я дома зимою, приятно будет на свет поглядеть.

Спрятала молодая улитку в узел своего нарядного пояса и отправилась на праздник, а по дороге с мужем беседует. Кто ни пройдет мимо, всякий на нее оглянется: «Такая красивая девушка, а сама с собой говорит и смеется. Видно, помутился разум у бедняжки!»

Пришла молодая к священным воротам перед храмом Будды Целителя. Вдруг говорит ей улитка:

— Эй, послушай, дальше ворот мне ходу нет. Ты иди себе в храм, а я тебя тут подожду, на меже рисового поля.

— Изволь, но будь осторожен, чтоб не заметил тебя какой-нибудь ворон. Я скоро вернусь,— сказала молодая жена и пошла вверх по склону холма к пагоде. Помолилась там и спешит обратно. Смотрит: пропал муж-улитка, нигде его не видно.

Испугалась жена, ищет там и сям, не может найти. Уж не напал ли на него злой ворон? Может, раздолбил его скорлупку своим крепким носом? Или, может, упал ее дорогой муженек в воду на рисовом поле? Ведь там улиток видимо-невидимо.

Вошла молодая жена в воду по колено, вынимает она из воды одну улитку за другой, на какую ни поглядит, все не та! Бросит ее обратно и достанет другую.

Ищет жена и поет:

Улитка, улитка,
Муж мой дорогой!
Где ты, где ты?
Скорее отзовись!
Может, злой ворон
Отыскал тебя?
Тук-тук по скорлупке
Носом застучал:
Тёккура-моккура!
Тёккура-моккура.

Лицо у нее грязью забрызгано, рукава и подол намокли, а она все шарит руками в воде. Вот уже и стемнело. Начали люди по домам расходиться. Глядят на молодую жену, жалеют:

— Ах, горе, такая красавица, и ума решилась!
Долго искала жена, да все понапрасну!

«Теперь, думает, все кончено! Нет больше в живых моей дорогой улиточки. Брошусь я в самую глубокую яму вниз головой и утоплюсь». Только собралась она в яму кинуться, как кто-то ее окликнул:

— Стой, погоди, что ты делаешь?

Оглянулась она. Стоит перед ней прекрасный собой юноша, на глаза широкая шляпа надвинута, за поясом флейта.

Рассказала ему молодая жена все, что с ней случилось.

— Хочу я,— плачет она,— в яме утопиться. Зачем мне жить, если я своего дорогого мужа-улитку потеряла?

— Ну если так, — молвил ей юноша, — не о чем тебе печалиться. Ведь я и есть тот, кого ты ищешь.

Не поверила ему жена: быть того не может!

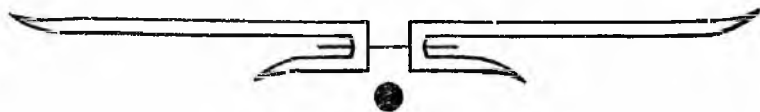
— Не мудрено, что ты не признала меня. Послал меня моим родителям бог воды на рисовых полях, оттого и родился я полевой улиткой. Но сегодня в награду за твою верность и любовь возвращен мне человеческий образ.

Пошли молодые домой. Не наглядится муж на свою пригожую жену, и ей тоже по сердцу прекрасный юноша!

Обрадовались старик со старухой, ни в одной повести о старых временах, ни в одной сказке такого счастья еще никому не выпадало!

Окружил сынок-улитка своих старых родителей почетом и заботой, а тетушку-сваху выдал замуж в хорошую семью. Не позабыл и нищую старуху соседку, что на свадьбе была.

Всех счастьем оделил!

СОЛОВЬИНЫЙ ДОМ

В старину, далекую старину, жил бедный лесоруб. Каждый день ходил он в горы деревья рубить.

Пришла однажды к его лесному шалашу незнакомая девушка. Лицо у нее белое, от солнца большим зонтом закрывается. Загляделся на нее лесоруб. «Бывают же на свете такие красавицы! Вот бы мне ее в жены!»

— Позволь мне отдохнуть в твоём шалаше,— просит девушка.

— Сделай милость, отдохни.

Стали они беседовать между собой. Спрашивает девушка у лесоруба:

— Не хочешь ли на мне жениться? Ты мне по душе пришелся. Дом у меня просторный, пойдем ко мне жить.

— Да оно бы хорошо... Я ведь младший сын в семье, отцу не наследник, а земли у нас с кошкин лоб.

— Так идем со мной. Я буду о тебе заботиться.

Взял с собой лесоруб все свое добро — пилу и топор, и пошел вслед за девушкой. Повела она его в самую глубь гор.

Шел, шел лесоруб — и усталость его взяла.

— Сестрица, а сестрица, далеко ли еще до твоего дома?

— Да, не близко. Живу я вон за той горой, что за теми горами.

Нечего делать. Пошел лесоруб за девушкой дальше. Переваляли они через одну гору, другую, третью и вышли к озеру. Стоит на его берегу красивый дом под высокой крышей.

— Вот мы и пришли. Входи, будешь здесь хозяином.

Видит лесоруб — в доме покои просторные, убраны богато, а ни души не видно. Кипит чайник над огнем, крышкой позвякивает, в чане горячая вода ждет... Быкупался лесоруб, а столик с едой уже наготове. Никогда лесоруб не ел такого белого риса, не пил такого вкусного вина.

Женился он на девушке и зажил с ней без всяких забот. Все к его услугам, только пожелай. В скором времени родился у них пригожий сынок.

Однажды говорит лесорубу жена:

— Хочу я своих родителей навестить, пусть полюбуются на внучка. Ты оставайся дом сторсжить. Вот тебе двенадцать ключей от двенадцати кладовых. Одиннадцать можешь отпереть, но берегись заходить в двенадцатую.

Много раз на прощанье наказывала она лесорубу не отпирать двенадцатой двери. Наконец простилась с мужем, посадила ребенка на спину и ушла еще дальше в горы.

Скучно показалось лесорубу одному. Вышел он во двор и стал отпирать одну кладовую за другой.

Первая была доверху полна отборным рисом. Во второй стояли бочки с мисó¹. Третья была набита сахаром, в четвертой высились горы белой ваты, в пятой хранилась соль. В шестой у самого порога ходили волны, а в воде плескалось множество морских рыб.

«Подумать только, здесь, в глубине гор, водится морская рыба!» — удивился лесоруб. Много еще добра было и в других кладовых.

Так, дивясь и любясь, дошел он до двенадцатой кладовой. Тут вспомнились ему слова жены.

¹ М и с ó — приправа к кушаньям, приготовленная из перебродившей смеси бобов, риса и ячменя.

Строго-настрого запретила она отпирать двенадцатую дверь.

«Да ведь в доме никого нет. Кто меня увидит?» — подумал лесоруб и стал подбирать ключ к замку. Один слишком велик, другой слишком мал. Наконец щелкнул замок. С опаской приотворил дверь лесоруб, заглянул одним глазом, нет ничего в кладовой — пустая.

— Вот тебе на! Что бы это значило? Стоило тогда держать дверь на запоре!

Пригляделся он получше и увидел, что кладовая перегорожена. Стоит посреди нее стенка, да, к счастью, не глухая, проделано в ней маленькое оконце. «А, будь что будет! Дай посмотрю», — думает лесоруб. Отворил он окошечко и заглянул. И что же он увидел?

Цветет в глубине кладовой сливовый сад. На дворе поздняя осень, а в кладовой ранняя весна. Деревья — словно розовые облака. С ветки на ветку порхают соловьи, заливаясь звонкими песнями.

Замер на месте лесоруб, заслушался.

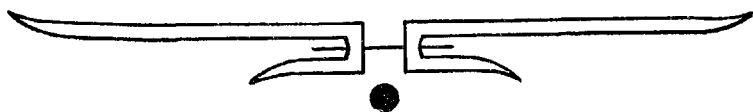
Но вдруг соловьи перестали петь, вспорхнули стайкой, словно что-то их спугнуло, и улетели неведомо куда. А сливовые деревья сразу осыпались. В кладовой дохнуло осенним холодом... Зашуршала желтая трава, зашелестели сухие камыши.

Испугался лесоруб, выскочил из кладовой и поскорей захлопнул дверь. Вдруг видит: идет навстречу ему жена и горько-горько плачет.

— Что ты наделал! Просила я тебя, уж так просила не заглядывать в эту кладовую. Теперь всему конц! Знай, не человек я, а соловей. Пела я весной на ветке дерева возле твоего шалаша и полюбила тебя. Если бы ты не отпер этой двери, жил бы со мной вечно, не зная ни трудов, ни старости, ни болезней... Но ты не сдержал слова! Теперь мы должны навеки расстаться. В ту, двенадцатую, кладовую часто приходит бог этих гор слушать соловьиное пение. Ты разгневал его, прощай!

И вдруг жена обратилась в соловья, посадила ребенка верхом на свой хвостик и с жалобным криком пропала вдали.

Тут лесоруб словно от сна очнулся. Сидит он в своем шалаше, а в руках у него топор и пила.

КОЛПАК «ЧУТКИЕ УШИ»

Жил в одной деревне старик. Пошел он как-то в лес и нашел там красный колпак. Обрадовался старик находке: хоть и дырявый колпак, да ведь у него и такого не было.

«Впору ли он мне?» — подумал старик и нахлобучил его на голову. И что же? Слышал он до того только щебет и крики птиц, а тут вдруг весь лес наполнился спорами и разговорами. Где мать детей кличет, где муж с женой спорят, а там слышны нежные любовные речи.

Старик даже в сторону шарахнулся от испуга! Сбила ветка колпак у него с головы, и сразу стихли речи, снова зазвенел непонятный птичий щебет. Поднял старик колпак с земли, надел на голову, и опять послышались разговоры и вверху, на ветках, и внизу, в кустах. Снял колпак — снова птичий щебет да шорох листьев. Надел колпак — опять разумные речи.

«Вот оно что! — догадался старик. — Не простую вещь я нашел, а сокровище, колпак «чуткие уши». Кто его наденет, станет понимать язык всего живого на земле: птиц, зверей и растений. Слышал я про

чудесный колпак и раньше, да только не верил, что есть такой!»

Пошел старик дальше в лес, присел отдохнуть под большим деревом и задремал. Проснулся он от вороньего карканья.

— Что это я, соснул, кажется,— встрепенулся старик. Поднял голову и видит: прилетел откуда-то ворон и опустился на ветку того самого дерева, под которым он спал. Вскоре с другой стороны прилетел еще один ворон и сел на ветку рядом с первым.

Надел старик поскорее свой красный колпак и стал слушать.

Повели над ним два ворона разговор странными хриплыми голосами.

— Давно мы с тобой не встречались, брат,— сказал один ворон.— Ты откуда путь держишь?

— Был я на морском берегу, но пропала там рыба, нечем стало кормиться, вот я и прилетел сюда,— ответил другой ворон.— А ты где летал, брат?

— Прилетел я из Атами. Право, и там не легче. Всюду одно и то же! Лучше скажи, что на свете нового, небывалого?

— Особых новостей нет. Разве вот что: расскажу тебе, что случилось в моей стороне, на морском берегу. Лет шесть назад строил один богач кладовую. Стали настилать над ней крышу из дранки. И случилось так, что заползла в ту пору на крышу змея, ее и прибили гвоздем. Лежит змея, томится, полуживая, и все эти годы ее верная подруга носит ей пищу. Терзает их тяжкое горе. Копится их обида на людей год от года, и поразила змея дочку богача неизлечимой болезнью*. Если никто не догадается приподнять доску и освободить ее, то умрут и змея и девушка. Много раз летал я над крышей и каркал об этом во все горло, да что проку! Никто не внял моим речам.

Другой ворон отвечал ему:

— Правда твоя, непонятливы люди! Как громко ни каркай, все им невдомек.

Наговорились вороны и разлетелись: один — на восток, другой — на запад.

Услышал это старик и подумал: «Хорошо, что на мне был чудесный колпак! Надо скорей идти к богачу спасать девушку. Но раньше выржусь-ка я почудней, пусть думают, что я не простой человек».

Отыскал старик в куче мусора брошенный старый улей, обклеил его бумагой и напялил на голову. Вот приходит старик к дому богача и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Богач как раз сидел, голову ломал: как ему больную дочь вылечить? Позвал он старика:

— Эй, гадатель, не стой у ворот, зайди ко мне в дом, погадай!

Зашел старик в дом, спросил:

— О чем погадать нужно?

— Дочь моя уж много лет болеет, вот-вот умрет. Погадай, с чего на нее болезнь напала и как ее вылечить.

— Ведите меня к больной, — говорит старик.

Сел он у изголовья больной девушки и невнятно забормотал:

Плющ, плющ, ползучий плющ,
По горам ползет, ползет,
Стелется на двадцать ри.
Плющ, плющ,
Ползучий плющ...

Пробормотал он так, а потом и говорит:

— Выстроил ты шесть лет назад новую кладовую, а к крыше нечаянно прибил гвоздем змею. От нее-то и вся беда приключилась.

— Правду говорит прорицатель! — воскликнул богач. — Как раз шесть лет назад строил я кладовую. Тогда, видно, и случилось такое дело. Надо скорее освободить змею.

Тут же позвали плотника, что жил по соседству, и велели ему поднять дранку. А под ней и в самом деле змея, вся белая, высохшая, словно сброшенная кожа, — еле живая.

— Вот она, причина болезни! — сказал старик.

Осторожно положили змею в корзинку, снесли с крыши вниз, поставили корзинку на берегу ручья

и стали поить и кормить змею. А когда она оправилась, отпустили ее на волю.

И стала болезнь девушки понемногу проходить. Вскоре она совсем поправилась.

Богач, не помня себя от счастья, подарил старику триста рё¹.

Вернулся старик домой, купил себе новую одежду и на радостях отправился странствовать.

Однажды сел он отдохнуть под раскидистым деревом возле дороги. Глядь, снова прилетают два ворона — один с запада, другой с востока. Уселись они на дереве и повели между собой разговор.

— Тоскливо жить все в одном и том же городе, мало слышишь нового, — жалуется первый ворон, — поневоле улетишь в другие края.

— Это правда, — отвечает второй ворон, — но вот в городе, где я жил, случилось небывалое дело. Тяжело заболел один богач, не сегодня-завтра умрет. А все от чего? Лет шесть назад пристроил он к своему дому парадные покои и, чтобы расчистить для них место, велел срубить старое камфарное дерево. Пень этого дерева остался стоять под застрехой, и течет на него дождевая вода с крыши. Не погибли корни дерева, и, пока держится в них жизнь, дают они новые побеги. Да только их тут же обрезают. И жить дерево не живет, и умирать не умирает. Думает оно горькие думы, и от этих дум напала на богача тяжелая болезнь. Каждую ночь из горных лесов приходит множество деревьев навещать своего несчастного друга. Жалуется им камфарное дерево, а что они могут сделать! Уж дали бы ему жить на свободе или выкопали бы, чтоб сразу засохло и не мучилось дольше.

¹ Рё — старинная монета значительной ценности.

Услышал старик рассказ ворона и отправился в дальний край к больному богачу. Пришел и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Выбежали люди из покоев богача:

— Гадатель, зайти сюда, хозяин тебя приглашает.

Ввели старика в такие роскошные покои, каких он в жизни не видел. Огляделся он по сторонам и спрашивает:

— О чем же вам погадать?

— Много лет уже болеет хозяин этого дома, — отвечают ему. — Сколько мы ни призывали врачей и заклинателей, пользы от них никакой!

— Не беспокойтесь! — говорит им старик важным голосом. — Я узнаю причину болезни и вмиг вылечу вашего хозяина. Для меня это проще простого.

Забормотал старик свои заклинанья:

Плющ, плющ, ползучий плющ,
По горам ползет, ползет,
Стелется на двадцать ри.
Плющ, плющ,
Ползучий плющ...

А потом и сказал:

— Шесть лет назад построили вы парадные покои возле дома...

— Ах, прорицатель, откуда ты знаешь, что мы строили такие покои шесть лет назад? — спрашивают его домашние.

— Это мне открыло мое гаданье. Поселите меня в тех покоях, и за три дня и три ночи я открою причину болезни вашего хозяина и вылечу его.

Отвели старика в парадные покои. Первым делом он приказал:

— Не входите ко мне, пока не позову!

Настала ночь, но старик не лег спать. Надел он свой колпак и слушает, что дальше будет.

В полночь что-то зашелестело, зашуршало под окном и послышался голос:

— Эй, камфарное дерево, откликнись! Как нынче твое здоровье?

В ответ послышался тихий-тихий голос, точно из-под земли:

— Кто это говорит? Верно, криптомерия с Горы криптомерий? Ты приходишь ко мне каждую ночь. Как мне благодарить тебя за твою заботу! Об одном только теперь я думаю: как бы мне поскорей умереть, но не приходит ко мне смерть, и нет конца моим мучениям.

Стала криптомерия утешать друга:

— Что ты, что ты, нельзя падать духом! Мужайся!

Так побеседовали они и расстались. Но не прошло и часа, как снова послышался шорох и чей-то голос спросил:

— Эй, камфарное дерево, каково тебе сегодня?

— Кто это говорит со мной? Уж не сосна ли с Сосновой горы?

— Да, это я.

— Ты пришла издалека!.. Спасибо тебе.

— Полно, полно! Просто я собралась погулять и зашла к тебе по дороге. Настанет весна, и ты непременно поправишься! Не теряй надежды!

И снова послышалось: «Шурх-шурх!» Это уходила сосна.

Старик в своем колпаке «чуткие уши» слышал все их речи и думал: «Поскорее бы рассвело!»

Едва наступило утро, старик поспешил к больному, сел у его изголовья и опять забормотал свои заклинанья: «Плющ, плющ, ползучий плющ...» А потом рассказал о том, что слышал ночью. Чужое горе — вот причина болезни. Ведь не только камфарное дерево страдает — все деревья на высоких горах вокруг горюют о своем друге.

— Надо поскорее вырыть пень камфарного дерева, тогда и больной поправится! — сказал старик.

Тотчас же вырыли пень камфарного дерева, поставили в саду, разукрасили, словно божество. И хозяин дома поправился. Покинула его болезнь так легко, как сухой листок падает с дерева.

Все в доме не знали, как благодарить старика. Снова получил он триста рё и вернулся к себе домой.

С той поры бросил старик гаданье. Развел у себя хороший сад. Поселились там из благодарности к старику самые красивые деревья со всей округи и цвели каждую весну небывалым цветом. И все звери и птицы тоже дружили со стариком, потому что он их понимал и любил.

**ВЕЧЕР
ВТОРОЙ**

ОГНЕВОЙ ТАРО

В старину, в далекую старину, жила одна девушка по имени о-Кику. Как-то раз гуляла она в поле позади своего дома и вдруг видит: в земле большая яма чернеет. Никогда такой ямы здесь не было. И откуда только она взялась?!

Наклонилась о-Кику над ямой и заглянула в глубину. Темно там и ничего не видно. Разобрало девушку любопытство. Спустилась она в яму и попала в подземное царство. Идет о-Кику по длинной, длинной дороге, а вдоль дороги растут прекрасные, не виданные на земле цветы. Много ли, мало ли она прошла, вдруг видит — стоят черные ворота.

Постучала о-Кику в ворота: дон-дон-дон. Вышел ей навстречу юноша, красивый собой, но бледный до синевы, в лице ни кровинки. Пригласил он ее зайти в дом.

— Зовут меня, — говорит, — Огневой Таро, а это царство огня. Отец мой был владыкой этого царства, но он умер, и с тех пор черти не дают мне покоя. Терплю я жестокие муки, и кто меня от них освободит, не знаю...

Пожалела девушка Огневого Таро и осталась с ним.

На другое утро собрался юноша уходить и наказывает ей:

— Не вздумай подсматривать, куда я иду. Жди меня здесь, в этой комнате. Никуда отсюда не выходи.

Отодвинул он фусумá ¹ в сторону, снова за собой задвинул и ушел в глубь дома.

А в самых дальних покоях кто-то шумит, и галдит, и гремит железом.

Не выдержала о-Кику, выглянула потихоньку. И что же она увидела? Страшные черти раздели юношу догола, растянули на железной решетке и подвесили над огромным очагом. Корчится юноша в пламени. Уж когда совсем почти жизни в нем не осталось, приказал старший черт:

— На сегодня довольно.

Вынули черти юношу из огня.

От ужаса девушка чуть разума не лишилась. Задвинула она потихоньку фусума и вернулась назад в комнату.

На другое утро юноша сказал ей:

— Нынче я опять проведу весь день в дальних покоях дома. Тебе, верно, тоскливо одной... Погуляй в саду, там есть чем полюбоваться. Вот тебе тринадцать ключей от тринадцати кладовых. Двенадцать кладовых можешь отпереть, а в тринадцатую не входи. Еще мой покойный отец запретил ее открывать. Я и сам никогда там не бывал. Слышишь? Не вздумай открыть тринадцатую дверь!

С этими словами Огневой Таро вручил девушке связку черных ключей, а сам опять ушел во внутренние покои.

С тоской в сердце вышла о-Кику на двор. Стоит во дворе рядышком тринадцать каменных кладовых.

Захотелось девушке поглядеть, что в них спрятали. Отперла она ключом первую кладовую. А как увидела, что в ней, все на свете позабыла.

¹ Ф у с у м á — раздвижные перегородки между комнатами в японском доме. Представляют собой решетчатые рамы, с двух сторон обклеенные бумагой.

В первой кладовой праздновали Новый год*.

Множество маленьких человечков в парадных накидках с гербами украшали новогодние сосны, а крошечные девочки в ярких платяцах подбирали мячики с перьями. Весело там было и шумно.

Во второй кладовой стоял февраль. Цвели, благоухая, сливы. Крошечные мальчики пускали по ветру воздушные змеи.

А что же было в третьей кладовой? Там справляли Праздник цветения персиков*. Девочки, ростом с пальчик, нарядные и веселые, любовались великолепно разряженными куколками* величиной в горошину.

В четвертой кладовой светило апрельское солнце. Седобородые карлики, ведя за руку своих внуков, чинно шли в храм по случаю дня рождения Будды*.

А в пятой кладовой? О-Кику не терпелось заглянуть в пятую кладовую.

Там стоял теплый май. В синем небе плавали, как живые, пестрые карпы*, а крошечные мальчики, весело распевая, устилали кровли домов цветущими ирисами. В парадных покоях красовались куклы-воины с ноготок величиной.

В шестой кладовой солнце сияло жарче. На берегу прозрачной реки заботливые хозяйшечки-карлицы усердно мыли белье. А за рекой виднелись рисовые поля. Крестьяне и крестьянки, такие маленькие, что можно было каждого посадить на ладонь, пели песни, высаживая рядами зеленые ростки риса...

О-Кику отперла дверь седьмой кладовой и увидела ясное звездное небо. То был вечер «Встречи двух звезд»*. Дети карликов привязывали к листьям бамбука тоненькие полоски разноцветной бумаги с надписью «Небесная река» и много других украшений.

Наглядевшись вдоволь, о-Кику отперла дверь восьмой кладовой.

Там была ночь осеннего полнолуния*. Крошечные дети любовались светлой луной, а перед ними на столиках лежали пестрыми горками яблоки и груши, не крупнее лесной земляники.

Луна, похожая на большой круглый поднос, пристально смотрела с неба на рисовые колобки-данго.

О-Кики заглянула в девятую кладовую. Там все было красное и золотое. Карлики, опираясь на посох, неторопливо гуляли по горам. То подымались они по крутому склону, то спускались в глубокую долину, любуясь осенними кленами.

Пришла очередь десятой кладовой. Там стоял октябрь. Карлики, взобравшись на деревья, трясли изо всей силы ветви, и на землю градом сыпались спелые каштаны. Весело было смотреть, как дети собирают их в корзины.

О-Кики открыла одиннадцатую кладовую. Навстречу ей потянуло холодным ветром. Вся земля была покрыта мелкой россыпью первого инея. Под каждой застрехой висели сушеная хурма и редька. Крошечные крестьяне молотили рис, радуясь богатому урожаю.

В двенадцатой кладовой было царство снега. Куда ни взглянешь — глубокие сугробы. Дети веселятся, играют в снежки, лепят снежных человечков...

Вот и еще одна кладовая. Но Огневой Таро строго-настрого запретил отпирать тринадцатую дверь. Держит о-Кики черный ключ в руке... И не велено входить, а хочется.

Думает девушка: открыть или не открыть, а сама шаг за шагом, шаг за шагом, все ближе к двери, словно тянет ее что-то...

Вложила девушка ключ в замочную скважину, пробует повернуть, но заржавел замок, не поддается. Насилу-то насилу отперла она дверь и вошла в кладовую.

Эта кладовая не похожа была на все остальные. Не было в ней ни карликов, ни праздничных зрелищ. Попала о-Кики в богато убранный покой. Оглянулась она вокруг и видит: на полочке в парадной нише стоит шкатулка, покрытая черным лаком. Захотелось о-Кики посмотреть, что в ней спрятано. Приоткрыла девушка крышку и заглянула.

Лежат в шкатулке два красных шара. Слово из стекла они сделаны, да только мягкие. Что бы это могло быть? Сунула о-Кики шкатулку за пазуху

и выбежала из кладовой. А солнце уже высоко поднялось. Захотелось девушке пить. Видит она: в саду бежит ручеек. Наклонилась о-Кики над ручьем, пригоршню воды зачерпнула.

В чистой воде, как в зеркале, были видны прибрежные деревья, а на одном из них что-то пестрое шевелилось... Подняла она голову. Огромная змея обвилась вокруг ветки сосны и смотрит на нее, сверкая глазами.

Не помня себя от страха, перепрыгнула о-Кики через ручей и бросилась бежать. И в тот же самый миг приоткрылась у нее за пазухой шкатулка, выкатился оттуда один шар и упал в ручей. Но девушка с перепугу ничего не заметила.

Вбежала она в дом, а навстречу ей идет Огневой Таро.

Рассказывает она ему, какие чудеса видела в двенадцати кладовых, а про тринадцатую ни слова. Слушает ее юноша и улыбается.

Вдруг раздался топот и гам. Высыпала из глубины дома ватага чертей.

Затряслась от страха о-Кики, а черти низко ей поклонились и говорят:

— Добрый вечер! Благодаря вам нашли мы один глаз нашего главного военачальника. Змея все нам рассказала... Наш военачальник повелел, чтобы предстали вы оба перед его лицом.

Повели черти юношу с девушкой к своему главарю. А у того лишь один-единственный глаз сверкает во лбу красным огнем, вместо другого — пустая глазница.

— Великое вам спасибо! — склонил главный черт свои рога перед ними. — Тому уж несколько десятков лет, как покойный отец твой, юноша, разгневался на меня за одно недоброе дело и лишил меня обоих глаз. С тех пор я долгие годы ходил слепым. В отместку за это я и мучил тебя немилосердно. Но сегодня у меня большая радость, один глаз нашелся. Отдайте же мне и второй. Я больше ничем вас не потревожу. Если будут у меня оба глаза, мне и сокровищ никаких не надо. Все вам подарю, только верните мне второй глаз!

Слушает Огневой Таро и ничего не понимает. Спросил он у девушки:

— Ты от меня ничего не скрывает?

— Да, правду сказать, я нарушила твой запрет, отперла тринадцатую кладовую. А в ней стояла шкатулка с двумя красными шарами... Не знала я, что это глаза черта. Положила я шкатулку себе за пазуху, да увидела змею возле ручья и, сама не знаю как, уронила один шар в воду.

Обрадовался военачальник чертей:

— Вот, вот, этот самый глаз. Отдай же мне другой, прошу тебя!

Вынула девушка из-за пазухи шкатулку и отдала черту второй красный шар, а черт сейчас же вставил его себе в пустую глазницу. Засверкали оба его глаза, словно два огня.

На радостях одарил он о-Кику и Огневого Таро несметными сокровищами.

Поженились юноша с девушкой. Весело им жилось, ведь они каждый день могли любоваться всеми временами года.

Желаю счастья! Желаю счастья!

ЖЕНА-ЛИСИЦА

В старину, в глубокую старину, были у одного микадо охотничьи угодья на горах, богатые зверем и птицей. Как-то раз устроили для него кэраи¹ облаву на лисиц.

Вдруг выскочила из кустов тысячелетняя белая лисица, притаилась у самых ног одного кэрая, по имени Ясунари, и просит-молит его со слезами:

— Смилуйся, пощади меня! Оставь мне жизнь хоть до того дня, когда я от бремени разрешусь.

Пощадил Ясунари белую лисицу, отпустил ее на свободу. Узнал про это микадо и сослал виновного в далекий пустынный край. Была у Ясунари молодая жена, по имени Кудзуноха — «Листок плюща». Не поехала она вслед за мужем в изгнание, осталась в столице. А Ясунари так по ней тосковал, что занемог тяжелым недугом. Десять верных слуг, не покинувших его в беде, заботливо за ним ухаживали, но помочь ничем не могли. Ясунари словно таял. Видно было, что уж немного дней осталось ему жить на свете, но жена все не приезжала.

Узнала про это белая лисица, приняла образ Кудзуноха и отправилась к больному. Но только хотела она войти в дом, как замерла у порога. Амулет, наклеенный на двери, заградил ей путь.

¹ К э р а й — в средневековой Японии слуга или вассал знатного человека.

Стала она просить слуг: «Сорвите амулет!» Сняли амулет — и только тогда смогла лисица-оборотень войти в дом.

Обрадовался Ясунари, что жена наконец к нему приехала, и с того часу начал быстро поправляться. Через год родился у белой лисицы сынок, и назвали его Досимáру.

Прошло немало времени с тех пор, как сослан был Ясунари, и вот наконец микадо даровал ему долгожданное прощение. Только тогда приехала Кудзуноха навестить своего мужа. И что же! Видит: место ее занято. Живет в доме другая Кудзуноха, похожая на нее, как одна капля воды похожа на другую. И сынок у мужа от той женщины родился: Досимару.

Глядя на них обеих, никто — даже сам Ясунари — не мог понять, которая же из двух настоящая Кудзуноха.

Тогда велел им Ясунари считаться годами. Сочли обе жены свои годы, и вышло, что лисице Кудзуноха исполнилось тысячу три года, а настоящей Кудзуноха всего тридцать три года.

Пришлось белой лисице уходить. Написала она со слезами прощальное письмо:

Кому я еще дорога,
Тот в дальнем лесу Синода
Пускай навестит меня.

Досимару любил белую лисицу, ведь она была его родной матерью. Он пошел навестить ее в лесу Синода. Радостно выбежала к мальчику белая лисица:

— Добро пожаловать, сынок! — и подарила ему камышовую палку. С тех пор Досимару с этой палкой не расставался.

Получив прощение микадо, Ясунари с семьей воротился в столицу и зажил прежней жизнью.

Как-то раз отправился он на поклонение в храм морского бога Сумиёси* и взял с собой маленького сына. Получил Досимару от своего отца сто монов¹ и, заглядевшись на разные диковины, не заметил, как потерялся в толпе паломников.

Блуждал он, блуждал, да и вышел на морской берег. Вдруг видит: поймал какой-то мальчишка

¹ М о н — старинная монета невысокой ценности.

черепаху и мучает ее немилосердно. Пожалел ее Досимару, выкупил за сто монов и отпустил на свободу.

Вскоре начался прилив. Поплыл озорной мальчишка в море, и, на беду, попалась ему та самая черепаха. Поймал он ее снова и давай мучить хуже прежнего. Но у Досимару больше не осталось ни одной монетки. Стал он просить мальчика:

— Отпусти черепаху. За это я обменяюсь с тобой одеждой.

Досимару был сыном придворного, а тот мальчик — сыном рыбака. Досимару ходил в богатом платье, а сын рыбака — в лохмотьях. Обрадовался он и отдал черепаху. Досимару отнес ее к самому морю и крикнул на прощанье:

— Плыви, черепаха, уплывай скорее, да смотри больше не попадайся, не то худо тебе будет.

Нырнула в воду черепаха и пропала из виду.

Стал Досимару бродить по берегу. Все кругом ему незнакомо. Где ему своего отца искать? Вдруг видит он: плывет к нему по волнам красивая ладья. Вышел из нее сам Повелитель драконов* и говорит:

— Приехал я звать тебя в гости к себе. Спас ты от смерти не черепаху, а дочь мою любимую, принцессу Отохимэ*.

Сел Досимару в ладью и поплыл в подводное царство Повелителя драконов.

Радостно встретила своего спасителя прекрасная Отохимэ. В честь Досимару был устроен веселый праздник. Все рыбы на нем танцевали. Тридцать дней пролетели незаметно, пятьдесят дней промелькнули как один час. Начал Досимару тревожиться о своих родителях. Потянуло его вернуться на родную землю. Поведал он о своем желанье Повелителю драконов, и тот вручил ему три прощальных дара.

Первый дар — жемчужина прилива. Поднять ее высоко

над головой — хлынет море на землю, затопит все вокруг, а спустить — так снова уйдет в свои берега.

Второй дар — жемчужина сытости. Кто ее лизнет — пятнадцать дней будет сыт, да еще исцелится от всяких недугов.

Третий дар — «жемчужина — чуткие уши». Кто поднесет ее к уху — станет понимать язык птиц и зверей.

В придачу к чудесным жемчужинам подарил Повелитель драконов мальчику наряд из золотой парчи и проводил его в ладье до самого берега Сумиёси.

Вышел на берег Досимару, поглядел вокруг. Когда отплывал он в море, на полях только-только начали зеленеть побеги риса, а сейчас спелые колосья отливают золотом.

Был он еще мал годами и не знал, что же ему делать теперь, куда идти.

Вдруг прилетела к нему белая лебедь.

Досимару быстро поднес к уху «жемчужину — чуткие уши» и услышал, как лебедь стонет:

— Досимару, Досимару, спешి скорее домой. Твоя приемная мать с горя умерла, твой отец тяжело болен.

Опечалился Досимару. А лебедь кричит:

— Ты, верно, не знаешь дороги. Иди за мной, я полечу вперед, стану путь показывать.

Пошел Досимару вслед за лебедью, и вскоре привела она его к родному дому. Правду сказала лебедь. Кудзуноха, его приемная мать умерла от горя, а Ясунари был при смерти. Едва теплилось в нем дыханье. Досимару потер отца чудесной жемчужинной, полученной в дар от Повелителя драконов, и Ясунари опять стал здоров. Болезни как не бывало.

Как-то раз видит Досимару: опустился на кровлю его дома голубок и воркует. Быстро поднес мальчик жемчужину к уху. Воркует голубок:

— Досимару, Досимару, скорее ступай в столицу. Не пойдешь — упустишь свое счастье.

Отпросился мальчик у отца и пошел в столицу. Не взял он с собой никакой еды, ведь с ним была жемчужина сытости: лизнешь — пятнадцать дней есть не захочется.

Пришел он в столицу в самый разгар дня, притомился на солнцепеке и лег возле дороги отдыхать в тени.

Вдруг прилетели два ворона, один с запада, другой с востока. Опустились они на соседнее дерево и повели между собой беседу.

— Ты, друг, откуда? — спрашивает восточный ворон.

— Я из Куманó*, — отвечает западный. — У нас в этом году плохой урожай, с голоду умираем. А у вас как?

— У нас в столице все бы хорошо, — отвечает западный ворон. — Вот только люди — страшные они существа. Волшебник Домán напустил на государя злые чары. Зарыл он под северо-западным углом дворца* змею, источающую три смертельных яда. Люди этого не знают. Им и невдомек, отчего государь тяжело заболел. Созвали они знахарей и заклинателей, но ничего не помогает. Не будет государю легче, пока не выкопают змею.

«Важную весть я услышал», — подумал Досимару и поспешил в столицу. Там остановился он в доме одного друга своего отца по имени Цунэмóто. На следующее утро пошел Досимару по городу с камышовой палкой в руках. Идет он и кричит громким голосом: «Достоин жалости тот, кто не ведает, почему его постигла нежданная беда!»

Как раз тогда по улице проходили слуги чародея Домана. Услышали они возгласы Досимару.

«Неспроста этот мальчик говорит такие слова», — подумали слуги и набросились было на Досимару, но он их всех крепко побил и разогнал своей камышовой палкой.

Узнал об этом Цунэмóто и подивился силе мальчика. А тот говорит ему:

— Я могу исцелить нашего государя.

Поверил ему Цунэмóто, явился к государю и доложил, что пришел в столицу один мальчик по имени Досимару. Наделен он чудесной силой и берется излечить недуг государя.

Чародей Доман находился в это время в опочивальне больного.

— Я сам лечу государя! — воскликнул он. — Мне это дело поручено, и я не отступлюсь от него ради глупых рассказней какого-то мальчишки.

Цунэмото вспыхнул от гнева.

— Если так, — говорит, — то надо устроить состязание между Доманом и Досимару. Пусть каждый покажет свое умение. Кто победит, тот пусть и пользуется государя.

На том и порешили. Микадо захотел сам посмотреть, как будут состязаться чародеи.

Призвали Досимару. Вот уселись оба, мальчик и чародей Доман, друг против друга. Сначала Досимару взял листок бумаги и положил в цветочный горшок. Потом прикоснулся камышовой палкой к листку, и вдруг обратился он в дерево сливы. Стали распускаться на ветках алые цветы. Весь дворец наполнился ароматом.

Взял Досимару другой листок бумаги, изрезал его на мелкие кусочки, коснулся их камышовой палкой, и обратились они в соловьев. Вспорхнули соловьи на ветки сливы и запели. Потом Досимару три раза хлопнул в ладоши, и все сразу исчезло.

Тут пришлось Доману призадуматься. Непростой оказался у него соперник. Взял Доман два листка бумаги и сделал из них змею. Поползла змея к Досимару, вот-вот ужалит. Но Досимару даже не пошевелился, только взглянул на нее — и змеи как не бывало.

«В самом деле, он хоть с виду и мал, но могучий волшебник», — решил Доман. Незаметно положил он в ларец-дзюбако¹ двенадцать лимонов и апельсинов и спрашивает мальчика:

— Отгадай, что я положил в ларец? И сколько?

Не мог отгадать Досимару и спросил потихоньку у своей камышовой палки.

— Двенадцать мышей, — шепнула ему камышова палка.

— Двенадцать мышей, — повторил Досимару.

Обрадовался чародей: «Моя победа!» С торжеством раскрыл он ларец, и что же! Стали из всех ящичков ларца мыши выскакивать, и было их ровным счетом двенадцать.

¹ Ларец с набором коробочек для еды и сладостей.

Увидел Доман, что побежден, и бросился бежать. Но поднял Досимару над головой жемчужину прилива, и в то же мгновение нахлынула откуда ни возьмись высокая волна и накрыла Домана с головой. Тут и пришел конец чародею.

Тогда опустил Досимару жемчужину низко-низко:

— Волна, воротись, воротись!

И волна послушно отхлынула.

— Вели копать под северо-западным углом дворца, — сказал мальчик государю, — там зарыл чародей змею, испускающую три страшных яда. В этом причина твоего недуга.

Бросились государевы слуги копать землю там, где указано. И правда! Появилась из земли смертоносная змея. Только змею убили, как прошел недуг микадо.

Получил Досимару богатую награду и вернулся в дом своего отца, опираясь на камышовую палку.

ЧУДЕСНЫЙ КУВШИНЧИК

Некогда на острове Мияко жил один молодой рыбак по имени Масария. Было ему лет двадцать, не больше.

Однажды в ясный лунный вечер пошел он на берег моря рыбу ловить. Вдруг удочка в его руках изогнулась дугой, словно лук.

— А-а, клюет!

Вытащил Масария из воды огромную рыбину. От глаз до хвоста была она длиной в добрых три сяку¹. Только хотел обрадованный Масария снять ее с крючка, как вдруг его руки онемели, словно их отшибло. Свалился он на землю без памяти.

А как пришел в себя, видит: рыба исчезла и стоит перед ним, откуда ни возьмись, девушка дивной красоты.

— Застала меня темнота в дороге, — говорит она голосом чистым, как серебряный колокольчик. — Позволь мне провести одну ночь в твоей хижине.

— Да ведь живу я в тесном шалаше, там и лечь-то как следует негде.

— Мне все равно, лишь бы укрыться от дождя и ночной росы. Прошу тебя, дай мне приют на одну ночь.

¹ С я к у — японская мера длины, равна 30,3 сантиметра.

Впустил Масария девушку в свой шалаш, а у самого сердце так и стучит в груди! В жизни не видал он такой красавицы.

Провели они вместе ночь, а на другое утро, только открыл молодой рыбак глаза, красавица исчезла, словно ветром ее унесло.

Долго не мог рыбак позабыть красавицу. Каждый вечер ходил он на берег моря, но она все не появлялась.

Как-то раз, в безветренный тихий день, закинул Масария сети в море и стал поджидать улова. Вдруг он видит: на волнах покачивается челнок-однодеревка, а в нем сидят двое маленьких мальчиков — каппа *. Тело у них чешуей покрыто, а глаза навывкате, как у больших рыб.

— Отец! Здравствуй, наш отец! — закричали они.

Сильно удивился Масария.

— Почему вы меня так зовете? Какой я вам отец! Вы же каппа, дети воды!

— Что ты отпираешься! Разве не было у тебя любовной встречи с нашей матушкой года два-три назад? — не по возрасту смело спрашивают дети. — После этого и родились мы на свет, двое братьев-близнецов.

— Ну, если так, то вы и вправду мои дети. Но где же ваша матушка?

— На дне моря, во дворце Повелителя драконов.

— Да неужто?

— Она послала нас за тобой, отец.

Как услышал это Масария, не стал долго раздумывать, обнял своих детей за плечи и нырнул на дно моря. В то же мгновение очутился он перед воротами подводного дворца.

— Матушка, матушка, мы отца привели! — крикнули мальчики.

Громко заскрипели подводные ворота из алого коралла и распахнулись настежь.

Окруженная толпой прекрасных прислужниц, под звуки тихой музыки вышла ему навстречу в ослепительном наряде сама принцесса Отохимэ, дочь Повелителя драконов.

— Добро пожаловать, долго я тебя ждала.

Взяла Отохимэ своей рукой, похожей на белую рыбку, Масария за руку и повела во дворец. Вся

утварь в покоях кораллом изукрашена, алым, черным, белым и лазоревым. В зеркалах пестрые рыбы проплывают, морские чудища глаза пелят.

— Давно я хотела с тобой свидеться. Ведь родилось у нас двое сыновей. Останься же с нами навек в этом дворце. Будем с тобой жить неразлучно,— молвила Отохимэ.

Масария только смотрел во все глаза и слова не мог вымолвить в ответ.

Провела его Отохимэ в парадную залу. А там уже веселый пир наготове, столы яствами уставлены, прислужники-рыбы вино наливают.

Заиграли лютни, цитры, скрипицы, флейты, барабаны *. Начались веселые пляски. То краб ходит боком, то осьминог выкидывает колечка. До слез хохотал Масария.

Так прошло пять дней. Но не в радость молодому рыбаку был вечный праздник. Потянуло его на землю, к людям. Видят дети, что у отца лицо затуманилось, ходит он нерастойкий, и спрашивают:

— Невесело тебе у нас, отец? Верно, хочешь на землю вернуться.

Удивился Масария.

— Вот правду говорят, что дети приметливы! Тяжко мне стало на морском дне. Помогите же мне вернуться на вольный воздух.

— А наша матушка что говорит?

— Я попрошу ее отпустить меня.

— Да, Расскажи ей все, что у тебя на сердце. Но когда будешь с ней прощаться, то, уж верно, она подарит тебе что-нибудь на память. Попроси тогда маленький голубой кувшинчик. Это лучшее сокровище нашего дворца, — посоветовал Масария один из мальчиков и повел его в покои Отохимэ.

— Я уже все знаю от наших детей. Такты непременно хочешь вернуться на землю?

— Что поделаешь! Привык я каждый день трудиться. От безделья не по себе мне стало, тоска грызет. Я — создание земли и должен вернуться на землю.

— Если так, то и говорить не о чем. Но хочу я дать тебе подарок на память. Выбери сам, что приглянется.

— Что ж, дай мне тогда вот этот лазоревый кувшинчик.

Опечалилась было Отохимэ, но потом улыбнулась:

— Этот кувшинчик — бесценное сокровище. Но для тебя, мой любимый Масария, мне ничего не жаль, возьми его! Только всегда помни обо мне.

И с этими словами Отохимэ отдала Масария лазоревый кувшинчик.

Простился с женой молодой рыбац, обнял своих сыновей за плечи и в тот же миг очутился на берегу острова Мияко.

Пошел Масария назад в свою деревню. Но что это? Как она изменилась! Все в ней выглядит чужим. Если б не горы да не река, он и места того не признал бы. Ищет рыбац свой дом, но от него и следа не осталось. Там, где он стоял, поднялась высокая роща.

Глазам своим не верит Масария. Уж не сон ли? Вдруг увидел он, что по дороге бредет, опираясь на палку, седой старичок лет семидесяти. Сказал ему Масария:

— Я рыбац из здешних мест, зовут меня Масария. Пять дней пробыл я во дворце Повелителя драконов, и вот — не узнаю родной деревни. Все здесь так изменилось!

— Масария, говоришь ты? Верно, был такой среди нас, рыбаков. Да только добрых пятьдесят лет

прошло, как уплыл он в море и не вернулся. Уж не призрак ли ты? Скройся с моих глаз! Пропади! — И старик замахнулся на Масария посохом.

«Дивное, непонятное дело!» — И Масария, спотыкаясь, неверным шагом побрел к старому пруду на краю деревни.

Наклонился Масария над прудом. Но в воде он увидел не юношу двадцати лет. Нет, на него глядел седой, морщинистый старик, похожий на того, с каким он повстречался.

— О, я несчастный! Пять дней провел я во дворце Повелителя драконов, а за это время на земле прошло пятьдесят лет! Потерял я свою молодость!

И в отчаянии Масария встряхнул свой лазоревый кувшинчик. Что-то в нем заплескалось. Он открыл крышку, и оттуда потянуло крепким духом старого вина.

— Так, значит, там драгоценное ароматное вино. Что ж, хоть напиться с горя, что ли!

И, опрокинув вверх дном кувшинчик, Масария осушил его одним духом.

Побежало вино по его жилам горячей струей. Поднес он руки к лицу, — лицо стало гладким, как прежде.

Поглядел Масария в пруд и подскочил от радости.

— Мне снова двадцать лет! Так вот отчего этот кувшинчик — бесценное сокровище! Эх, жалко, что я все вино сразу выпил.

Потряс он кувшинчик, а в нем опять вино булькает.

— Эге, чудо за чудом!

Выходит, пей, сколько хочешь, из того кувшинчика, а вино никогда в нем не иссякнет, как струя в роднике. Масария не помнил себя от счастья:

— Теперь я смогу помогать людям. Вина на всех хватит.

Начал он ходить по всему острову и всюду рассказывать людям про свои приключения. Выпьют чудесного вина старики — станут молодыми, выпьют больные — и станут здоровыми.

Пронесся об этих чудесах слух по всем окрестным островам. Люди толпами пошли к дому Масария. Кто сам идет, кого ведут, а кого и несут.

Но верно говорят: между радостью и горем тонкая стена.

Как-то раз пришло к Масария людей втрое больше обычного. Лег он спать еле живой от усталости, но только заснул первым сном, как в ворота так сильно застучали, словно хотели разнести их вдребезги.

— Эй, Масария, отворяй! С дальнего острова привезли на лодке больного. Он чуть дышит. Дай ему выпить целебного вина. Скорей, а не то помрет. Отворяй ворота, живо! Не откроешь подобру-поздорову, вышибем.

Масария встал с постели, протирая заспанные глаза.

— Это что еще! Что за наглость такая! Я даром пою каждого, кто ни попросит, чудесным вином из дворца Повелителя драконов. Могли бы, кажется, быть мне благодарны. А вы ломитесь в мой дом посреди ночи, покоя не даете. Хороша награда за мою доброту. Что я нажил, кроме хлопот и беспокойства! Из-за этого проклятого кувшина мне и ночью стдыха нет. Да пропади он пропадом!

И только он это вымолвил, как кувшинчик с треском разломился пополам. Обратились его осколки в двух белых лебедей и полетели в сторону моря. С криком бросился Масария за ними в погоню.

Но лебеди, сверкая в лунном свете белыми крыльями, скрылись из виду. В ту же минуту Масария вновь превратился в дряхлого старика. И все люди, кому чудесное вино вернуло молодость, снова стали стариками. А больные, исцеленные вином, сразу умерли.

Вот что случилось в далекую старину.

ПЕПЕЛЬНИК

Давным-давно жили в краю Омюра муж с женой. Родился у них сыночек, и дали они ему имя Мамитиганэ. Но не исполнилось мальчику и трех лет, как мать его умерла. Погрустил отец, погрустил и привел в дом новую жену. Невзлюбила мачеха пасынка, но при отце и виду не подавала.

Когда исполнилось Мамитиганэ девять лет, отец поехал в Эдó¹ на три месяца, а перед отъездом сказал своей жене:

— Можешь хоть ничего в доме не делать, но одного не забывай: каждый день причесывай Мамитиганэ.

Пошла мачеха провожать мужа на корабль, а как вернулась, так и приказала пасынку:

— Эй ты, иди в горы, наруби дров.

Принес Мамитиганэ большую охапку дров.

— А теперь двор подмети,— велит мачеха.

Так и пошло. Ни единого раза мачеха гребнем не провела по волосам мальчика. Целый день Мамитиганэ делал черную работу по дому и скоро стал лохматым и грязным оборвышем, словно нищий с большой дороги.

Через три месяца пришло письмо из Эдо, а в письме сказано: «Ждите меня. Завтра приеду на корабле».

¹ Эдó (ныне Токио) — резиденция верховного правителя Японии, сёгуна; с 1868 года — столица страны.

На другой день рано утром Мамитиганэ говорит мачехе:

— Матушка, я пойду на берег встречать отца.

— Хорошо, ступай вперед. Я как следует причешусь, приберусь и приду вслед за тобой. Еще поспею.

Послала мачеха пасынка вперед, а сама порезала себе лицо острой бритвой, легла в постель и укрылась с головой одеялом.

Сошел с корабля отец на берег и увидел, какой Мамитиганэ нечесанный и грязный.

— Что с тобой? Да ты сам на себя не похож, — удивился отец.

— Матушка меня ни разу не мыла, не чесала, — ответил мальчик.

— Где же она?

— Сказала, что придет потом, как нарядится и причешется.

Стали отец с сыном ждать ее на берегу. Не дождалась и пошла домой.

Видит отец: лежит его молодая жена в постели.

— Здорова ли ты? Уж не захворала ли? — спрашивает отец.

Приподнялась мачеха и откинула одеяло с головы. Ахнул отец: все лицо у нее в кровь изрезано.

— Полюбуйся, что твой сынок со мной сделал. С той самой поры, как уехал ты на корабле, он каждый день не переставал бранить меня. Только я и слышала от него: «У-у, подлая мачеха!» А однажды бросился на меня с бритвой и поранил. Стыдно мне на люди лицо показать, потому и не встретила тебя на берегу.

В страшный гнев пришел отец. Не стал он слушать мальчика.

— Уходи из моего дома, непочтительный сын. Видеть тебя больше не хочу!

Нарядил он сына в красивую одежду, которую привез ему в подарок из Эдо, посадил на самого лучшего коня и прогнал из дому.

Пришлось Мамитиганэ покинуть родную деревню. Поехал он, сам не зная куда. Едет-едет, вдруг перед ним река, длиной в тысячу ри, шириной в одно ри. Не перейти через реку в верховье, не переплыть в низовье.

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Как хлестнет он коня бичом. Перелетел конь птицей на другой берег.

Поехал Мамитиганэ дальше. Едет-едет, вдруг явилась перед ним гора Ибара в венце белых туч. Не объедешь справа, не объедешь слева.

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Хлестнул он коня бичом раз, конь только головой мотнул. Хлестнул другой, конь птицей перелетел через гору.

Поехал дальше. Едет Мамитиганэ, едет, и встретился ему косматый старик.

— Дедушка, дедушка, скажи мне, не нужен ли в этой деревне кому-нибудь работник?

— Вот в том доме на Западной горе, — ответил старик, — держат тридцать пять работников. Нынче седьмой день пошел, как один из них умер. Там бы нашлась для тебя работенка, да только уж слишком ты нарядно одет для простого слуги.

— Ну, так смений свою безрукавку на мое платье.

— Что ты, сынок, слыхано ли это менять такой богатый наряд на старое отрепье! Лучше бери мою безрукавку даром.

— Ведь я, дедушка, сам по своей доброй воле предложил меняться. Но уж если ты хочешь подарить мне безрукавку, дай в придачу и сундучок. Я спрячу в нем свое платье.

Старик согласился.

Надел мальчик старую безрукавку, а нарядное свое платье и богатое седло спрятал в сундучок. Отпустил он коня пастись на воле в бамбуковой чаще, а сам отправился к богачу на Западную гору и просит:

— Возьмите меня в работники.

Богач охотно нанял его в услужение.

Стал Мамитиганэ работать в доме богача. Послали его для начала рубить солому на корм скоту. Прошло немного времени, воротился он и говорит хозяину:

— Эта работа не по мне, только руки себе натрудил. Лучше велите мне двор подметать.

Послал его богач двор мести. Но скоро мальчик опять пришел к хозяину:

— Нет, и эта работа не по мне. Вон какие на ладонях волдыри вскочили! Лучше вот что, дайте мне в подмогу семь работников, я сложу такие печи, что кушанье будет поспевать сразу для всего дома, а не так, как теперь: одни едят, а другие голодными дожидаются.

— Ну что ж, постарайся, сложи печи,— согласился хозяин.

Дали мальчику в подмогу семерых работников. Работа так и закипела. Кто песок тащит, кто камни кладет, кто ведра с водой носит, тот рубит солому, этот глину месит. Скоро сложили работники семь хороших печей и стали варить рис сразу в семи котлах.

Прежде случалось, завтрак поспевал лишь к полудню, полдник к вечеру, а ужин бывал готов лишь к середине ночи. Теперь же, едва рассвет забелеет, а уж рис к завтраку для всех готов. Не успеет солнце подняться высоко в небе, как поспеет обед. Чуть начнет темнеть, как готов ужин. Люди всегда сыты. А Мамитиганэ знай себе топливо в печи подкладывает. Дали ему прозвище «Пепельник», потому что теперь он всегда был измазан пеплом и сажей.

Обрадовался богач.

— Хорошего истопника мы нашли,— похвалил его богач.— Оставайся у меня сколько захочешь.

Прошло с тех пор немало времени. Однажды богач говорит:

— Завтра в храме большой праздник. Будут давать представление*. Пойду-ка я посмотреть. Приготовь пораньше еды на дорогу.

На другое утро приготовил Мамитиганэ завтрак рано-рано.

Хозяин позвал его:

— Иди, Пепельник, и ты с нами.

— Нет, сегодня как раз третья годовщина со дня смерти моей матушки. Не могу я идти туда, где люди веселятся.

— Тогда оставайся за сторожа дом караулить.

— Хорошо,— говорит Пепельник.

Вот ушел хозяин вместе с семьей и со всеми слугами смотреть на представление. Зрителей там собра-

лось видимо-невидимо, сам владетельный князь приехал зрелищем полюбоваться. Возле храма помост поставлен под высокой крышей. А Мамитиганэ отмылся добела, взял из сундучка свой красивый наряд, оделся, обулся и позвал коня из бамбуковой чащи. Конь мигом прибежал на голос своего хозяина. Оседлал Мамитиганэ коня, вскочил на него и крикнул:

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Хлестнул он коня один раз, конь понесся как птица и остановился перед самым помостом, с южной его стороны. Хлестнул Мамитиганэ коня другой раз, перескочил конь через крышу, только копыта в воздухе сверкнули, и остановился возле помоста, с северной его стороны.

Все зрители разом вскричали:

— Смотрите! Смотрите! Это светлый бог спустился к нам с неба. Встанем, поклонимся ему!

Все встали со своих мест и, молитвенно сложив руки, поклонились Пепельнику. Хозяин Мамитиганэ тоже склонился перед ним. Но дочка богача сказала:

— Это совсем не бог, это же наш Пепельник! Я его узнала. У него на левом ухе черная метина.

Девушка, лукаво смеясь, тоже преклонила голову перед Пепельником.

А Пепельник вернулся домой раньше всех, отпустил своего коня пастись в бамбуковую чащу, спрятал свой драгоценный наряд в сундучок и скорей надел старую безрукавку. Потом затопил он все семь печей и улегся на куче золы, подложив охапку бамбука себе под голову.

Вскоре возвратился хозяин со слугами и домо-чадцами.

— Пепельник, эй, Пепельник, отворяй ворота!

Отворил Пепельник ворота. Хозяин говорит ему:

— Жаль, что не ходил ты смотреть представление. Сегодня прилетел туда с неба светлый бог невиданной красоты, и все поклонились ему.

— Ах, знал бы я, непременно пошел бы вместе с вами.

— Послезавтра мы опять пойдем на праздник. Встань с утра пораньше и приготовь нам еды на дорогу,— приказал хозяин.

В назначенный день Пепельник поднялся рано на заре и сварил рису больше, чем обычно, всех накормил и еще дал с собой на дорогу. Хозяин опять позвал его:

— Иди и ты с нами, Пепельник.

— Нет, сегодня как раз годовщина со дня смерти моего дедушки. Не пойду я туда, где люди веселятся, а останусь в тишине дом сторожить.

Проводил Пепельник всех в дорогу, живо помылся, нарядился и только оседлал коня, как вдруг хозяйская дочь во двор входит. Придумала она для отвода глаз, будто забыла дома свои дорожные сандалии. Что будешь делать! Говорит ей Пепельник:

— Садись и ты со мной на коня.

Села девушка на коня позади Мамитиганэ.

Конь поскакал и остановился у самого помоста, с восточной его стороны.

Хлестнул Пепельник коня бичом и крикнул:

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Конь взлетел, как птица, перескочил через крышу и остановился возле помоста с западной его стороны.

Все зрители закричали:

— К нам с небес божественная пожаловала чета.

Поклонились они Пепельнику и девушке.

А Пепельник с дочерью богача воротился домой. Отпустил он своего коня пастись в бамбуковой чаще, снял богатое платье, развел огонь в печах и лег на куче золы отдыхать.

А девушка спряталась у себя в самом дальнем покое и притворилась больной.

Вот послышались крики:

— Эй, Пепельник, отвори ворота!

Это возвратился хозяин со своими слугами и домо-чадцами. Говорит хозяин Пепельнику:

— Напрасно ты не пошел с нами. Сегодня пожаловала на представление чета небесных богов.

— И правда жаль, что я остался дома,— посоветовал Пепельник.

Вошел богач в дом и стал искать свою дочь. А она на постели лежит, будто занемогла. Поднялась в доме суматоха. Хотели сейчас же позвать врача, но девушка попросила:

— Нет, мне врача не надо. Позовите лучше жрицу-микó*.

Позвали трех жриц и велели им погадать. Погадали они и говорят:

— Эту болезнь скоро не вылечить. Тяжелым недугом занемогла ваша дочь.

Девушка в ответ:

— Нет, не отгадали они правды. Позовите еще одну жрицу, ту, что недавно приехала в наши места.

Пригласили и ее. Погадала она и говорит:

— Не телесный это недуг, а любовный. Полюбила девушка одного из ваших работников. Дайте ей чарку вина, пусть поднесет любому из них по своему выбору. Тогда и узнаем, который ей мил.

Послушался богач. Дал своей дочери чарку вина и велел всем своим работникам вереницей пройти перед нею. Прошло их тридцать четыре, но она никому чарки не подала.

— Нет ли еще какого-нибудь слуги в доме? — спрашивает богач.

— Да будто все здесь. Только один грязный Пепельник возле печи остался, — отвечают слуги.

— Что ж, и он такой же человек, как вы. Зовите и его, да пусть принарядится немного.

Послал хозяин Пепельнику старое платье со своих плеч. А Пепельник помылся в чане с горячей водой, обтерся пожалованным ему платьем, да и забросил его в свинарню.

Услышал об этом хозяин и послал ему новое, хорошее платье. Но Пепельник и этим платьем обтерся и кинул его, словно старую тряпку, позади конюшни. Тогда послал ему хозяин парадную накидку с гербами. А Пепельник накидкой ноги вытер и сунул ее в навоз.

Потом достал он из сундучка свой драгоценный наряд, надел его и вскочил на своего коня.

Как увидел богач прекрасного юношу, взял его за руку и почтительно провел в парадные покои. Болезнь девушки как рукой сняло. Радостно поднесла она своему избраннику чарку вина.

— У дочери моей острее глаза, чем у меня, — улыбнулся богач. — Прошу тебя, будь моим зятем.

Сыграли свадьбу. Три дня шло веселье, а на четвертый сказал Мамитиганэ своему тестю:

— Отпустите меня на три дня. Хочу я отца своего навестить.

Но тесть молвил в ответ:

— Нет, на три дня я тебя не отпущу. Даю тебе сроку лишь один день от утра до вечера.

Пришел Мамитиганэ проститься со своей молодой женой, а она его спросила:

— Какой дорогой поедешь ты: по берегу моря или через горы?

— Берегом моря надо три дня ехать, отец же твой отпустил меня лишь на один день. Поеду я через горы напрямик.

— А если поедешь ты горной дорогой, — говорит жена, — то упадут тебе на луку седла тутовые ягоды.

Как бы ни мучился ты жаждой в пути, смотри не ешь их. Если поешь ты этих ягод, то мы с тобой больше в этой жизни не увидимся.

Поскакал Мамитиганэ через горы напрямик, и упало к нему на луку седла несколько ягод с тутового дерева. Спелые они были и сочные, но вспомнил юноша наказ своей жены и первое время крепился. Стояла жаркая пора. В полдень так захотелось ему пить, что язык к гортани присох. Не выдержал Мамитиганэ и съел одну ягоду. В тот же миг отлетело от него дыхание и повалился он на шею своего коня. Почуял конь, что хозяин его мертв, захрапел и понесся как птица. Взлетает на гору, передние ноги подгибает. Слетает с горы, задние ноги на скаку подгибает.

Принес он хозяина к воротам родного дома и три раза тревожно заржал.

Услышал его отец Мамитиганэ:

— Ах, это конь моего сына! Что же сын мой сам меня не зовет! Ступай посмотри, что там такое, — послал он свою жену.

Жена отворила ворота. И в то же мгновение конь бросился на нее и загрыз насмерть. Вышел тогда к воротам сам отец.

— О горе, сын мой! Уехал ты от меня живым, а вернулся ко мне мертвым.

Положил он мертвого Мамитиганэ в большую бочку с вином и крышкой прикрыл.

А жена Мамитиганэ ждет его не дожидается:

— Если б знала я, куда уехал мой муж, так письмо бы ему послала. Уже прошел день, другой, и третий миновал, а его все нет. Уж не поел ли он в пути тутовых ягод?

Купила жена три мерки живой воды и помчалась, как ветер, по следам своего мужа. За полдня пробежала она столько, сколько быстроногий конь Мамитиганэ за целый день проскакал, и оказалась у чьих-то ворот.

— Не здесь ли дом Мамитиганэ? — спросила она.

— Здесь-то здесь, да только Мамитиганэ уж на свете нет, — ответил ей отец юноши.

— Покажите мне его хоть мертвого, — заплакала жена.

— Нет, не могу я сына моего показать чужому человеку.

— Разве я чужая ему? Он был мужем мне, да только уехал четыре дня тому назад и не вернулся...

— Ну простите, коли так. Вот он, бедный мой сын.

Вынул отец тело Мамитиганэ из бочки с вином и показал невестке.

Лежит Мамитиганэ как живой, только что не дышит.

Омыла жена мужнино тело чистой водой из родника, а потом сбрызнула живой водою. Открыл глаза Мамитиганэ и спрашивает:

— Спал ли я утренним сном? Спал ли вечерним сном?

— Нет, не спал ты утренним сном, не спал ты вечерним сном,— отвечает молодая жена,— а спал мертвым сном. Не послушал ты меня, поел тутовых ягод... Но я тебя sprыснула живой водой, и возвратилось к тебе дыханье. Пойдем же теперь ко мне домой.

Тут отец Мамитиганэ воспротивился:

— Это мой родной, мой единственный сын. Не отпущу его больше от себя.

— Что ж, тогда мы останемся с вами, отец,— сказала молодая жена.

Но Мамитиганэ сказал:

— Не могу я сразу служить двум отцам. Возьми себе приемыша, а я навсегда останусь в доме жены, ведь она мне жизнь спасла.

Простились молодые супруги с отцом Мамитиганэ и пошли в обратный путь.

Слышно, они и теперь живут в любви и согласии.

ЖИВАЯ ИГЛА, МЕРТВАЯ ИГЛА И ЛЕТУЧАЯ КОЛЕСНИЦА

Давно, давно тому назад жил один богач. В доме у него заведен был такой обычай. Когда наступал первый день Нового года, слуги рассаживались возле очага в господских покоях, а хозяин сам своими руками еду им подавал и вино наливал.

Вот однажды слуги весело праздновали Новый год. Вдруг хозяин, наливая им полные чарки, говорит:

— А ведь в эту ночь первый сон вещим бывает. Хорошенько запомните, что кому привидится. Завтра мне расскажете. Я заплачу за каждый сон по серебряной монете.

На другое утро хозяин спросил:

— Ну, кто из вас хороший сон видел? Рассказывайте по очереди.

Сидевший на главном месте старший слуга замялся:

— Уж прости, господин, проспал я до самого утра как убитый. Никаких снов не видел*.

Следом за ним и другой стал отнекиваться:

— Я только закрыл вечером глаза, а открыл, смотрю: на дворе уже утро. И не заметил я, как ночь прошла.

Все слуги один за другим стали уверять, что снов не видели. Но самый молодой слуга, юноша лет пятнадцати — шестнадцати, признался:

— А я видел чудесный сон.

— Вот как, в самом деле? Ну, так продай мне его. Вот тебе серебряная монета.

— Нет, не могу я продать свой счастливый сон. Вдруг он тогда не сбудется.

— Так я дам тебе две монеты.

Но юноша только покачал головой.

— Хочешь три?

— И за три не продам.

— Какой ты несговорчивый! Бери четыре.

Хозяин, раззадорясь, все набавлял и набавлял цену. Но молодой слуга только головой качал. Наконец хозяин предложил двадцать золотых монет. Но и тут юноша не согласился.

В страшный гнев пришел хозяин. Посадил он юношу в челнок без паруса и весел и пустил плыть по воле волн в открытое море. Но все же дал ему с собой рисовых лепешек, чтоб не умер он голодной смертью.

Долго играли волны и ветер с челноком и принесли его к далекому острову. Вышел на берег молодой слуга и видит, что остров дик и безлюден, живут на нем одни обезьяны. Приметили они юношу и залопотали:

— Человек! Смотрите — человек! Хватай его, попробуем, каков-то он на вкус.

Кинулись обезьяны на юношу всей стаей. Испугался он и стал бросать в них рисовыми лепешками. Начали обезьяны лепешки подбирать, а он вскочил в челнок и оттолкнулся от берега.

Снова поплыл челнок, куда ветер его гонит и волны несут, и вскоре прибился к берегу другого острова.

Не успел молодой слуга ступить на землю, как из лесу с диким воем выбежала ватага чудищ. То были черти разных мастей, красные, синие, черные...

— Человек! Смотрите — человек! Давно нам такой лакомый кусочек на зуб не попадался, — заорали черти.

Что делать, как тут спастись! Стал молодой слуга кидать в чертей рисовыми лепешками, но черти на них и не взглянули. Схватили юношу когтями, вот-вот разорвут на части.

Но главный черт закричал:

— Погодите, ребятаки, съесть его мы всегда успеем. Спросим наперед, каким ветром его к нам занесло. Эй, человечье отродье, по своей воле или нет приплыл ты к нам сюда?

— Нет, не сам я приплыл, волны меня принесли. Посадил меня мой хозяин в челнок без паруса и весел за то, что не захотел я рассказать ему свой первый новогодний сон.

— Что ж это за сон такой тебе приснился? Расскажи-ка нам поскорее.

— Ого, какие хитрые! Я не продал свой сон хозяину за двадцать золотых, а вы хотите даром его послушать. Не стану рассказывать, хоть разорвите меня на мелкие кусочки!

Стали красные, синие и черные черти между собой совещаться. Погаддели, погаддели и говорят юноше:

— Давай меняться! Ты нам поведай свой чудесный сон, а мы тебе дадим нашу чудесную колесницу.

Побежали черти со всех ног в глубь леса и прикатили великолепную колесницу.

— Вот она, смотри! Это летучая колесница! Если стукнуть по ней один раз железной палицей, она тысячу ри пролетит, стукнуть два раза, десять тысяч ри пролетит.

Поглядел молодой слуга на колесницу и сделал вид, что раздумывает:

— Гм, гм! Не прогадаю ли?

Снова черти залопотали, загомонили, — совещаются между собой. На этот раз принесли они две длинные иглы*.

— Смотри, человек! Вот мертвая игла. Если уколоть мертвой иглой какого хочешь силача, ему сразу конец. А это — живая игла. Стоит живой иглой уколоть больного, он мигом станет здоров. Эти две иглы — бесценное сокровище: и смерть дают они и жизнь.

— Скажите! Неужели! Тогда я, пожалуй, расскажу вам свой новогодний сон. Ох, и чудеса мне привиделись! Но только раньше испробую я вашу колесницу, так ли она хороша, как вы говорите.

Взял молодой слуга обе иглы, стал на колесницу и стукнул по ней раз железной палицей. Взвилась колесница, как птица, и полетела. Черти подняли было ужасный крик, но колесница вмиг пропала в небе. Заплакали черти от горя слезами крупными, как мельничные жернова.

Летела колесница через море, летела через горы и остановилась где-то посреди широких рисовых полей. Стукнул молодой слуга железной палицей два раза. Снова понеслась колесница под самыми облаками и спустилась на землю в каком-то селенье. Течет посреди селенья река, а на обоих ее берегах стоят друг против друга два богатых дома под черепичными крышами, а возле одного из них чайный домик примостился, как раз по эту сторону реки. Зашел в него юноша подкрепиться. Только вдруг слышит: в соседнем доме поднялась страшная суматоха. Люди мечутся, кричат, плачут.

— Что там случилось? — спросил молодой слуга хозяйку чайного домика. — Какая беда?

— Ах, и не спрашивай! — отвечает хозяйка. — Умирает у моего соседа-богача единственная дочь, и такая красавица! Отец с матерью от горя совсем обезумели. Сколько ни звали они врачей и знахарей, ни один не сумел ей помочь.

— Жаль мне их, несчастных! Поди, хозяйюшка, скажи соседям, что прибыл в ваши края великий целитель всех недугов. Я вылечу больную.

Обрадовались отец с матерью, услышав такую весть, и скорее повели молодого слугу к постели больной. Лежит она, чуть дышит.

Уколел он девушку живой иглой. И в тот же миг смертельной болезни как не бывало. Вскочила девушка с постели, здоровая и румяная.

Тут сменилось горе великой радостью. Хотел было юноша уйти, но родители девушки непустили его. Повторяют: «Ты наш спаситель!» Не знают, как получше угостить. Званные пиры в его честь созывают, зрелища ему показывают, плясками забавляют. Наконец стали они умолять молодого слугу,

чтоб женился он на их дочери. Полюбилась ему красавица девушка, и взял он ее в жены.

Между тем в доме по ту сторону реки тоже заболела единственная дочь, да так тяжело, что родители всякую надежду потеряли. Плачут в голос. Пожалел их молодой слуга, пришел к ним и с помощью живой иглы сразу вылечил девушку. Вскочила она с постели такая веселая, будто никогда и больна не была.

Отец с матерью не знают, как своего спасителя и благодарить. Стали и они тоже устраивать в его честь пиры и разные увеселения. Не хотелось им отпускать юношу из своего дома. Наконец, сдавшись на их уговоры, женился молодой слуга и на этой девушке тоже.

Сильно он призадумался: в котором доме ему жить? Посоветовались между собой обе семьи и построили золотой мост через реку. Стал юноша жить полмесяца в одном доме, полмесяца в другом.

По всей Японии пошла о нем слава как о великом целителе. Многих людей вылечил он живой иглой. А вот мертвая игла ему так и не пригодилась: врагов не было.

Как-то раз переходил юноша по золотому мосту с одного берега на другой.

По правую его руку идет красавица жена, а по левую руку другая, столь же прекрасная. Под ногами золотой настил так и сверкает. Тут вспомнил юноша, что уже видел все это однажды — в своем новогоднем сне.

**ВЕЧЕР
ТРЕТИЙ**

КАК ЖУРАВЛЬ ЗА ДОБРО ОТПЛАТИЛ

В старину жили у подножья одной горы старик со старухой. Сердце у них было доброе, жалостливое.

Однажды в снежный зимний вечер пошел старик в лес за дровами.

— А ты, жена, оставайся дом сторожить да меня поджидать.

Нарубил старик большую охапку дров, взвалил на спину и начал спускаться с горы. Вдруг слышит он поблизости жалобный крик. Глядь, а это журавль попался в силок, бьется и стонет, словно на помощь зовет.

— Ах ты бедняга! Ну ничего, потерпи немного... Сейчас я тебе помогу.

Освободил старик птицу из силка. Взмахнул журавль крыльями и полетел прочь. Летит и радостно курлычет.

Настал вечер. Собрались старики сесть за ужин. Вдруг кто-то тихонько постучался к ним.

— Кто бы это мог быть в такой час?

Выглянул старик за дверь. Стоит за порогом красивая девушка, вся запорошенная снегом.

— Заблудилась я в горах,— говорит.— А, на беду, сильно метет, дороги не видно.

— Заходи к нам,— приглашает старуха.— Мы гостье рады.

— На дворе лютый холод. Видно, ты озябла. Обогрейся у огня,— подхватил старик.

Зашла девушка в дом к старикам, села возле очага.

— Вот мне и тепло стало. Хочешь, бабушка, разомну тебе плечи?

— Вот спасибо, доченька. Как тебя по имени зовут?

— Зовут меня о-Цу́ру.

— О-Цуру, Журушка, хорошее имя,— похвалила старуха.

Пришла к старикам по сердцу приветливая девушка. Жалко им стало с ней расставаться. На другое утро собирается о-Цуру в путь-дорогу, а старики ей говорят:

— Мы одиноки, нет у нас детей. Останься с нами навсегда.

— С радостью останусь, я ведь тоже одинока... А в благодарность за вашу доброту натку я для вас хорошего полотна. Об одном только прошу, не заглядывайте в комнату, где я ткать буду.

Взялась девушка за работу. Только и слышно в соседней комнате: киракара́ тон-тон-тон.

На третий день вынесла о-Цуру к старикам сверток узорчатой ткани.

— Красота-то какая! — ахнула старуха. — Загляденье!

А старик поглядел на девушку и встревожился:

— Сдается мне, Журушка, что похудела ты. Щеки у тебя вон как впали.

Тут как раз пришел торговец Гонта. Ходил он по деревням, скупал полотно. Спрашивает:

— Ну что, бабушка, есть полотно на продажу?

— Кстати ты пожаловал, господин Гонта, — отвечает старуха. — Вот взгляни-ка. Это наткала дочка наша

о-Цуру. — И развернула перед Гонтой во всю длину кусок мягкой пушистой ткани.

— О, прекрасная работа! Чудесный узор! Дочь твоя, я вижу, мастерица! — Гонта сразу полез в кошелек и щедрой рукой отвалил несколько монет.

— Червонцы! Целых десять червонцев! — заахали старики. Впервые на своем веку видели они золото. Как ярко сверкает оно на солнце! А какое желтое, желтее цветов сурепицы!

— Спасибо тебе, Журушка, спасибо! — от всего сердца поблагодарили девушку старик со старухой. — Заживем мы теперь по-новому.

Наступила весна. Пригрело солнце, сошли снега. Что ни день, прибегают к дому стариков деревенские дети:

— Сестрица Журушка, выйди к нам. Во что будем сегодня играть?

— Сегодня? Сегодня мы пойдем по горной тропинке в царство небесных фей.

Поднимут двое детей руки, изображая ворота, а Журушка запоем звонким голосом:

В царство фей мы идем
Вверх по узкой тропинке...

Станут дети проходить в ворота веселой вереницей и стариков позовут:

— Дедушка, пойдём с нами играть, бабушка, пойдём играть.

— Ха-ха-ха, да не тяните нас за руки так сильно!

Хорошо было детям играть с Журушкой.

Но вот как-то раз снова пожаловал Гонта.

— Здравствуй, дедушка! Не найдется ли у тебя опять такого же полотна, как в прошлый раз? Продай мне!

— Нет, и не проси. Дочке моей о-Цуру нельзя ткать, очень она от этого устает.

Но Гонта чуть не силой всунул старику в руки кошелек, доверху набитый червонцами.

— Я заплачу тебе еще дороже! Но уж если ты не согласен, вперед не жалуйся! Не буду больше покупать полотно у твоей старухи, так и знай,— пригрозил злобный Гонта и пошел прочь.

— Беда, беда! Как же теперь быть? — стали совещаться между собой старик со старухой.

О-Цуру услышала за стеной их разговор.

— Дедушка, бабушка, не тревожьтесь, успокойтесь. Я опять натку полотна. Но уж это будет в последний раз. Прошу вас только, не заглядывайте в ту комнату, где я буду работать.

Пошла девушка в ткацкую комнату и затворила дверь наглухо. Вскоре послышался за стеной быст-

рый-быстрый стук: кирикара́ тон-тон-тон, кирикара́ тон-тон-тон.

День, и другой, и третий стучит ткацкий станок.

— Журушка, кончай скорее, будет тебе! — тревожились старик со старухой.— Как бы себе не повредила...

Вдруг послышался голос:

— Ну как, готово полотно? Покажите мне.

Это был Гонта.

— Нет, показать нельзя. О-Цуру запретила к ней входить.

— Ого! Вот еще выдумки! Ну, а я и спрашивать у нее не стану!

И Гонта настежь распахнул двери.

— Ой, там журавль, жу-жу-равль,— испуганно забормотал он.

В самом деле, стоит за ткацким станком журавль.

Широко раскрыл он свои крылья, выщипывает у себя клювом самый нежный мягкий пух и ткет из него полотно: кирикара́ тон-тон-тон, кирикара́ тон-тон-тон.

На другое утро прибежали дети звать о-Цуру:

— Журушка, выйди к нам. Много снега выпало...

Можно в снежки поиграть.

Но в ткацкой комнате все было тихо.

Испугались старик со старухой, раздвинули сёдзи, видят: никого нет. Лежит на ткацком станке прекрасное узорчатое полотно, а кругом журавлиные перья рассыпаны...

Под вечер закричали дети во дворе:

— Дедушка, бабушка, идите сюда скорее!

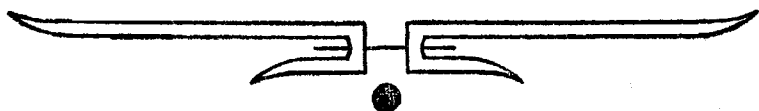
Выбежали старики, глядят... Ах, да ведь это журавль. Тот самый журавль! Курлычет, кружится над домом. Тяжело так летит, перья-то почти все у него выщипаны.

— Журушка, наша Журушка! — заплакали старики.

Поняли они, что это журавль, спасенный стариком, оборотился девушкой... Да не сумели они ее удержать.

— Журушка, вернись к нам, вернись!

Но все было напрасно. Грустно, грустно, точно прощаясь, крикнул журавль в последний раз и скрылся в закатном небе.

КАТІ-КАТІ-ГОРОШИНКА

Давно-давно жили старик со старухой. Вот как-то утром стали они дом подметать. Старуха горницу подметает, а старик кухню. Нашел в углу горошину и радуется:

Старуха, а старуха,
Я горошину нашел.
Если в поле посадить,
Крупный вырастет горох,
Если в ступке истолочь,
Будет вкусная мука.

Стал старик советоваться со своей старухой, как тут быть, горошинка и проскользни у него между пальцев. Упала на земляной пол и покати́лась. Катилась, катилась и попала в мышиную норку.

— Стой, стой, держи! Вот горе, вот беда! В кои веки горошинку нашел, круглую, сладкую, а она от меня укатилась. Старуха, неси топор!

Шумит дед, из себя выходит. Принесла старуха топор. Раскопал старик топором проход пошире и полез в мышиную норку. Лез, лез и очутился под землей. Пошел он вперед, громко распевая:

Укатилась от меня
Кати-кати-горошинка.
Кто горошинку видал?
Кто горошинку нашел?

Вдруг видит он: стоит у самой дороги каменный Дзидзб-сама¹.

— Не видал ли ты, Дзидзо-сама, моей горошинки? — спрашивает старик.

— Видать-то видал, но вот беда, поднял я ее с земли, сварил и съел, — отвечает Дзидзо-сама.

— Ха-ха, вот оно как! Ну, тогда не о чем и толковать. Съел, и на здоровье. Пойду к себе домой.

Собрался старик идти домой ни с чем. Дзидзо-сама пожалел его:

— Дедушка, дедушка, подожди немного. Не отпущу тебя с пустыми руками.

— Что ж ты для меня можешь сделать, Дзидзо-сама?

— Я дам тебе добрый совет. Ступай дальше по этой дороге, увидишь красные сёдзи, это мышиный домик. Мыши сейчас к свадьбе готовятся, рис в ступке толкут. Ты им подсоби. Потом иди дальше. Увидишь черные сёдзи, это логово чертей. Будут черти в кости играть. Крикни петухом три раза, черти убегут, а тебе все их деньги достанутся.

— Вот спасибо тебе за науку, — сказал старик и пошел дальше, все вниз и вниз. Вдруг увидел он красные сёдзи.

— Эй, хозяева! Есть ли кто дома? — крикнул старик.

Выглянула тут мышка-невеста в свадебном наряде, спрашивает:

— Ты зачем к нам, дедушка, пожаловал?

— Слышал я, что у вас свадьба, вот и пришел вам подсобить рис в ступке толочь.

¹ Д з и д з б — буддийское божество; считается покровителем детей и путников. Каменные статуи его часто ставились возле проезжей дороги. Один из любимых персонажей японской сказки. С а м а — почтительная приставка к именам.

— А, вот это хорошо! Нам как раз помощник нужен. Подсоби нам, дедушка, скорее.— И пригласила старика в дом.

А в доме все так красиво убрано! В первой комнате стоят красные лакированные чашки на красных лакированных столиках и бронзовые жаровни. Во второй комнате шелковые халаты развешаны. Столько их, что и не счесть! А в третьей комнате много-много мышей. Толкут они в ступке чистое золото — звяк-звяк-звяк, припевая:

Пестиком толку, толку,
Так и пляшет он в руках!
А услышу мяу-мяу,
Всех проворней убегу.
Просо я толку, толку,
А устану — не беда!
Лишь бы мне жених достался
Из богатых закровов.

Взял старик пестик и начал толочь, да так проворно и ловко! Обрадовались мыши и подарили ему два халата из красного шелка.

Взял старик подарки, поблагодарил мышей и пошел дальше по крутому склону, в самую глубь подземного царства. Вдруг увидел он черные сѣдзи, а из-за них стук и бренчанье доносится. Это черти в кости играют. Забрался старик на стропила в конюшне, чтобы его не заметили. Когда настала глубокая ночь, взял он веялку и давай ею хлопать. Поднял страшный шум, а потом как закричит петухом: «кэкэро-о».

Черти загалдели:

— Ого, да уж, никак, первые петухи пропели!

Подождал дед немного, а потом опять давай хлопать веялкой и кричать: «кэкэро-о».

— Вот уж и вторые петухи, — встревожились черти.

А дед еще больше зашумел, еще громче закричал: «кэкэро-о, кэкэро-о!»

Переполошились черти вконец:

— Вот и третьи петухи! Зазевались мы за игрой.

Побросали они деньги — и врассыпную. А дед потихоньку спустился вниз, забрал все деньги — и скорей домой.

То-то радости было!

Сбросили старик со старухой свою худую одежду с плеч и нарядились в новые халаты, а потом стали золото и серебро меркой мерить, так что звон кругом пошел.

Услышала старуха соседка, и взяло ее любопытство. Заглянула она в дверь:

— Дома ли хозяева? Позвольте огонька занять.

Поглядела и ахнула:

— Ой, глазам не верю! Откуда вдруг такое богатство?!

Стал старик ей все по порядку рассказывать:

— Так, мол, и так. Добыл я и красные халаты, и денег целую кучу. Пойди-ка сюда, соседка, посмотри!

— Ах, зависть берет! — говорит соседка. — Привалит же людям счастье! Побегу-ка я скорей домой, пошлю в мышиную норку своего старика.

Побежала она со всех ног домой — и давай в комнатах подметать, а мужу велела в кухне подмести. Но как он ни старался, а горошины не нашел.

— Старуха, а старуха, — говорит сосед жене, — поди возьми горошину из мешка.

Принесла старуха горошину. Бросил ее старик в мышиную норку, раскопал себе топором проход и попал под землю. Прошел немного — и верно! Как ему и говорили, стоит у дороги каменный Дзидзо-сама. Спрашивает старик у него:

— Не видал ли ты моей горошинки? Она сюда покатилась.

— Видать-то видел, только вот беда! Поднял я ее с земли и съел.

— Что ты говоришь такое, негодный Дзидзо! — вскинулся на него жадный старик. — Да как ты смел съесть чужую горошину! Подумать только, целую горошину. Ввел меня в такой убыток! И как теперь со мной разочтешься! Сейчас же подавай мне взамен кучу шелковых халатов и гору денег.

Нахмурился Дзидзо-сама, но повторил и ему свои прежние советы.

Пошел жадный старик дальше, распевая песню:

Убежала от меня
Кати-кати-горошинка.
Кто горошинку украл,
Гору золота отдай.

Вдруг увидел он красные сѣдзи. А в глубине дома слышится: звяк-звяк-звяк. Это мыши толкут в ступке золото, припевая:

Пестиком толку, толку.
Так и пляшет он в руках!
А услышу мяу-мяу,
Всех проворней убегу.

Зашел жадный старик в мышиный дом, а сокровищ там и не сосчитать; повсюду красные халаты развешаны, красные лакированные чашки на красных столиках стоят, деньги грудой навалены. Разгорелись у старика глаза. «Как бы так сделать, думает, чтобы все это богатство мне одному досталось. А ведь дело-то простое — стоит только кошкой замаякать».

Крикнул он во весь голос: «Мя-ау! Мя-ау!»

Сразу погасли огни в мышинном домике. Кругом стало темно, все пропало из глаз. Ни домика, ни мышей.

Шарит вокруг руками жадный старик, как слепой. Кое-как отыскал дорогу, пошел дальше ощупью. Шел, шел, вдруг впереди блеснул огонек, появились перед ним черные сѣдзи, за ними в доме что-то стучит-бренчит. Заглянул дед в щелку, видит: черти в кости играют. Деньги перед ними кучами насыпаны.

«Правду мне сказал этот каменный столб», — думает жадный старик. И потихоньку, чтоб черти не приметили, забрался на стропила конюшни, но впопыхах не слишком надежно там примостился.

Настала полночь. «Теперь самое время!» — думает жадный старик. Взял веялку и давай хлопать. А потом как крикнет во весь голос:

— Ха-а, первые петухи!

Чертей оторопь взяла.

— Что там? Что такое?

Подумал старик: «Дело-то на лад идет!» — и заорал еще громче прежнего:

— Ха-а, вторые петухи!

Еще сильнее всполошились черти, залопотали:

— Эй, слышите! Опять!

А жадный старик совсем расхотелся. «Надо, думает, хорошенько их пронять, чтобы дали стрекача!» Как рывкнет:

— Ха-а! Третьи петухи!

Черти удивляются:

— Слышите! Чей это голос?

— Вот и прошлую ночь кричал кто-то петухом, да все наши денежки и подтибрил.

— Мало ему! Снова пришел.

— Бейте его, колотите!

Испугался жадный старик, сорвался с потолочной балки, вот-вот упадет в самую гущу чертей, но зацепился носом за гвоздь и повис, болтая ногами. Хоть и страшно ему, а невольно самого смех пробрал: «Хе-хе!» Еще больше разозлились черти.

— Держите старикашку!

— Так это ты наши денежки стащил!

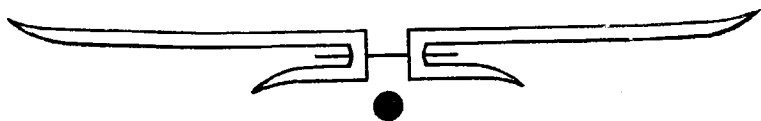
И давай его колотить. Избили, искровенили всего, не помнил старик, как и вырвался. Вылез он из мышиной норки, плачет в голос.

А старуха радуется:

— Муженек-то мой в красном халате идет, веселые песни поет. Не хочу больше ходить в лохмотьях!

Сорвала она с себя свое рваное платье и бросила в огонь. На том и сказке конец.

Желаю счастья, желаю счастья!

ЗЕМЛЯНИКА ПОД СНЕГОМ

Жила в одной деревне женщина. И было у нее две дочери: старшая о-Тиё — не родная, а младшая о-Хана — собственное детище.

Мачеха одевала родную дочку в нарядные платья, а падчерицу в лохмотья. На долю дочери доставались ласки да баловство, а на долю падчерицы — колодушки и трудная работа. Она и воду носила, она и стирала, и обед варила.

Но мачеха все равно ненавидела о-Тиё лютой ненавистью, только и мечтала, как бы сжить ее со свету.

Вот однажды в холодный зимний день мачеха и о-Хана грелись у очага. Разморилась о-Хана от жары и говорит:

— Ох, как мне жарко стало! Сейчас бы съела чего-нибудь холоденького.

— Хочешь немного снежку?

— Снег ведь невкусный, а я хочу чего-нибудь холодного да вкусного.

Задумалась о-Хана и вдруг как хлопнет в ладоши:

— Земляники, хочу земляники. Красных спелых ягодок хочу.

О-Хана была упряма. Уж если что ей в голову взбредет, никогда не отступится.

Подняла она громкий плач:

— Мама, дай земляники. Мама, дай земляники.

Не смогла ее мать утихомирить и вот что придумала.

— О-Тиё, о-Тиё, поди-ка сюда, — позвала она падчерицу.

О-Тиё как раз стирала белье на заднем дворе. Бежит она на зов мачехи, на ходу мокрые руки вытирает.

— Эй ты, ступай-ка в горы и набери вот в эту корзинку спелой земляники. Слышишь? А пока не наберешь полной корзинки, не смей домой и глаз показать. Поняла?

— Но, матушка, разве растет земляника в середине зимы?

— Растет не растет, а ты одно помни: придешь с пустыми руками, домой не пуцу.

Вытолкнула мачеха о-Тиё из дому и дверь за ней крепко-накрепко заперла.

Обула о-Тиё соломенные сандалии на босу ногу, а куда идти, не знает. Зимой в горах земляника не растет. Но и с мачехой не поспоришь. Постояла-постояла о-Тиё на дворе, взяла корзинку и пошла в горы.

В горах было тихо-тихо. Снег валился хлопьями. Высокие деревья под снегом казались еще выше.

Ищет о-Тиё землянику в глубоком снегу, а сама думает: «Верно, мачехе надоело, что я на свете живу, оттого и послала меня сюда на погибель. Лучше мне здесь замерзнуть. Может, тогда я свижусь со своей родной матушкой».

Полились у девочки слезы, бредет она, сама не зная куда, не разбирая дороги. То взберется, спотыкаясь и падая, на гору, то скатится в долину. Наконец от усталости да холода свалилась она совсем. А снег все шел, все шел и скоро намел над ней белый холмик.

Вдруг кто-то окликнул о-Тиё по имени. Приоткрыла она глаза. Видит: наклонился над ней старый дед с белой бородой.

— Скажи, о-Тиё, зачем ты пришла сюда в такой холод?

— Матушка велела мне набрать спелой земляники,— ответила девочка, еле шевеля ледяными губами.— А не то велела и домой не приходите.

— Да разве не знает она, что зимой земляника не растет? Но не печалься, идем со мной.

Поднялась о-Тиё с земли. И стало ей вдруг тепло и усталости как не бывало.

Шагает старик по снегу легко-легко, о-Тиё за ним бежит, и вот диво! Стелется перед ней снег, словно крепкая хорошая дорога.

— Вон там спелая земляника,— говорит старик.— Собери, сколько надо, и ступай домой.

Поглядела о-Тиё туда, куда он указывал, и глазам своим не верит. Растет в снегу крупная красная земляника. Вся поляна ягодами усыпана.

— Ой, земляника! — только и могла сказать о-Тиё.

Вдруг смотрит она: старик куда-то пропал, стоят кругом одни деревья.

— Так вот он кто! Бог-хранитель этой горы! Вот кто спас меня!

Сложила о-Тиё молитвенно руки и низко поклонилась. Потом набрала полную корзину земляники и побежала домой.

— Как, ты и впрямь нашла землянику? — ахнула мачеха. Думала она, что ненавистной падчерицы уже в живых нет.

Обрадовалась о-Хана, села у самого очага и давай класть ягоду за ягодой в рот, приговаривая:

— Ах, вкусно! Во рту тает!

— Ну-ка, ну-ка, и мне дай!

Попробовала мачеха и языком причмокнула. А падчерице ни одной ягодки не дали.

О-Тиё и не подумала обижаться, не привыкла она к лакомствам. Сморил ее сон. Прикорнула она у очага и дремлет.

Вдруг мачеха подбежала в ней, громко топая ногами, и закричала в самое ухо:

— О-Тиё, о-Тиё!

Встряхнула она девочку за плечо.

— Эй ты, слушай, о-Хана не хочет больше красных ягод, хочет лиловых, ступай живо в горы, собери лиловой земляники.

Испугалась о-Тиё.

— Но, матушка, ведь уже ночь на дворе, а лиловой земляники, поди, и на свете нет. Не гони меня в горы, матушка.

— Что ты говоришь такое? Ты ведь старшая сестра, должна все давать своей младшей сестренке, что та ни попросит. Нашла же ты красные ягоды, найдешь и лиловые. А не то и домой не приходи!

Вытолкнула она падчерицу из дому без всякой жалости и дверь за ней со стуком захлопнула.

Побрела о-Тиё в горы. Сделает один шаг, остановится, сделает другой, остановится и заплачет-заплачет. А в горах напало много свежего снега. Уж не во сне ли собирала она здесь свежую землянику?

А кругом все темней становилось. Вдруг где-то волки завыли. Задрожала всем телом о-Тиё, ухватилась за дерево.

— О-Тиё! — послышался вдруг тихий зов, и откуда ни возьмись появился перед ней знакомый дед с белой бородой.

— Ну что, о-Тиё, понравилась твоей матушке красная земляника? Вкусная была? — ласково спросил ее старик.

Поглядела ему в лицо о-Тиё и вдруг заплакала в голос, так ей горько стало:

— Матушка велела на этот раз принести лиловой земляники.

Покраснел старик от гнева, глаза у него сверкнули страшным блеском.

— Пожалел я тебя, оттого и послал ей красных ягод, а эта злодейка вон что придумала! Ну, хорошо же, я проучу ее! Ступай за мной!

Старик пошел вперед большими шагами. Быстро, как ветер, спустился он на дно глубокой долины, а девочка за ним бежит, еле поспевает.

— Смотри, о-Тиё, вот лиловая земляника!

Взглянула о-Тиё и глазам не верит! Весь снег вокруг светится лиловыми огоньками. Повсюду рассыпана крупная, красивая, налитая соком лиловая земляника.

Боязливо сорвала о-Тиё одну-две ягодки. Даже на дне корзины светились ягоды лиловым блеском.

Набрала о-Тиё полную корзину и пустилась со всех ног домой. Тут горы сами собой раздвинулись

и в одно мгновение оказались далеко позади, а перед ней, словно из-под земли, родной дом вырос.

Держит о-Тиё перед собой корзинку обеими руками, будто что-то страшное, и громко зовет:

— Отвори, матушка, я нашла лиловую землянику.

— Как! Лиловую землянику! — ахнула мачеха.

Думала она, падчерицу волки съели. И что же! О-Тиё не только вернулась живая-здоровая, но и земляники принесла, какой на свете не бывает. Неохотно отперла мачеха дверь, взглянула, и у нее даже голос перехватило! Насилу-то вымолвила:

— Ах, лиловая земляника!

О-Хана давай совать ягоды в рот:

— Ах, вкусно! Язык можно проглотить. Попробуй, мама, скорее; таких вкусных ягод, верно, даже боги не едят.

И давай набивать себе рот.

О-Тиё начала было отговаривать сестру с мачехой:

— Матушка, сестрица, уж слишком эти ягоды красивые. Так и светятся! Не ешьте их...

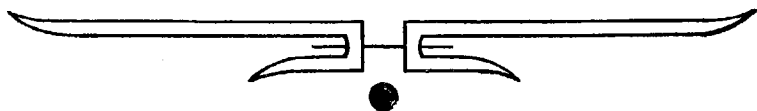
Но о-Хана злобно крикнула:

— Наелась, верно, потихоньку в горах до отвала, да мало тебе, хочешь сама все доесть. Нашла дурочек!

Послушала мачеха свою дочку, выгнала падчерицу из комнаты и ни одной ягодки попробовать ей не дала.

Но не успели мачеха и о-Хана доесть ягоды, как сами стали лиловыми-лиловыми и к утру обе умерли.

Со временем вышла о-Тиё замуж, и родились у нее дети. Много собирали они в горах красных, спелых ягод, но в зимнюю пору земляники под снегом никто больше не находил.

ОТЧЕГО В МОРЕ ВОДА СОЛОНА

В старину, в далекую старину, жили на свете два брата. Старший был богат, а младший беден. Вот как-то раз под Новый год пошел бедный брат к богатому попросить в долг мерку риса.

Ничего не дал ему богатый брат, наговорил много обидных слов и прогнал. Что делать? Побрел младший брат домой ни с чем. Вдруг повстречался ему на горной тропинке старик с белыми, как снег, волосами.

— Куда идешь? — спрашивает у него старик.

— Да вот сегодня канун Нового года, а у меня в доме даже горсточка риса нет, чтобы поднести в дар богу — подателю новогоднего счастья. Понапрасну только ходил я к своему брату, не дал он мне ничего. Иду домой с пустыми руками.

— Ну, если так, я тебе помогу. Возьми этот мандзю¹ и ступай к лесной кумирне. Есть за ней пещера. В той пещере карлики живут. Станут они у тебя мандзю просить, будут сулить за него горы золота, но ты не бери. Скажи, что сменяешь мандзю только на ручную мельницу*.

С этими словами дал старик бедному брату маленький пирожок — мандзю.

Пошел бедный брат к лесной кумирне. В самом деле, за ней пещера в горе видна. Суетится возле нее

¹ М а н д з ю — приготовленные на пару пирожки из сладкого теста с бобовой начинкой.

множество крошечных человечков. «Что они там делают?!» — подумал он. Глядит, а они, спотыкаясь и падая, всей гурьбой одну тоненькую камышинку тащат.

— Стойте, я подсоблю,— говорит бедный брат. Взял он камышинку и отнес к пещере. Вдруг у него под ногами словно комар запищал:

— Помогите, разбой! Человека убили!

Удивился бедный брат, глянул себе под ноги. Видит: чуть не задавил он одного карлика. Попал карлик между подставками сандалии, бьется, кричит, зовет на помощь. Нагнулся поскорее бедный брат и осторожно, двумя пальцами вытащил карлика.

А тот пищит:

— Ну и силен же ты, великан! На что я тяжел, а ты меня, как пушинку, поднял.

Тут заметил он в руке у бедного брата пирожок — мандзю и начал просить:

— Дай нам этот пирожок. Мы за него ничего не пожалеем.

Стали карлики носить из пещеры золото. По песчинке, по песчинке целую грудку натаскали. Но вспомнил бедный брат, чему его старик учил, и стал отказываться.

— Не возьму я золота, дайте мне взамен ручную мельницу.

Видят карлики, что его не переспоришь, и повели в пещеру. Стоит там в углу ручная мельница с каменными жерновами.

— Эта мельница — самое дорогое наше сокровище! — говорят карлики. — Жалко нам с ней расставаться, но уж очень нам твой пирожок понравился. Бери мельницу, так и быть! Покрути жернов вправо, намелет она тебе все, что только пожелаешь. Покрути влево, перестанет мельница молоть. Не забудь же, влево покрути, а то она вовек не остановится.

Понес бедный брат мельницу домой. А дома жена его заждалась. Не успел он показаться на пороге, как жена закричала:

— Ну что, достал хоть немного рису?

— Не спрашивай ни о чем, — отвечает, — а стели скорее на пол циновку.

Бросила жена на пол циновку. Поставил на нее бедный брат ручную мельницу и повернул жернов вправо, приговаривая:

— Мельница, намели нам рису, мельница, намели нам рису.

И вдруг посыпался на циновку крупный белый рис.

— Мельница, намели нам семги, мельница, намели нам семги.

Тут упало на циновку несколько больших соленых рыббин. Много еще намолола мельница разной вкусной еды. Лишь тогда бедный брат повернул жернов влево, когда уж ничего больше придумать не мог. Остановилась мельница, а муж с женой, радостные, сели ужинать.

На следующее утро говорит он жене:

— Довольно мы с тобой скитались по чужим лачугам. Пора и нам пожить в своем углу, как люди живут.

Велел он мельнице:

— Мельница, намели нам новый хороший дом с просторными кладовыми и большой конюшней, да чтоб стояли в конюшне на привязи семьдесят четыре коня. А потом намели побольше рисовых лепешек и вкусного вина.

Созвал младший брат всех соседей и родственников. То-то они удивились. Последний в деревне бедняк всех на пир созывает. Не обошел он приглашением и старшего брата.

Пришел старший брат, смотрит, глазам не верит. Младший брат только вчера вечером меру риса у него вымалывал. А сейчас он первый богач на селе. «Как это можно за одну ночь так разбогатеть! Откуда что взялось! Жив не буду, думает, а узнаю, в чем тут дело».

Пирует с гостями старший брат, а сам зорко так по сторонам поглядывает. Стали гости домой соби-

раться. Захотелось младшему брату оделить их на прощанье подарками. Пошел он потихоньку в другую комнату, где мельница стояла, и стал крутить ее вправо, приговаривая:

— Мельница, мельница, намели мне сластей для всех моих гостей.

А старший брат все в щелку и увидел.

— Ха-ха, теперь-то я узнал, откуда у этого голыша богатство взялось!

Проводили хозяева гостей и улеглись спать. Стало в доме тихо. Тут старший брат прокрался в дом и сунул мельницу в мешок, заодно и разных сластей прихватил с собою. Вышел старший брат на берег моря, а там, по счастью, лодка стоит на приколе. Бросил он в нее мешок и поплыл в открытое море.

«Уплыву я на какой-нибудь далекий остров, пусть чудесная мельница мелет для меня одного,— думает он.— Тогда я стану богаче всех на свете».

Долго плыла по морю лодка. Настало время обеда. Тут старший брат хватился, что в мешке у него сластей много, а лепешка-то всего одна. Поглядел он на нее, поглядел и до смерти захотелось ему соленья-кого.

— Попрошу-ка я у мельницы прежде всего соли. Посолю лепешку.

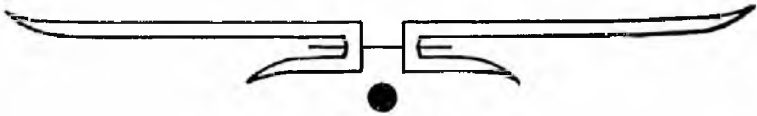
Повернул он жернов вправо и приказал:

— Эй, мельница, намели мне соли.

Посыпалась соль из мельницы широкой белой струей. И глазом он моргнуть не успел, а дно лодки сплошь солью покрыто. Увяз в ней старший брат по циклолотки. Захотел он остановить мельницу, а мельница все вертится. Не знал старший брат, что надо влево жернов повернуть.

— Эй, мельница, остановись, довольно! Стой, проклятая, стой! — кричит старший брат. Соль ему уже по колено, лодка по края в воду ушла, а мельница все мелет и мелет. Пошла лодка ко дну вместе с мельницей. Утонул с ней и старший брат.

Лежит мельница на дне моря, сыплется из нее соль бесконечной струей. И будет сыпаться до скончания века. Вот почему вода в море такая соленая.

ЭЙ, КРАБ, КОСЬ-КОСЬ!

Давно, давно, много лет тому назад жили старик со старухой. Как-то раз отправился старик в горы собирать хворост. Стало дело к полудню подходить. Проголодался он и сел позавтракать на берегу горной речки. Вода в ней прозрачная, чистая. Вдруг видит старик: по дну ползет что-то. Пригляделся он: «Э, да это краб!»

«Смотри ты пожалуйста, здесь крабы водятся!»

Бросил дед в воду несколько рисинок. Обрадовался краб, стал их ловить и поймал все до одной. А старик смотрит и смеется. С тех пор, бывало, как ни пойдет в горы, все чем-нибудь да покормит краба. Полюбился он старику.

«Возьму его домой,— думает. — Пусть живет у меня».

Принес его старик домой и говорит:

— Старуха, а старуха, смотри, какого я краба принес!

— И правда, хорош! — отвечает старуха. — Ох, верно, и вкусный же он! Откормим его да сварим.

— Скажешь тоже, старая! Я его знаешь как полюбил!

Спрятал дед потихоньку краба в колодец, чтобы старуха о том не проведала. Вернется из лесу и зовет:

— Краб, эй, краб, кось-кось! Плыви сюда, это я, старый дед!

Каждый раз, как слышит краб голос старика, так и выплывет со дна колодца, клешнями шевеля.

А старик угощает его чем-нибудь лакомым и приговаривает:

— Краб, дружок мой, у тебя ведь тоже есть сердце! Слушай же хорошенько, что я тебе велю. Станет тебя звать моя старуха, ты смотри не показывайся ей на глаза. Если выплывешь со дна, съест тебя непременно, так и знай. Только тогда и плыви, как услышишь: «Краб, эй, краб, косб-косб, это я, старый дед».

А старуха все не могла успокоиться:

— Где только мой старик такого жирного краба спрятал?

Искала она, искала, не найти нигде.

Вот как-то раз старик, воротившись домой, пошел, как всегда, к колодцу ноги помыть.

Заприметила старуха, что он словно сам с собой разговаривает. «Что бы это могло значить?» — подумала она, подкралась незаметно и слушает. А старик своего краба зовет:

— Краб, эй, краб, косб-косб, это я, старый дед, пришел.

Взяла старуху досада.

— Так вот куда дед его запрятал! Ну хорошо же,

пусть только уйдет завтра в горы, полакомлюсь на славу.

Не успел на другое утро старик уйти в лес, как старуха побежала к колодцу и кричит:

— Краб, эй, краб, косó-косó, это я, старый дед, пришел.

Услышал краб знакомые слова и поднялся со дна колодца. Видит старуха: отъелся он и вырос, стал большим-большим. Схватила его и кинула прямо в кипящую, бурлящую воду: шлеп! Сварился краб, стал красным, как огонь. Полакомилась старуха нежным мясом, а скорлупку бросила на помойку под водосток.

Вернулся старик из лесу и зовет, как обычно, своего любимца-краба:

— Краб, эй, краб, косó-косó, это я, старый дед, пришел.

Звал он, звал, но краб из воды так и не показался.

— Отчего бы это? Убежал он, что ли?

Стал дед повсюду искать краба, нет его нигде, да и только! Огорчился старик.

Вдруг откуда ни возьмись — порх — прилетела красивая птичка, села на дерево перед стариком и защебетала:

— Дедушка, дедушка! Вернулся наконец. Мясо краба у старухи в животе, а скорлупку на помойке поищи, пин-ярá, пин-ярá, сян!

«Каких только чудес на свете не бывает!» — подумал старик. Заглянул на помойку под водосток. В самом деле, валяются там скорлупки да клешни. Огорчился старик. Заливаясь слезами, собрал он их и закопал в самом дальнем углу двора, а над могилкой посадил деревце азалии.

Как проснулся на другое утро, так первым делом подумал: «Надо полить саженец водой, не то засохнет». Пошел к деревцу, а оно все усыпано золотыми цветами, так и горит на солнце, так и сверкает. Обрадовался старик:

— Эй, старуха, поди-ка сюда! Съела ты моего краба, не пожалела. А я скорлупку его в

землю закопал, деревце на могилке посадил, и расцвело оно золотыми цветами. Надо беречь его, хорошенько поливать.

Но не успел старик уйти в горы, как старуха бегом к деревцу.

— Ладно же, погоди ты у меня! Все цветы оборву, по ветру размечу.

Смотрит, а на азалии уже не золотые цветы, а простые.

— Ты что морочишь меня, надо мной насмеешься, дрянная хворостина! — рассердилась старуха. — Срублю я тебя под самый корень и сожгу.

Срубила она азалию и сожгла.

Вернулся из леса старик и первым делом спешит на золотые цветы полюбоваться. Смотрит, нет деревца. Удивился он:

— Старуха, а старуха, куда моя азалия пропала?

— А ты зачем такую дрянь на дворе посадил! Только бесила она меня. Не золотые на ней цветы росли, а простые. Вот я ее и спалила, сердце отвела.

Что будешь делать! Спрашивает сквозь слезы старик:

— Скажи хоть, куда пепел дела?

— А где ему быть? В очаге.

Выгреб старик пепел из очага, все-таки, думает, хоть какая-нибудь память осталась. Стал он сыпать пепел на поле. Подул тут ветер, полетел пепел облачком и осыпал ветки деревьев. Стали вдруг распускаться на ветках золотые цветы, засверкали, засияли на солнце.

Прилетела опять птичка и щебечет:

— Дедушка, дедушка, не сыпь здесь, сыпь на дороге, пин-яра́, пин-яра́, сян!

Послушался старик. Смотрит: все деревья по обе стороны проезжей дороги золотыми цветами расцвели, так сверкают, что глазам больно.

Тут как раз едет князь со своей свитой. Увидал он золотые цветы, остановил коня, любитесь, глаз не сводит.

— Никогда,— говорит,— не видел я такой красоты!

Одарил князь старика великими дарами. Услышала про это старуха, загорелась от жадности:

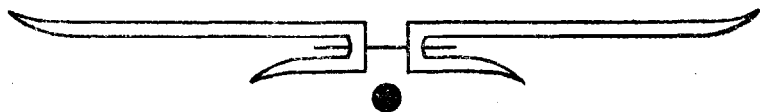
— Ладно же, я еще лучше сделаю. Еще больше подарков получу.

Нагрехала полное ведро пепла и ждет на обочине дороги, когда князь снова проедет мимо.

Вот показалась длинная вереница людей. Выждала старуха, чтоб сам князь с ней поравнялся, и давай сыпать пепел полными пригоршнями. Но не распустились на деревьях золотые цветы. Полетел пепел по ветру, засыпал князю глаза, набился ему в ноздри, в рот, перепачкал всего с головы до ног. Разгневался князь так, что смотреть страшно было.

Испугалась старуха княжеского гнева, попятилась. Пятилась, пятилась назад — и оборотилась маленьким крабом. Побежал краб и зарылся глубоко в песок на берегу горного ручья.

Вот отчего крабы так пугливы, сразу в песке прячутся.

ПОЧЕМУ У ОСЬМИНОГА НЕТ КОСТЕЙ

В старину, в незапамятную старину, это было. Супруга Повелителя драконов понесла дитя в своем чреве. То и дело хотелось ей отведать чего-нибудь необыкновенного. Прихотям и выдумкам конца не было. Сегодня одно подай, завтра другое.

Каждый день Повелитель драконов рассылал своих подданных в разные стороны с наказом все добыть, что супруга ни пожелает. Измучились рыбы, осьминоги с ног сбились.

Вот однажды говорит жена морского царя:

— Хочу отведать обезьяньей печени. А не достанете, ничего другого и в рот не возьму.

Как тут быть? В море обезьяны не водятся. На земле обезьян много, что и говорить, да как их поймашь?

Созвал Повелитель драконов великий совет. Собралось в подводном дворце множество рыб и с большими и с малыми плавниками. Сидят, гадают, ничего придумать не могут. Вдруг плывет, гребя лапами, большая черепаха.

— Э-э, без меня, вижу, вам не обойтись. Я и в воде плаваю и по земле бегаю. Всюду мне дорога. Пошлите меня, я добуду для вас обезьяну.

Рыбы с радостью согласились:

— Что ж, отлично! Желаем тебе успеха в трудном деле.

Отправилась черепаха выполнять государев наказ. Только подплыла к берегу, как видит: сидит на ветке сосны обезьяна...

— Здравствуй, госпожа обезьяна! Славный сегодня выпал денек. Приятно погреть спину на солнце... А скажи мне, случалось ли тебе побывать когда-нибудь во дворце. Повелителя драконов? Я только-только оттуда...

— Нет,— отвечает обезьяна.— Слышать я о нем много слышала, а повидать своими глазами не удалось.

— Да ну? Значит, ты не знаешь, что такое настоящая красота. Во дворце Повелителя драконов круглый год весна. А какие там кушанья подают! Ты таких и не пробовала. Хочешь, я покажу тебе дворец морского царя? Садись ко мне на спину, отвезу.

Спина у черепахи большая, словно лодка. Уселась на нее обезьяна, весело ей плыть, покачиваясь на волнах.

Скоро показался перед ними дворец Повелителя драконов. Правду сказала черепаха! Стоит в нем вечная весна, а сам он так прекрасен, что не описать, весь сияет серебром, и золотом, и жемчугами!

— Изволь обождать здесь немного, госпожа обезьяна! Я сейчас доложу нашему владыке о дорогой госте.

Ссадила черепаха обезьяну со своей спины перед самыми воротами во дворец и отправилась с докладом к Повелителю драконов.

А на страже у ворот стоял осьминог. Скучно ему было, вот и стал он болтать с обезьяной:

— Госпожа обезьяна, а госпожа обезьяна, ты, поди, ничего и не знаешь? Наша-то госпожа захотела попробовать твоей печени. Жаль мне тебя, бедную! Отсюда, с морского дна, тебе не убежать.

Услышав это, обезьяна обомлела от страха. Но и виду не подала. Стала ждать черепаху как ни в чем не бывало.

Вот появилась черепаха и говорит:

— Ну, госпожа обезьяна, наш повелитель тебе рад. Пойдем, я покажу тебе дворец. Убранство в нем богатое, есть на что посмотреть.

— Ах, черепаха, черепаха! Не знаю, как и сказать тебе... Я такая беспамятная, вечно все забываю. Вот и теперь: выстирала я свою печень и повесила на ветке сосны сушиться. Да вот совсем было из памяти вон... Что, если ее дождь намочит или ворона склюет? Скорей отведи меня назад.

Огорчилась черепаха. Зачем нужна обезьяна без печени? И надо же было такому случиться!

— Правда, вот это беда так беда! Садись скорее ко мне на спину...

Поплыла черепаха так быстро, как только могла. Достигла она берега и говорит обезьяне:

— Ну, забирай свою печень, и вернемся во дворец. Как раз поспеем к вечернему пиру.

Обезьяна бегом взобралась на самую верхнюю ветку сосны. Захлопала она в ладоши от радости и давай смеяться:

— Ну, прощай, черепаха! И проста же ты! Забыла старую поговорку: «Не растут деревья в море, печень не растет на ветке...» Пеняй теперь на себя!

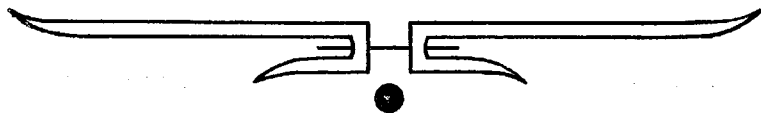
Видит черепаха, пропало дело! Лазать по деревьям она не умеет. Пришлось вернуться к Повелителю драконов с повинной головой.

Стали во дворце думать:

— «Как же обезьяна узнала? Кто ей сказал? Не иначе как осьминог проболтался. Он тогда на страже стоял...»

Схватили осьминога и стали бить. Так били, что все кости ему в теле измололи.

Нет у болтливого языка костей, и у осьминога тоже нет.

ЛЯГУШКА ИЗ КИОТО И ЛЯГУШКА ИЗ ОСАКА

Как-то раз выдалось небывало жаркое лето. Солнце пекло день за днем, а дождя все не было. Наступила жестокая засуха. Пересох даже старый колодец в Киото, где жила одна лягушка. Думала она, думала, как ей быть, и решила переселиться в другое место.

— Осака, говорят, веселый, шумный город, и море там близко! Хочется мне посмотреть на море.

И отправилась лягушка из Киото в Осака.

Но в Осака тоже стояла засуха. Вода пересохла даже в Лотосовом пруду. Лягушка, что там жила, целыми днями смотрела на безоблачное небо и наконец сказала с досадой:

— Нельзя больше оставаться в Осака! Киото — столица Японии, в ней живет сам Сын неба. Уж наверно, там есть на что посмотреть.

И лягушка из Осака отправилась в Киото.

Между Киото и Осака — целых десять ри. Обе лягушки словно сговорились, вышли в путь рано утром в одно и то же время: одна из Киото в Осака, другая из Осака в Киото. Быстро-быстро запрыгали они по дороге.

Долго прыгали лягушки и к полудню очень проголодались, поясицу у них разломило, от усталости они еле двигали лапками.

Наконец достигли они горного перевала и тут встретились. А надо сказать, что гора Тэннодзан стоит как раз на полпути между Осака и Киото.

Окликнули друг друга лягушки, поздоровались и познакомились.

Лягушка из Киото стала рассказывать лягушке из Осака о столице. Лягушка из Осака стала рассказывать столичной лягушке о своем городе. Лягушка из Киото ужасно опечалилась, узнав, что и в Осака тоже нет дождя. Лягушка из Осака страшно огорчилась, узнав, что и в столице засуха. Но обе решили посмотреть собственными глазами, так ли это.

— Ну-ка, я погляжу с вершины горы на Киото, — сказала лягушка из Осака.

— И я тоже погляжу на Осака. Мне так хочется увидеть море! — отозвалась лягушка из Киото.

Тут обе лягушки поднялись на задние лапки, и давай тарашить свои большие глаза.

Лягушка из Киото старалась получше рассмотреть Осака, а лягушка из Осака хотела увидеть столицу.

Вдруг лягушка из Киото сердито крикнула:

— Что такое! Этот хваленый город Осака похож на Киото как две капли воды! Болтали: «Там море, там море!» А моря и не видать!

Лягушка из Осака тоже завопила:

— Что такое! Какой обман! Болтали: «Ах, Киото, ах, столица!» Я-то думала, что там красивые сады, чудесные здания, и что же! Киото просто второй Осака.

— Ну, если Киото так похож на Осака, что же в нем любопытного?

— Ну, если Осака так похож на Киото, что же в нем хорошего?

Обе лягушки решили, что дальше идти не стоит. Лягушке из Киото надо идти в Киото, а лягушке из Осака надо вернуться в Осака. Крикнули лягушки друг другу «прощай» и запрыгали восвояси.

Но на самом-то деле лягушка из Киото увидела совсем не Осака, а свой родной город, и лягушка из Осака тоже увидела не столицу, а старые места. Глаза у лягушек на спине, и когда они поднялись на задние лапки, то, конечно, стали смотреть не вперед, а назад.

Вернулась лягушка из Киото домой в свой колодец и принялась рассказывать подружкам:

— Никакого моря на свете нет! Все это пустая болтовня!

А лягушка из Осака снова поселилась в Лotosовом пруду и с тех пор наставляла своих деток:

— Киото что наш Осака! Одна слава, что столица, а на деле такой же пыльный городишко!

**ВЕЧЕР
ЧЕТВЕРТЫЙ**

САБУРО́ ВИТАЯ МИСКА

В старину жили три брата: старшего звали Таро́, среднего Дзиро́, а младшего Сабуро́. Как-то раз говорят они друг другу:

— Давайте, братья, научимся какому-нибудь искусству, утешим нашего старика отца.

Покинули они на три года родной дом, и каждый выбрал себе дело по сердцу.

Учились все трое, не жалея сил, и через три года стали искуснейшими мастерами.

Первым вернулся домой старший сын Таро.

— Здравствуй, отец! Порадуйся за меня, я стал лучшим шапочником Японии. Умею я делать такие шапки, что они любому впору придутся. Попросит у меня шапку чиновник или воин, не успеет договорить, а она уже готова! Не нахвалятся мною, когда шапку моей работы надевают!

— Ну, тогда сделай шапку для нашего князя. Чтобы красивой была и сидела на голове как следует,— сказал отец.— Давно князь огорчается, что нет у него хорошей шапки.

Последовал Таро совету отца, сделал шапку для князя. Обрадовался князь:

— Хо-хо, красивая шапка! И как раз по голове прилась. Отныне пусть все шапки в моем княжестве делает один Таро!

С этого дня шапочное дело Таро пошло в гору, и отец очень этому радовался.

Второй сын, Дзиро, с самого детства больше всего на свете любил стрелять из лука.

Постиг он все хитрости этого искусства, учась у самых знаменитых мастеров. Дошла слава о нем до слуха самого князя, и вот призвал его князь и велел ему сбить стрелой грушу с дерева на расстоянии в сто кэнов¹.

Дзиро с радостью согласился показать князю свое умение. Выстрелил он и сбил грушу. Но вот чудо!

Стрела полетела назад и упала у его ног. Всего тремя стрелами сбил он все груши с дерева, густо увешанного плодами. И его тоже отблагодарил князь: приказал он ему обучать стрельбе из лука всех своих воинов.

А третий сын, Сабуро, изучил искусство подкрадываться незаметно. Услышав это, старик-отец нахмурил брови и велел сыну держать свое умение в тайне от людей. Но Сабуро стал верить, что его искусство нельзя равнять с воровской сноровкой, и вот что поведал он своему отцу:

— Шел я как-то раз полем, сам не зная куда, и вдруг вижу: стоит вдали необыкновенный домик.

Был он похож на круглую миску, перевернутую вверх дном, а вход в него напоминал отбитый край миски. Подошел я ближе, заглянул внутрь, и что же вижу? Навалены внутри деревянные миски целыми грудями. И сидит посреди домика дряхлая старушка. Поглядела она на меня с удивлением и спрашивает:

— Откуда ты пожаловал?

Я ей отвечаю: вот так-то и так-то, иду учиться какому-нибудь ремеслу.

¹ К э н — японская мера длины, равная 1,82 метра.

— Ну, выходит, ты попал как раз туда, куда тебе надо.

Остался я у старушки, но в первый год и во второй год ничему она меня не научила. Прошел третий год, и попросил я у старушки отпустить меня домой. Не стала она меня удерживать и только сказала:

— Ты усердно служил мне, хотелось бы мне дать что-нибудь тебе на память, но видишь сам: у меня в доме только одни миски. Бери любую, какая понравится.

Обидно мне это показалось.

— Ах вот как, говорю, ты даешь мне миску в награду? Тогда для меня и эта хороша! — Да и выбрал с досады никуда не годную, разбитую миску.

Иду я по полю и думаю: «Ну и глупо же вышло! Три года усердно служил, а получил в награду одну разбитую миску!»

Швырнул я ее на землю и пошел было прочь.

Но тут миска вдруг заговорила человеческим голосом:

— Сабуро, зря бросил ты свое счастье! Знай, что я владею великим искусством незаметно подкрадываться. Меня подарили тебе нарочно, чтоб я тебя этому искусству обучила. Я за тобой повсюду пойду!

И с этими словами запрыгала миска за мной по пятам. Откуда ни возьмись, вдруг выросли у нее две ноги! Испугался я до полусмерти... Но ведь миска обещала принести мне счастье. Пошел я с ней вместе по горам и долинам назад к родному дому. По дороге разбитая миска научила меня искусству незаметно подкрадываться. Теперь я тоже мастер в этом деле!

Опечалился отец, что сын его выучился такому ремеслу, какое только для воров годится. Не хотел он, чтоб пошла об этом молва, и решил держать все в тайне. Но не тут-то было! По всему княжеству разнесся слух о таком диковинном ремесле Сабуро и дошел до ушей самого князя. Призвал князь Сабуро к себе и говорит ему:

— Есть в моем княжестве один жадный богач. Я скажу ему заранее, что ты берешься похитить у него всю казну. А ты незаметно подкрадись и унеси все его богатство.

Сабуро ему в ответ:

— Я учился подкрадываться не для того, чтобы воровать. Это воинское искусство, оно может пригодиться, если нападут на нас враги. Не хочу я унжать свое ремесло.

Но князь заупрямился.

— Говори что хочешь, а я желаю испытать твое умение. Да и сам богач, уж на что труслив, и то расхрабрился. Говорит: «Я все сделаю, чтобы деньги мои устережь. Но если этот Сабуро их украдет — так тому и быть! Не буду на него жаловаться. Только ничего у него не выйдет!» Так что смотри не промахнись!

Как ни отказывался Сабуро, пришлось ему подчиниться приказу князя. А в доме богача уже поднялась суматоха. Все ждали, что сегодня к ним прокрадется Сабуро, и были начеку. Сундуки с деньгами оставить в кладовой побоялись, вытащили их оттуда и сложили один на другой в домашних покоях. Сам богач нес возле них стражу. А слугам и служанкам он приказал:

— Как закричат: «Вор!» — сразу же не мешкая зажигайте огонь и бегите сюда с фонарями.

Каждому слуге дали кремни и палочку для зажигания огня.

На конюшне все тоже были наготове. Слуги держали оседланных коней под уздцы, чтобы можно было немедленно пуститься в погоню.

Наступила ночь, полил сильный дождь. И вот явился Сабуро в дом богача. Пришел он открыто, не таясь, под большим зонтом. Удивился богач и обрадовался.

— Эге, поглядите-ка! — закричал он. — Наш мастер в искусстве подкрадываться явился под раскрытым зонтом! Вон, вон, стоит у входа! Как же он теперь на глазах у всех украдет сундуки с деньгами? Ха-ха-ха!

Слушает богач, как дождь стучит по зонту Сабуро, и заливается смехом.

А в это время Сабуро Битая Миска оставил свой зонт у входа и пробрался в дом сквозь незапертые ставни. И пока все слуги бока надрывали от смеха, подменил он палочки для зажигания огня флейтами, а вместо кремней положил барабанчики. Потом в чашку, где был налит чай для богача, подмешал он

снотворного зелья из своей битой миски и стал ждать, что дальше будет.

Вскоре богач выпил свой чай и вдруг почувствовал неладное! Глаза не смотрят, голова тяжелая! Завоил он из последних сил:

— Это проделки Сабуро! Здесь Сабуро! Зажигайте скорее огни, несите сюда фонари!

Слуги, служанки — все бросились зажигать огни. Поднялся страшный шум. Флейты пицат: «Пи-ро-ро! пи-ро-ро!» Барабанчики гудят: «Дон-дон! дон-дон-дон!»

Богач в ярость пришел, вопит:

— Дураки, огня, огня!

А слуги совсем одурели с перенугу. Им в суматохе слышится:

— Сундуки на коня!

Они и давай сундуки с деньгами навьючивать на коней.

Увидел это Сабуро Битая Миска и сказал:

— Вот теперь все в порядке.

И потихоньку он отвел коней с сундуками к князю.

Но не остался Сабуро на княжеской службе. Отправился он по свету искать такое место, где бы его искусство незаметно подкрадываться могло принести настоящую пользу.

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ КАП-КАП

В старину жили в одной ветхой кособокой лачужке старик со старухой. Казалось бы, чем у них поживиться? Всего-то у них богатства одна лошаденка, да и ту надумал вор со двора свести. Притаился он, ждет, чтобы хозяева уснули.

На дворе стояло осеннее ненастье. Дождь ливня лил, а крыша лачуги вся прохудилась. То тут послышится «кап-кап», то там струйка побежит. Перетаскивают старики свои постели с места на место, нет им покоя. Всюду дождь какает.

— Ах, страшный зверь этот кап-кап! — вздохнула старуха. — Хуже тигра, хуже волка...

— Твоя правда, — ответил старик. — Нет на свете страшнее. Никуда от него не спрячешься...

А под окном притаился голодный волк. Задумал он съесть хозяев, когда огонек в доме погаснет. Услышал он слова стариков, и шерсть у него дыбом встала с перепугу.

— Думал я, что в этих местах нет зверя сильнее меня. А на поверку выходит, забрался сюда какой-то страшный кап-кап... Ой-ой-ой, лучше я убегу. Убегу, убегу!

Как шарахнулся волк прочь, как задал стрекача! А конокрад подумал: «Эге! Лошадь-то, никак, с привязи сорвалась».

Кинулся он в погоню, да и вскочил с разбегу волку на спину. Тут волк совсем ополоумел: «Пропал я! Не попался я в капкан, так схватил меня кап-кап».

Помчался волк большими скачками, а конокрад еще сильнее в него вцепился. Ничего понять не может. Старая лошадь, а вон как понесла. Молодому жеребцу не угнаться.

Бежит волк с конокрадом на спине, а тем временем стало светать. Заметила их с дерева обезьяна.

— Э-э, что я вижу! Человек верхом на волке. Вот потеха-то, ха-ха-ха!

Тут и конокрад приметил, на ком он сидит. Скатился он с волка и полетел кубарем в волчью яму. Хорошо еще, что шею себе не сломал. Сидит он в волчьей яме и размышляет, как оттуда выбраться.

А обезьяна говорит волку:

— Ну, волк, дивлюсь я на тебя. Как ты позволил человеку себя оседлать?

— Как — человеку? Меня страшный кап-кап схватил. Еле я от него спасся.

— Нет же, говорю, на тебе ехал человек. Как на простом коне, ха-ха! Да погоди, я проверю. Сдается мне, свалился он вон туда, в волчью яму.

В те времена у обезьяны был длинный хвост. Опустила она его в яму, водит им по сторонам. Ухватился конокрад за хвост, думал он, что это веревка.

— Вот это кстати. Дай попробую выбраться.

Завопила обезьяна от боли:

— Итэ-тэ-тэ-тэ! Волк, волк, там и вправду страшный зверь кап-кап. Он схватил меня за хвост.

Услышал это волк и кинулся бежать опрометью. Обезьяна кричит:

— Стой, стой, куда ты? Постой, погоди! Не бросай меня в беде.

Рвется обезьяна изо всех сил, морда у нее от натуги кровью налилась... Вдруг хвост как оторвется почти у самого корня!

С тех самых пор у обезьян красные морды и короткие хвосты.

ДЛИННОЕ ИМЯ

Жили в старину муж с женою, и родился у них сынок. Обрадовалась молодая мать, и захотелось ей придумать для мальчика хорошее имя, чтобы жизнь у него была хорошая.

Думала она три дня и три ночи, думала, думала, но заболела и, умирая, успела только еле слышно прошептать:

— Ах, наконец придумала! Назовите его Тён...

Так и не договорила. Пришлось назвать мальчика Только-Тёном.

Много времени не прошло, отец Тёна взял в дом вторую жену, и родился у него еще один сын.

Кто-то сказал матери, что, если ребенку дать короткое имя, у него и жизнь будет короткая. Чем длиннее имя у ребенка, тем и жизнь его будет длиннее. Захотелось ей дать своему сыну длинное, длинное имя, чтобы жил он подольше. Думала она, думала, долго ломала себе голову и, наконец, придумала вот какое имя:

«Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-в-мошнedenьгами-бряк, Бонза-простак, Бонза-не-знаю-дальше-как, Богач-разбогач, Богаче-самого-как-бишь-его, Чашка-да-чайник, Главный-начальник, Все-пьют-воду-сам-пью-чай, Чудо-герой, Серебро-горой, Звать-по-таковски, Звать-по-сяковски, И-эдак-

и-так, И-пере-так-так-так, На-горе-храм, На-храме-крыша, Над-крышей-сосна, Над-сосной-луна, Эй-эй-расти-скорей-Эйскэ!»

Стали братья подрастать, начали ссориться между собой. Младший брат досадит старшему, выкинет какую-нибудь злую шутку, а потом убежит подальше и дразнится:

— Тён-Тён, Только-Тён! Тён-Тён, Только-Тён!

Тёну станет обидно, захочет он отплатить брату тем же и начнет в насмешку выкрикивать скороговоркой его имя:

— Бонза-большой, Бонза меньшей, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-бряк... Нет, не так! Бо-бон-за... Бонза... Тьфу!

Заплетется у него язык, и только еще досадней на душе — ну, никак не выговоришь. А за это время братец убежит так далеко, что его и не догнать.

Да и отец тоже, если нужно что-нибудь сделать, все время звал Тёна, потому что его имя легче было выговорить.

— Тён, сделай это! Тён, сделай то!

Вся работа доставалась на долю одного Тёна.

И за шалости Тёну сразу же крепко попадало:

— Эй, Тён, а ну-ка, поди сюда! Вот тебе, озорник!

А если младший брат что-нибудь натворит, отец начнет его звать на расправу:

— Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-в-мошненьгами-бряк... Уф! Да ну его совсем!

Устанет и отстанет.

А мать радуется:

«Как хорошо, что я своему сыну такое длинное имя дала!»

Как-то раз играл Только-Тён на дворе с ребятами и нечаянно угодил в колодец.

Дети закричали:

— Ай-ай, Тён упал в колодец! Ай-ай, Только-Тён упал в колодец!

Все прибежали, кто с веревкой, кто с лестницей, и вытащили Тёна из колодца.

А мачеха подумала:

«Видно, правду говорили, что дети с короткими именами долго не живут. Ведь едва вытащили!»

Дня через три опять затеяли дети игру на дворе.

Эйскэ-Длинное-имя стал хвалиться:

— Тён свалился в колодец потому, что у него имя короткое. А я буду делать что хочу и не упаду, потому что я счастливый, у меня имя длинное!

Тут свесился он над колодцем и стал ловить ведро, да и полетел камнем в воду.

Дети перепугались, бросились в дом, стали звать на помощь:

— Сейчас Бонза-большой, Бонза-меньшой, Бонза-над-всеми-бонзами-бонза, Бонза-толстяк, Бонза-дурак... Нет, не то!.. Бонза-не-знаешь-дальше-как, Бонза-загребай-деньги-в-кошель... Так, что ли?.. Богач-разбогач, Перебогаче-самого-перебогача... Нет, еще богаче! Забыли! Вот незадача! Миска-да-ложка? Сбились немножко! Подушка-да-одеяло? Не начать ли сначала? Ступка-да-пестик? Вспоминайте все вместе! Ага! Чашка-да-чайник! Сам староста? Нет, нет! Главный-начальник! Пьет чай? Нет, не было сроду, Пьет-вино-как-воду. Кажется, так! А кто под горой? Старый-дед-под-горой! Да нет же, Толстый-дядя-гора-горой! Звать-по-таковски, Не-знаем-по-каковски... Не-то-эдак, не-то-так, не вспомнить никак! Стоит-дом, На-крыше-дома-старая-солома. На-солومه-кот-мышку-ждет, кот-прыг-прыг, мышь-дрыг-дрыг, заплелся язык... Эй-эй, бегите скорей! Эйскэ упал в колодец!

— Ах, какое несчастье!

Все бросились на помощь, но было слишком поздно: Эйскэ-Длинное-имя уже утонул.

КАК ГЛУПОГО СЫНА ТОРГОВАТЬ ПОСЫЛАЛИ

В старину, в далекую старину, был у одних родителей сын-дурачок.

— Жаль его, неразумного. Как он после нас жить будет? — горевали отец с матерью. — Надо его к делу приучать.

И порешили, пусть торгует вразнос. Дело нехитрое, были бы крепкие плечи да звонкий голос.

Купили каштанов и говорят дурачку:

— Вот тебе каштаны на пробу. Носи по всему городу.

Ходит дурачок с корзиной на голове и кричит:

— А вот каштаны на пробу всему городу! А вот каштаны на пробу всему городу!

Набежало тут много детей. Поели они все каштаны.

Вернулся к вечеру дурачок и без товару и без денег. Опечалились отец с матерью. Стали толковать да объяснять, как вразнос торгуют.

— Теперь понял, — говорит дурачок. — Уж теперь-то я полный кошель денег принесу!

На другое утро положили родители в корзину много разного товару: каштаны, чай, несколько мерок проса.

Весь день бродил дурачок по городу, но ничего не продал. Воротился домой к вечеру, плачет:

— Ничего у меня не купили глупые люди. Только смеются. Уж я кричал, у самого в ушах звенело.

— Как же ты кричал? — спрашивают родители.

— А вот как, — затянул дурачок: — Просочай-просочай - сопروحай-проучайсо - чайкаштаны - ташкачаны-штаныкачай...

— Дурачок, дурачок, разве можно так? Товар надо выкрикивать ясно, чтоб слово от слова отскакивало. А ты их вместе сболтал, как муку с водой. Каштаны ведь не чай, а чай ведь не просо.

На другое утро опять пошел дурачок торговать. Вернулся вечером с полной корзиной, плачет.

— Нет в нашем городе покупателей, одни бездельники. Смеются, сами не знают отчего. За весь-то день ничегошеньки я не продал.

— Уж, верно, ты опять не так кричал, как мы учили, — опечалились отец с матерью.

— Вот и неправда. В точности так, как вы меня учили! — И затянул: — Каштаны-не-чай, просо-не-каштаны. Чай-не-просо, кричу особо.

— Дурачок, дурачок, ты вперед всего три слова кричи, от себя ничего не прибавляй: чай, каштаны,

просо. Да кричи медленно, внятно, с расстановкой, чтобы все расслышали.

Пошел на другое утро дурачок товар продавать. Кричит медленно, с расстановкой: «Чай-ка-шта-ны-про-со». Да скоро заболтался у него язык. Стало у него выходить:

«Чайка штаны просит. Чайка штаны просит».

Как на грех, идет сзади другой разносчик. Орет во всю глотку: «А вот сковородки! Сковородки хорошие!»

Совсем дурачок сбился: «Чайка штаны просит. Чайка штаны просит. Сковородки — сковородки. Чайка штаны просит, а сорока — водки!»

Люди на улицах от смеха падают. Не берут товар ни у того, ни у другого разносчика.

Рассердился другой разносчик, что дурачок ему торговлю испортил, и надавал ему тумаков.

Вечером вернулся дурачок со слезами.

— В нашем городе одни глупые люди живут. Прохожие смеются, а разносчики дерутся.

Родители только вздохнули:

— Видно, правду люди говорят: от глупости нет лекарства. Сиди-ка ты лучше дома. Оно и нам спокойнее будет.

ЧЕРНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ

В старину это было, в далекую старину.

Как-то раз под вечер постучался нищий паломник в ворота большого дома. Попросил пустить его на ночлег. А хозяином того дома был староста*, первый на деревне богач. Известно, кошка и староста без добычи не остаются.

Хозяйка в ту пору сидела за ткацким станом. Прогнала она паломника с бранью: уходи, бродяга, куда сам знаешь!

Ничего не сказал паломник и тихо побрел прочь.

А на самой околице стояла кособокая халупка, крытая тростником. Постучал паломник в дверь. Медленно, медленно, еле волоча ноги, вышли к нему навстречу из дверей старик со старухой и говорят, опечаленные:

— Не обессудь нас, горько нам отпускать тебя с пустыми руками, но сам видишь, как мы бедны. Нет у нас в доме ни зернышка риса, ни лишней одежонки...

— Не тревожьтесь, ничего мне не надо, только пустите меня переночевать. Лягу я на голом полу, а голову положу на край очага...

— Ну что ж, коли так, милости просим, — приветливо отвечают старики. Провели они гостя в свою тесную хижину.

Говорит паломник старухе:

— Прости, что докучаю тебе, но наполни водой свой самый большой котелок и повесь над очагом.

Послушалась старуха. Когда закипела в котелке вода, достал тогда паломник из своей монашеской сумы горсточку риса и стал сыпать в воду по зернышку.

Вдруг — что за диво! — котелок до краев наполнился рисом, белым, как утренний снег, мягким и рассыпчатым...

То-то обрадовались старики! Совестно им было, что гость хозяев угощает, но под конец сдались они на его уговоры и поели досыта. Не часто случалось старикам отведать белого риса.

Только кончили они втроем ужинать, как отворилась дверь на кухне и в дом весело вбежала дочка стариков о-Коно. Была она девушка хорошая и душевная, но собой черна и дурна, все лицо в рябинах, гладкого места нет.

О-Коно прислуживала в доме у старосты, и ей частенько позволяли относить отцу с матерью, что она со дна котлов и чашек наскребет.

Вот и нынче вечером принесла она полную миску с верхом бурого пригорелого риса, а старики говорят ей с довольной улыбкой:

— О-Коно, доченька о-Коно, сегодня мы сыты: наш гость угостил нас на славу.

Застыдилась о-Коно, услышав это, покраснелась вся и стала благодарить гостя.

А старик со старухой сетуют:

— Ах, горе, горе, добрая у нас дочка, да только сам видишь, собой нехороша... При нашей-то бедности где найти ей жениха! А ведь так бы хотелось, уж она у нас на возрасте.

— Это небольшая беда! — отвечает паломник. — Не печальтесь, я вам помогу.

Вынул он из рукава черное-черное полотенце.

— На, девушка, возьми! Станешь мыться в чане*, потри этим полотенцем лицо.

Вернулась о-Коно к своим хозяевам и согрела воду для вечернего купанья.

Первым в чан полез сам хозяин, потом все его семейные по очереди, а дочка стариков окунулась, как всегда, самой последней. Взяла она черное полотенце и с опаской легонько потерла свои щеки. Но что это? Шершавая кожа стала вдруг мягкой и нежной, словно шелк. Шею потерла, шея стала гладкой-гладкой...

Страх взял девушку, выскочила она не помня себя из чана и побежала к зеркалу. Смотрит: все рябины сошли с лица, сияет оно нежной белизной. Стала о-Коно красавицей, каких мало.

Увидела это чудо жена старосты и приступила к девушке с допросом: как, да что, да почему.

Рассказала о-Коно все, как было.

Захотелось хозяйке испытать на себе чудесную силу полотенца. Попросила она его в долг, один раз потереться.

На другой вечер залезла жена старосты в чан последней, чего отроду с ней не случалось, и давай тереть лицо полотенцем. Стало оно гладким и нежным. Потом руки потерла. Сделались руки мягкими и белыми, словно свежие рисовые лепешки.

Обрадовалась хозяйка, трет себя полотенцем с головы до ног. Насилу-то насилу решилась она вылезти из чана, приговаривая:

— Ну, хватит! Уф, устала! Зато теперь меня и не узнаешь, такой я стала красавицей.

Но не тут-то было! Ее белые-белые ноги и белая-белая спина словно приросли к чану.

Как ни билась жена старосты, сколько ни старалась, а так и не смогла отлепиться. Завопила она во весь голос.

Прибежала о-Коно, схватила хозяйку за руки, хочет вытащить ее из чана, да не может.

Что тут делать? Просит хозяйка:

— Беги скорей, о-Коно, ищи того паломника, что дал тебе черное полотенце. Приведи его сюда, пусть освободит меня силою своих чар.

О-Коно со всех ног бросилась к себе домой. Видит: паломник все еще гостит у стариков, — уговорили они его пожить денек-другой. Привела о-Коно паломника к своим хозяевам.

Взглянула на него жена старосты — и обомлела. Ведь это тот самый нищий, кого она вчера от ворот с бранью прогнала.

А нищий знай себе тихонько посмеивается.

— Хорошо,— говорит,— я согласен освободить тебя. Но только вот мое условие: устройте наперед веселый пир и созовите всю свою родню, и ближнюю и дальнюю.

Много времени не прошло, собрались родичи старосты в парадном покое для гостей.

Увидел паломник, что все в сборе, и неторопливо подошел к чану с водой, где сидела хозяйка, плача и охая.

Вынул он из рукава зеленую бамбуковую палочку. Светилась-сверкала она ярким огнем. Взмахнул паломник бамбуковой палочкой и прочитал заклинание. В тот же миг жена старосты отлепилась от чана. Обрадовалась она, наспех нарядилась и побежала к гостям.

Еще веселее стали гости пировать, пили вино, пели песни и шумели, а о паломнике и думать забыли. Даже не поблагодарили его.

Вдруг он словно из-под земли вырос посреди парадного покоя и крикнул громовым голосом:

— Обратитесь в обезьян! Обратитесь в обезьян!

Ударил он раз-другой об пол бамбуковой палочкой, и тотчас же все бывшие там обратились в красно-рожих обезьян. Запрыгали они, заверещали.

Снова взмахнул паломник зеленой бамбуковой палочкой и повелел:

— Бегите в горы! Бегите в горы!

Только он это вымолвил, как обезьяны пустились наутек во главе со своим вожаком — бывшим старостой и пропали в темной глубине гор. Только их и видели.

Стало в просторном доме тихо-тихо.

О-Коно в страхе забилась в самый дальний угол кухни, дохнуть боится. Ласково окликнул ее паломник и велел привести старика со старухой. Сбегала девушка домой и привела отца с матерью за руки.

Сказал им чародей на прощанье:

— У кого сердце шерстью обросло, тому лучше стать обезьяной. Отныне живите в этом доме. Староста сюда больше не вернется.

И вдруг он исчез быстрее ветра.

Скоро девушка нашла себе хорошего жениха и зажила вместе со своими родителями в радости и довольстве.

ВОЛШЕБНАЯ КОЛОТУШКА

В старину, далекую старину, жил в одной деревне молодой крестьянин по имени Дзинсирó, а по прозвищу Репоед. Он был до того беден, что питался одной только репой. Ни одна девушка не шла за него по своей воле. Вот и сговорились его приятели-односельчане хитростью добыть для него невесту.

Однажды утром прошли они длинной вереницей с корзинами в руках мимо дома одного богача.

Удивился богач, увидев такое множество людей, и спросил:

— Куда это вы идете с корзинами?

Юноши отвечали хором:

— Собирать дикие груши для Репоеда Дзинсиро, собирать гру-у-уши.

Другой раз прошли они толпою мимо дома богача с мотыгами в руках. Богач вышел на улицу и начал их расспрашивать, куда идут и зачем.

Юноши дружно отвечали:

— Вспахивать поля Репоеда Дзинсиро, вскапывать по-о-ля.

«Репоед Дзинсиро? Никогда не слышал я такого имени,— подумал богач,— но, верно, он не последний в наших краях человек, если столько работников возделывают для него поля и собирают дикие груши. Вот было бы хорошо, если бы он присватался к моей дочери».

Вскоре после того пожаловал к богачу сват от имени Дзинсиро. Обрадовался богач, что Репоед Дзинсиро хочет жениться на его дочери, и сразу согласился.

Отправил он свою дочь в богатом паланкине к жениху и в придачу послал много дорогих шелков и разной ценной утвари.

Вышла невеста из паланкина, глядит, а у Репоеда Дзинсиро вместо дома жалкая лачужка с камышовой крышей. Внутри, правда, убрано хорошо: новые циновки постелены, ширмы расставлены и посуды всякой много. Есть и котел, и чайник, и чашки.

Справили свадьбу как следует. Но на другое утро пришли друзья Дзинсиро и все унесли, что только в доме было: и котел, и чайник, и циновки. Ведь приятели эти вещи только на время дали, чтобы жениху не стыдно было.

Сильно огорчилась молодая жена, а самому Дзинсиро хоть бы что, только улыбается.

Захотела она на другое утро приготовить завтрак, но в доме не оказалось ни одного зернышка риса. А Репоеду и горя мало: «Мне рису не надо. Не привык я к нему».

Сварил он, как всегда, полный горшок репы и поел досыта, а молодая жена и не притронулась к еде. Что будешь делать? Достала она три свертка цветного шелка из тех, что были даны ей в приданое, и говорит мужу:

— Продай этот шелк и купи для нас рису на базаре.

Понес Дзинсиро один сверток шелка в город продавать, но по дороге хитрый торговец выманил у него этот шелк даром. Вернулся Дзинсиро с пустыми руками. И на другой день случилось то же самое.

На третий день удалось ему наконец продать шелк.

Пошел Дзинсиро на базар купить рису, но по дороге увидел, как мальчишки сокола мучают.

— Отпустите сокола, дети,— попросил Дзинсиро.

— Вот еще что выдумал! Он наш, мы его поймали. Что хотим, то с ним и делаем.

— Ну, коли не согласны даром его отпустить, то продайте.

Отдал он детям все свои деньги не торгуясь и получил в обмен сокола.

Обрадовался Дзинсиро, закричал:

Лети, сокол мой, лети!
Доброго тебе пути.
Хиккутаку,
Саккутаку,
Пи-и-роро! —

и подбросил сокола кверху. Взлетел сокол, закружился в небе и камнем упал на соседнее поле. А там как раз каппа прятался. Ухватил его сокол ког-

тями и принес к Дзинсиро. Стал каппа умолять:

— Отпусти меня на свободу, отпусти, я дам за себя несметный выкуп.

Отпустил Дзинсиро каппу на свободу. Не обманул каппа, принес из реки сокровища: волшебную колотушку и мешочек из драгоценной парчи.

Стоит постучать колотушкой, и выйдет из мешка все, что пожелаешь. Но Дзинсиро подумал: «Мешок пригодится в хозяйстве, буду держать в нем репу. А колотушка ни к чему», — да и забросил ее в траву.

Дома жена истомилась ожиданием: когда же наконец Дзинсиро принесет хоть немного рису? Увидела она, что муж опять ни зернышка риса не принес. От досады у нее в глазах потемнело.

Рассказал Дзинсиро жене все по порядку:

— Дал мне этот каппа мешок и колотушку. Мешок — вот он, погляди, а колотушку я бросил, куда нам она! Невидадь какая!

Но жена Дзинсиро недаром была из богатой семьи, сразу догадалась.

— Этот мешок — бесценное сокровище, но без колотушки не будет от него проку. Пойди поищи ее там, где бросил.

Пошел Дзинсиро искать колотушку. Шарил, шарил в траве, по счастью, нашел.

Постучала жена волшебной колотушкой и говорит:

— Лачужка, лачужка, превратись в богатые хоромы.

Не успела она досказать, как стала кособокая хижина высоким домом с черепичной кровлей. Резной конек на солнце так и сверкает.

Тогда только понял Дзинсиро, какое сокровище попало к нему в руки.

— А-а, ведь и правда, забавная колотушка! Ну-ка, дай мне, и я попробую.

Дала жена ему колотушку и научила, что надо делать.

— Ты стучи вот так и проси всего, что хочется.

Стукнул Дзинсиро колотушкой что было силы и закричал:

— Полей, полей, да побольше, не жалей!

И вдруг вылетело из мешка черное облако. Обратилось оно в тучу, засверкали молнии, хлынул ливень. В одну минуту промокли Дзинсиро с женой до костей.

Взяла жена колотушку из рук мужа, постучала снова — тук-тук — и говорит:

— Рисовых полей! Хороших, широких рисовых полей, да побольше.

Вышли тут из мешка рисовые поля, скатанные в трубку, словно ковры. Расстелились они по лугам, зазеленели всходами.

Опять жена Репоеда постучала колотушкой.

Вышло из мешка много кладовых, доверху набитых разным добром.

Стали молодые жить в довольстве. Однажды отправил Дзинсиро посланного к тестю с тещей, чтобы пригласить их к себе на новоселье. Пришли богач с женой и онемели от удивления. Какая богатая утварь! Какое богатство! Подали им такое роскошное угощение, какого они в жизни не пробовали. Когда кончился пир, Дзинсиро побросал в реку и стол, и лакированные чашки. Уплыли они вниз по течению, а вместо них появились новые, еще лучше.

Рано-рано на другое утро тесть с тещей стали собираться в дорогу.

Дочка им говорит:

— На дворе еще темно. Как бы вы не споткнулись. Надо осветить вам дорогу, — и с этими словами подожгла свой дом. Вспыхнул он ярким пламенем и горел, как светоч, пока старики не возвратились к себе в деревню.

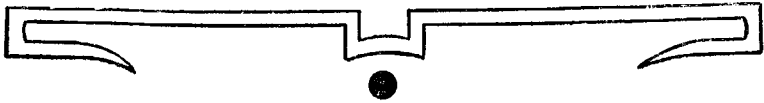

А вместо прежнего дома у молодых появился новый, куда красивее.

Решил богач, в свой черед, пригласить к себе дочку с мужем. Устроил он в их честь званый пир. Гости ели, пили, веселились, а потом богач побросал в реку и столики, и все чашки. Уплыли они вниз по течению, только их и видели.

На другое утро, с первыми лучами рассвета, стали молодые собираться в дорогу, а богач и тут решил не уступить зятю, да и поджег свой дом. Загорелся дом, как яркий костер, и сгорел до самого тла. Одно пепелище осталось. Пришлось богачу поселиться в маленькой хижине с камышовой крышей.

Пожалел стариков Дзинсиро, постучал волшебной колотушкой и построил для них новый хороший дом.

ТРИ СОКРОВИЩА

У одного крестьянина было три сына. Старший был тихого и смиренного нрава, и все в семье считали его простаком.

Говорит как-то старик отец своим сыновьям:

— Годы мои уже преклонные, пора мне назначить наследника. Все вы мне равно дороги, не хочу я никого обижать. Ступайте искать счастья на чужой стороне. Каждому из вас я дам денег, и кто через три года наполнит кладовую самым лучшим товаром, тот и будет моим наследником.

Оделил старик сыновей деньгами и отпустил на все четыре стороны.

Младшие сыновья над старшим посмеиваются:

— Что-то принесет наш простака домой!

На первом перекрестке разошлись они в разные стороны. Младшие пошли в большие города, а старший — куда глаза глядят.

Шел, шел, видит: глубокая речка, а моста через нее нет — снесло его разливом. Зеленеют за речкой луга и леса, но не служат они людям, потому что нет через речку переправы.

И подумал тогда старший брат: «Надо мост починить, чтобы земля за рекою зря не пропадала. Пусть будет людям польза!»

Стал он чинить мост и трудился так все три года. Издержал он все отцовские деньги, и осталось ему

одно: возвращаться домой с пустыми руками. «Вот, думает, посмеются надо мной братья!» Но делать нечего. Лег он спать в последний раз на берегу реки. И тут во сне явился ему седобородый старец.

— Хорошо ты послужил людям, — сказал старец. — А вот о себе позабыл. Но не останется твой труд без награды. Вот тебе удочка. Стань завтра на мосту и три раза забрось ее в реку. Первый раз поймешь кошелек. Не простой это кошелек. Стоит его потряхнуть — и посыплются золотые монеты. Второй раз поймешь волшебный кувшинчик. Наклонишь его — и польется вино неисся-

каемой струей. Третий раз поймешь метелку. На вид она проста, но есть у нее чудесное свойство. Сделана она из веток дерева, растущего на луне *. От каждого удара этой метелкой старики молодеют. Только помни: два-три раза ударь, не больше.

Наутро проснулся старший брат и думает: «Что за странный сон мне приснился! Привидится же такое!»

Смотрит, а рядом и вправду удочка лежит. Понял тогда старший брат, что приснился ему вещий сон. Стал он на мосту и закинул удочку в реку. Дрогнула удочка, словно рыба клюет. Выхватил он леску из воды, а на крючке кошелек висит. Открыл его, встряхнул — золотые монеты посыпались. Забросил он удочку во второй раз и поймал кувшинчик. Льется из кувшинчика небывало вкусное вино, — никогда не доводилось ему пробовать такого.

Только стал забрасывать удочку в третий раз, а метелка уже по волнам плывет. Завязал он три сокровища в платок, надел узелок на палку и поспешил домой.

Видит: по дороге младшие братья едут, и с каждым три веза добра. Подняли его братья на смех:

— Смотрите, наш простак один тощий узелок

несет! Так мы и думали! За три года ничего не на-
торговал. Зря прожил отцовские деньги!

Молчит старший брат, только улыбается. Поехали
братья вперед, а он следом за ними бредет по дороге.

Старик радостно встретил сыновей. Он уже при-
готовил каждому по кладовой. Все родичи и односель-
чане сошлись посмотреть, чем же наполнят кладовые
сыновья старика.

Открыли дверь первой кладовой, а она доверху
полна отборного риса.

— Вот это хорошо! — говорит отец среднему
сыну. — Рис для крестьянина — первое дело.

Открыли дверь второй кладовой, а она вся набита
свертками шелка.

— Молодец! — говорит отец младшему сыну. —
Большое богатство нажил.

А третью кладовую он и смотреть не стал, повернул
сразу к дому.

— Что же, отец! — воскликнул старший сын. —
В мою кладовую даже заглянуть не хочешь?

— А зачем в нее заглядывать? — отвечает отец. —
Только перед гостями срамиться. Ты ведь с одним
узелком пришел!

— Не обижай меня! Разве я тебе не такой же сын,
как другие?

Делать нечего. Нехотя отпер старик дверь третьей
кладовой. И вдруг оттуда рекой хлынули золотые
монеты. Все даже зажмурились — так ярко они све-
ркали.

Смотрят гости, и от удивления никто слова вы-
молвить не может. Тут старший сын говорит им:

— Берите все по горсти золота, прошу вас, не
стесняйтесь! Там еще много останется! А после
пойдемте к нам пировать!

Сели гости пировать. Старший сын налил всем
чудесного вина, и — пошло веселье!

— Все хорошо, одно только жаль! — сетует
отец. — Уж очень я стар! Не то сплясал бы на радо-
стях!

— Сейчас я помогу тебе найти твои молодые
ноги, — сказал старший сын и ударил раз-другой
старика по спине метелкой.

— Что ты делаешь, непочтительный сын! — уди-
вились гости. Только смотрят: старик отец из седого

стал черноволосым бодрым мужчиной — больше тридцати лет никак не дашь! Вскочил он и заплясал. Тут все старики и старухи давай просить, чтобы их тоже метелкой постегали. Дряхлая бабушка и та помолодела. Вслух она поблагодарила, но про себя ворчала:

— Пожалел внучек метлы! Мог бы сделать меня и еще помоложе, чтобы выглядела я лет на двадцать, или, того лучше, на семнадцать.

Все пустились в пляс, только бабушка не стала плясать, куда-то исчезла. Наконец хватились ее, начали искать; глядь, а от метлы одни изломанные прутья остались! Лежит рядом на полу пустой бабушкин халат, а в одном его широком рукаве барахтается грудной младенец, плачем заливается.

Делать нечего, пришлось внукам нанять собственную бабушку. А метла так и пропала. Вот почему теперь старики больше не молодеют.

КРАСАВИЦА НА ПОРТРЕТЕ

Много лет тому назад жил в одной деревне человек недалекого ума по имени Гомбэй. Исполнилось ему тридцать лет, перевалило за сорок, а он все еще в холостых ходил. Девушки только подсмеивались над его простотой.

Вдруг однажды под вечер пришла в его кривую лачужку незнакомая красавица и просит:

— Будь милостив, приюти меня под твоей крышей хоть на одну ночь.

Изумился Гомбэй, но охотно принял гостью. Сели они ужинать, а как поужинали, девушка просит снова:

— Вижу я, живешь ты один. И я одинока. Возьми меня в жены.

Обомлел от счастья Гомбэй.

С той самой поры он так полюбил свою молодую жену, что никакая работа у него больше не ладилась. Начнет плести соломенные сандалии, а сам с жены глаз не сводит. Плетет-плетет и не заметит, что вышли они у него величиной с корыто, обувь нельзя. Станет мастерить соломенный плащ, а сам все на жену глядит. И выйдет у него плащ, как на великана, надеть нельзя.

Пойдет Гомбэй работать в поле — и тут у него работа не спорится. Ударит мотыгой раз, ударит другой — и бежит поглядеть на жену. Вскопает одну борозду — и скорей домой: «Жена, где ты?» Наглядится на нее вдосталь и снова берется за мотыгу.

Увидела красавица, что не идет у Гомбэя дело. Отправилась она в город и заказала художнику свой портрет.

— Смотри, как похоже,— сказала она мужу.— Повесь этот портрет возле поля на ветке шелковичного дерева и любуйся сколько душе угодно.

Перестал Гомбэй то и дело прибегать со поля домой. Взглянет на портрет, а лицо жены улыбается на нем как живое. Налюбуется Гомбэй — и снова за мотыгу. Так до вечера и трудится.

Но вот однажды налетел сильный ветер, сорвал портрет с ветки и унес в самые небеса. Плача, воротился Гомбэй домой и рассказал жене о своем горе.

Жена стала его утешать:

— Не печалься! Я велю художнику сделать другой портрет, еще лучше прежнего.

Долго портрет кружился в небе, как сухой листок, и наконец упал на землю в саду князя. Увидел князь красавицу на портрете и захотел во что бы то ни стало добыть ее себе в жены.

— Есть, значит, на свете такая красавица, раз с нее портрет нарисован.

И приказал своим кэраям:

— Разыщите ее непременно! И приведите ко мне во дворец волей или неволей.

Стали княжеские кэраи рыскать по соседним деревням и всем встречным портрет показывать:

— Не видали ли вы такой женщины?

В одной деревне говорят: «Не видели», в другой отвечают: «Не знаем!»

Наконец дошли кэраи до того селения, где жил Гомбэй.

Посмотрели на портрет крестьяне и сразу признали:

— А-а, да ведь это хозяйшка Гомбэй-дона¹. Она самая!

Пошли кэраи к нему в лачужку. Смотрят, а там красавица, точь-в-точь такая, как на портрете.

— По княжескому повелению мы должны отвести во дворец эту женщину,— сказали кэраи.

Начал их молить Гомбэй:

— Сжальтесь! Помилосердствуйте!

Но они и слушать его не стали. Потасили жену из дому силой. Гомбэй так плакал, что слезы у него

¹ Д о н — вежливая приставка к имени (в крестьянской речи).

ручьями текли. Жена его тоже плакала, но, покидая дом, успела шепнуть мужу:

— Не отчаивайся! Как только наступит канун Нового года, приходи под вечер к княжескому замку продавать ветки новогодних сосен. Я найду случай с тобой повидаться.

Остался Гомбэй снова один и начал дни считать: скоро ли старый год к концу придет?

Наконец наступил долгожданный канун Нового года. Взвалил Гомбэй себе на спину столько сосновых веток, сколько мог унести, и направился к замку. Стал он прохаживаться перед замком, громко выкрикивая:

— Новогодние сосны! Новогодние со-осны!

А жена Гомбэя, с тех пор как попала во дворец, ни разу не улыбнулась. Уж и так старался князь развесе-

лить ее, и этак — ничто не помогало. Напрасно старались шуты, плясуны и музыканты.

Как только услышала красавица голос Гомбэя, так и просияла радостной улыбкой.

Несказанно обрадовался князь.

— Ну, если тебе так нравятся торговцы соснами, — воскликнул он, — я сам буду сосны продавать.

Вышел князь за ворота и надел на себя жалкие лохмотья Гомбэя, а Гомбэй облачился в княжеский наряд. Случилось так, что лицом был он похож на князя, как родной брат.

Ходит князь вокруг замка да кричит:

— Новогодние со-осны! Новогодние со-осны!

А красавица велела слугам:

— Впустите в ворота вашего господина и закройте их накрепко. Никому больше не отворяйте!

Вошел Гомбэй в ворота дворца, а навстречу ему жена бежит! Счастье их никакими словами не описать.

Ходил князь, ходил, кричал-кричал, пока не надоело. Вернулся он к воротам. Глядит: железные воротанаглухозаперты. Начал он стучать изо всех сил:

— Эй, разини, не видите, что ли? Ваш князь за воротами стоит!

Отвечают ему стражники:

— Проваливай отсюда, полоумный бродяга, пока голову тебе не снесли. Наш князь там, где ему быть надлежит, у себя в покоях.

Как ни уверял князь, как ни спорил — никто ему не поверил. Так и не впустили в замок.

Пришлось князю всю жизнь по большим дорогам скитаться.

Гомбэй остался со своей красавицей женой в княжеском замке, и всю жизнь прожили они дружно и счастливо.

**ВЕЧЕР
ПЯТЫЙ**

ПОДАРОК ДЕВЫ ОЗЕРА

Давным-давно, когда нынешний город Тонó был еще деревней, жил в тех местах крестьянин по имени Магосирó. Был он трудолюбив, работал не покладая рук, а все не выходил из горькой бедности. Вдобавок жена досталась ему бранчливая да сварливая. Недаром говорят: злая жена все равно что сто лет неурожая. В доме от нее житья не было, целый день ворчала она и бранилась.

Одна была радость у Магосиро: косить траву на склоне горы Мономи. Бывало, еще только заря на небе разгорается, а он уже накосит столько, что иному и к вечеру не успеть. Значит, и отдохнуть можно. Положит Магосиро косу и любуется, как солнце над дальней горой восходит. За весь день не выпадало ему другой такой счастливой минуты.

Как-то раз косил Магосиро траву на берегу горного озера. Вдруг словно бы кто-то его позвал:
— Магосиро-доно! Магосиро-доно! ¹

Поглядел он вокруг: никого! «Верно, померещилось»,— решил он и снова начал махать косой.

Но тут окликнули его второй раз:

— Магосиро-доно! Магосиро-доно!

Распрявил он спину и посмотрел в ту сторону, откуда слышался зов. Что за чудо! Только что здесь

¹ Д о н о — вежливая приставка к имени.

ни души не было, а теперь откуда ни возьмись явилась на берегу озера молодая девушка. Магосиро такие красавицы и во сне не снились!

Девушка, ласково улыбаясь, поманила его рукой. И вдруг Магосиро почувствовал, что ноги сами несут его к озеру. «Ах, пропал я! Засосет меня озерная топь!» — в страхе подумал он, но не мог противиться невидимой силе. Шаг за шагом шел он к берегу, точно тянул его кто-то, и остановился перед девушкой.

Склонилась она перед ним в вежливом поклоне и повела такую речь:

— Магосиро-доно, у меня к тебе большая просьба. Слышала я, что твои односельчане собираются в скором времени идти на поклонение к храму Исэ*. Пойдешь ли ты с ними?

При этих словах у Магосиро отлегло от сердца.

— Где уж мне, бедняку, откуда у меня деньги, — ответил он.

— Об этом не заботься, будут у тебя деньги. Только обещай мне исполнить одну мою просьбу.

И девушка грустно поникла головой.

— Сказать по правде, я — водяная дева, живу на дне этого озера. Тоскливо мне, одиноко... Еще в раннем детстве была я разлучена с моей любимой старшей сестрою. Живет она в озере Ко, далеко отсюда, возле горда Осака. Давно нет у меня от нее вестей, и я тревожусь, как она, что с ней. Очень бы мне хотелось, чтоб ты отнес ей письмо от меня, как пойдешь на поклонение в Исэ. Прошу тебя, не откажи мне...

Добрый Магосиро готов был исполнить просьбу девушки, не спрашивая с нее никакой награды.

— Что ж, пожалуй, отнесу письмо. Вот только отпустит ли жена... Она у меня несговорчивая.

— Отпросись у нее и пойдти непременно. Вся моя надежда — на доброту твою.

Девушка достала из-за пазухи письмо и кошелек.

— Вот тебе чудесный кошелек. В нем ровно сто монов. Потратишь все монеты, кроме последней, а к утру кошелек опять станет полон. Кошелек будет верно служить тебе, пока ты не вернешься домой. Не забудь же, последнюю монету тратить нельзя.

Потом водяная дева рассказала, как найти озеро Ко и какой знак надо подать возле озера.

— Прощай же, доброго пути! Но остерегись рас-

сказывать кому-нибудь о том, что здесь видел и слышал.

С этими словами дева озера вдруг пропала из глаз, словно никогда ее и не было. Только легкие круги побежали по воде и тихо заколебались на волнах белые утренние облака. Магосиро протер глаза, словно от сна очнулся.

Кругом было пустынно, лишь две вороны с громким карканьем пролетели по небу. Но ведь в руках у него остались письмо и кошелек, — значит, это был не сон!

Постоял-постоял Магосиро, постоял, но ведь пора и за работу браться. Неласково встретит его жена, если он запоздает. И Магосиро поспешно схватил косу в руки.

Вскоре люди из его деревни собрались большой компанией идти на поклонение к храмам Исэ.

Захотел и Магосиро пойти с ними. Услышала об этом жена и давай кричать:

— Не дам тебе гроша медного! Дохни в дороге с голоду.

Долго Магосиро уговаривал жену, и так и этак, насилиу упросил отпустить его. Само собой, он не сказал жене, что дева озера дала ему чудесный кошелек.

Не пришлось Магосиро заботиться в пути о деньгах. Потратит все монеты, кроме одной — последней, а к утру кошелек опять полон. Но Магосиро не только о себе думал. Многим путникам помог он в нужде, на каждом привале кормил голодных.

Посетил Магосиро вместе со своими односельчанами храмы в Исэ, побывал с ними и в городе Осака, а уж оттуда пошел один к озеру Ко. Лежит оно к северо-западу от Осака, у подножия горы Нагано.

С давних пор ходили об этом озере страшные рассказы, живет-де в нем нечисть, и местные люди очень его боялись.

Магосиро смело подошел к самому берегу и три раза громко хлопнул в ладоши, как водяная дева его учила.

Вдруг в глубине озера что-то засверкало, и к берегу побежала золотая полоса. Разбилась она в золотые брызги, и очутилась перед Магосиро молодая девушка дивной красоты.

Читает девушка письмо, радостными слезами заливаясь:

— О, какое счастье! Благодаря тебе я получила весть от своей младшей сестры, с которой так давно разлучена. Не согласишься ли ты отнести ей мое ответное письмо? Как она была бы рада!

Магосиро кивнул головой в знак согласия.

— Тогда подожди немного,— сказала девушка и исчезла в волнах. Когда же она вновь вышла на берег, вслед за нею из глубины озера поднялось белое облако и побежало к берегу. Вдруг из воды с громким плеском выплыл конь, белый как снег.

Девушка вручила Магосиро ответное письмо.

— Прощу тебя, передай его моей сестре! Из-за меня ты отстал от своих односельчан, но на этом коне ты быстро их нагонишь. Только не открывай глаз, пока конь не остановится.

Магосиро вскочил на коня, крепко ухватился за гриву и зажмурился. Конь громко заржал, сделал два-три скачка и вдруг птицею взвился в воздух. Магосиро чувствовал, что они летят высоко-высоко в небе, только ветер в ушах свистит.

Наконец копыта громко застучали по земле, и конь стал как вкопанный. Магосиро открыл глаза. Перед ним был чайный домик на каком-то горном перевале.

На шум из чайного домика выбежали люди. Это были дорожные товарищи Магосиро. Они забросали его вопросами:

— Как ты сюда попал? Откуда ты? Словно с неба свалился...

Удивился и хозяин чайного домика:

— И правда, откуда ты? В той стороне лежат непроходимые горы. Нет через них пути. Как же ты один мог пройти там, где человеческая нога не ступала?

Магосиро словно во сне бормотал что-то невнятное... Так и не добились от него толку.

Вернувшись в свою деревню, он на другое же утро первым делом поспешил к озеру возле горы Мономи и три раза громко хлопнул в ладоши.

Заходили по озеру волны, засверкала золотая пена, видит Магосиро: на берегу прекрасная девушка стоит.

Поблагодарил Магосиро деву озера и передал ей письмо от сестры. Сильно обрадовалась водяная дева и в награду подарила Магосиро маленькую каменную мельницу. Но при этом сказала:

— Каждый день клади в эту мельницу одно рисовое зернышко. Повернешь один раз жернов, и зернышко станет золотым. Но смотри не сыпь в ступку много рисовых зерен зараз и не поворачивай жернов два раза в один и тот же день.

Магосиро поставил чудесную мельницу на божницу. Каждый день мельница дарила ему одно золотое зернышко. Понемногу он стал богатеть.

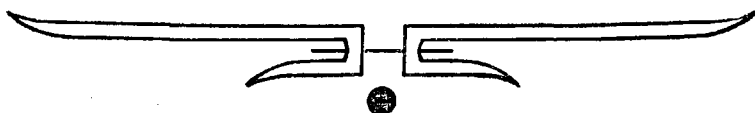
Но злой жене все было мало. Известно, неблагодарный человек — что дырявое ведро.

— Подумаешь, одно зернышко! Не умеет дурак намолоть побольше... погоди же, я сама возьмусь за дело! — ворчала она.

Однажды, когда Магосиро ушел из дому, жена всыпала в мельницу целую миску рисовых зерен и давай вертеть жернов, только грохот пошел!

Вдруг мельница скатилась с божницы — и за дверь! Напрасно гналась за ней жена. Мельница быстро-быстро катилась с горки на горку и — плюх! — нырнула в озеро, только круги пошли.

Так и пропала...

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РИСОВАЛ КОШЕК

Жил в старину мальчик, который больше всего на свете любил рисовать кошек. Целыми днями не выпускал он кисти из рук. Как ни бранили его родители, а он все свое. Нарисует одну кошку и начнет рисовать другую.

Рассердились наконец родители, так рассердились, что лишили его наследства и выгнали вон из дому. Взял с собой мальчик тот рисунок кошки, который ему больше всех удался, и пошел куда глаза глядят.

Вот шел он, шел, и начало смеркаться. Увидел перед собой мальчик сельский храм и подумал, что не худо бы попроситься туда на ночлег... Постучался он в ворота, да только никто ему не откликнулся.

«Верно, это заброшенный храм», — подумал мальчик и стал спрашивать про него людей в соседней деревне. А те отвечают:

— Кто останется ночевать в этом храме, до утра не доживет. Проклятое место. Поселились в нем оборотни.

Но мальчик был упрямого нрава. Лег он спать в пустом храме.

В середине ночи вдруг что-то зашуршало, зашуршало... Послышались возня и писк. Но потом все утихло. Забелело утро, встал мальчик, и что же он увидел? Лежит на полу мертвой огромная крыса с не-

сколькими хвостами. Кто-то загрыз ее насмерть. Поглядел он на свой любимый рисунок, — а у кошки мордочка кровью выпачкана.

«Значит, она и убила крысуборотня», — подумал мальчик.

Немного позже пришли в храм люди. Толкуют между собой:

— Верно, этого мальчика уж и в живых нет... Жаль его, беднягу!

Только смотрят: он здоров и весел, как ни в чем не бывало, а в углу храма страшная крыса валяется с множеством хвостов. Стали крестьяне хвалить мальчика:

— Вот молодец! Герой! Какое чудовище убил!

Говорит им мальчик на это:

— Один я на свете. Отказались от меня мои родители. Позвольте мне поселиться в этом храме. Мне больше некуда идти.

Обрадовались крестьяне, ведь никто в нем жить не хотел, все боялись нечистой силы.

Так мальчик стал настоятелем храма Умпэндзи. Понемногу выучился он читать сутры. Как-то раз положил он свой рисунок кошки перед статуей Будды, а сам читает молитвы. Вдруг кошка зашевелилась, сошла с рисунка и стала настоящей кошкой. Стали они жить в храме вдвоем.

Уйдет настоятель к кому-нибудь из прихожан, а кошка храм сторожит и хлопчет по хозяйству. Вернется он, а к его приходу все готово, и чайник на огне.

Шли годы. Настоятель уже стал немолод, а кошка совсем постарела.

Забросили прихожане храм Умпэндзи, перешли к священнику другого храма. Был он хитер и речист и убедил их в своей святости.

Дошло до того, что старику настоятелю и его кошке порой есть было нечего. Худое настало у них житье.

Однажды настоятель вдруг заметил, что у кошки вместо одного хвоста сделалось несколько. Распушила она свои хвосты и подметает ими храм, словно метлой.

— Неужели моя кошка превратилась в чудовище! — огорчился настоятель.

— Не печалься, дедушка! — отвечает кошка. — Стала я от старости оборотнем и уйду доживать свой век в горы. Но раньше я хочу помочь тебе. Вот послушай! Через три дня в доме того богача, что живет у подножья горы, будут похороны. А я обращусь в огненную колесницу ада* и сделаю вид, что хочу унести покойника. Ты ударь своими четками по гробу, и колесница тотчас исчезнет.

Настоятель кивнул в знак согласия, и кошка ушла из храма неведомо куда.

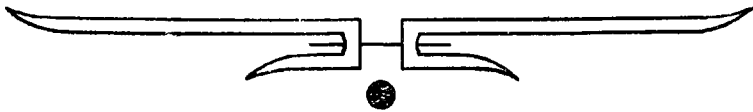
Через три дня пошел настоятель в деревню, что стояла у подножья горы. Собралось там множество народу по случаю похорон одного из родственников местного богача. Приглашен был и настоятель из другого храма. Но когда понесли гроб на кладбище, вдруг на небе показалась черная грозовая туча и потоками хлынул дождь. Засверкали молнии, спустилась с неба страшная огненная колесница, летит прямо к гробу, чтобы унести покойника в ад. Священник из другого храма только трясся от ужаса. Все бывшие там люди вопили и горевали, не зная, что делать.

Но настоятель храма Умпэндзи подумал: «Это все проделки моей верной кошки!» Смело подошел он к гробу и ударил по нему раз-другой четками.

И вдруг дождь кончился, небо прояснилось, и огненная колесница исчезла. Смотрят, а покойник по-прежнему мирно лежит в гробе.

Все изумились. Велика святость настоятеля из храма Умпэндзи, если ему покорны силы ада!

Все перепуганные грешники бросились за помощью к старому настоятелю, и у него снова стало много прихожан.

СЧАСТЛИВАЯ СОЛОМИНКА

В старину, в далекую старину, жил один бедный юноша. За что он ни брался, во всем терпел неудачу.

Пошел он помолиться богине Кáннон* в тот ее храм, что находится в селенье Хасэ провинции Ямато.

С утра до вечера и с вечера до самого утра просил он богиню: «Помоги мне, сжался надо мною, пошли мне счастье в жизни!»

Много ночей провел он в храме, но богиня ни разу не явилась ему во сне и не подала никакого знака.

Но юноша все не уходил. Кончилась у него еда, вышли все деньги. Приметили монахи, что он ничего не ест, и стали между собой совещаться: «Нехорошая слава про нас пойдет, если мы дадим человеку умереть на наших глазах. И храм будет осквернен». Начали они кормить юношу. Так прошло еще много дней.

Однажды на рассвете юноша вдруг увидел желанный сон. Из глубины святилища вышла сама богиня и сказала ему:

— Долго ли ты будешь, упрямец, докучать мне неотступными просьбами? Все вы, люди, одинаковы: просите себе готовое легкое счастье не по заслугам. Ты много грешил в своей прежней жизни, за это и терпишь. Напрасны все твои моления. Но мне жаль тебя. Одно, самое маленькое счастье я все же вправе тебе послать. Упустишь его, пеняй на себя. Помни же:

первая вещь, что тебе в руки попадет, когда ты выйдешь утром из храма, это и есть твое счастье. Другого не будет.

Проснулся юноша и опрометью бросился из храма. Не терпится ему добыть свое счастье. Но впопыхах споткнулся он о камень у ворот и упал лицом в пыль. Встал юноша с земли и вдруг видит, что невзначай зажал в руке соломинку. Так вот он, дар богини Каннон! Сжалось сердце у юноши, но нравом был он упрям и соломинку все же не бросил.

Подумал юноша, подумал и пошел в столицу*. День стоял весенний, теплый. Откуда ни возьмись прилетел шмель, бьется над самой головой юноши. Чтобы как-нибудь рассеять свое горе, поймал он шмеля и привязал травинкой к соломинке. Гудит и бьется шмель, а юноша с соломинкой в руках идет себе дальше.

Вдруг попалась ему навстречу богатая повозка, запряженная быком, а вокруг нее скачут конные слуги. Это ехала на богомолье знатная госпожа со своим маленьким сыном.

Соскучился мальчик и выглянул из-за занавесок. Заметил он шмеля на соломинке и поднял крик:

— А-а, хочу вон это, дайте, дайте, дайте!

Тут один из конных слуг подскочил к юноше и говорит:

— Нашему молодому господину понравилась твоя соломинка. Не подаришь ли ему на забаву?

— Соломинка моя не простая, ее послала мне в дар сама богиня Каннон, — отвечает юноша. — Но не могу я отказать ребенку. Возьмите ее.

Услышала эти слова госпожа.

— Спасибо тебе, — говорит. — Но чем мне тебя отблагодарить? Вот разве что у тебя, может, в горле пересохло от пыли, так на, возьми.

Завернула она в белую бумагу три апельсина и подала юноше. «Что ж, — думает он, — для начала неплохо. Много времени не прошло, а уж одна-единственная соломинка обратилась в три апельсина».

Пошел юноша дальше по дороге, а солнце поднимается все выше и выше. Вдруг видит он: лежит у обочины молодая женщина. Возле нее растерянно слуги суетятся:

— Вот ведь беда какая. Захотелось нашей госпоже пить, вконец сомлела. Эй, прохожий! Нет ли тут где-нибудь поблизости воды?

— Как не быть, есть и колодец и ручей, но до них еще далеко. Лучше возьмите эти три апельсина, пусть ваша госпожа освежится. Может, ей и полегчает.

Выжали слуги сок из апельсинов и напоили женщину. Опомнилась она и говорит:

— Великое тебе спасибо. Если б не ты, пришлось бы мне, верно, умереть на большой дороге. Вот возьми это в знак благодарности. Невелик подарок, но другого у меня ничего нет под рукой.

Достала она из дорожного узла три свертка полотна и отдала юноше.

Заткнул он свертки за пояс и пошел дальше, радостный. Начало смеркаться. Вдруг скачет ему навстречу самурай на великолепном коне, а сзади слуга трусит на лошадке.

«Эх, бывают же на свете такие красавцы-кони!» — подумал юноша. Поравнялся с ним самурай, и в тот же миг могучий конь упал, как сраженный молнией.

Сильно огорчился самурай. Пересел он на лошадь слуги, а ему велел остаться и присмотреть за конем. Скрылся господин вдалеке, а слуга присел на корточки возле коня и рассуждает сам с собой: «Беда какая! Не выдержал он дальнего пути... Продать, что ли, шкуру хоть за бесценок».

Тут подошел к нему юноша.

— Есть у меня с собой сверток хорошего полотна. Хочешь, возьми, ведь все лучше, чем ничего.

Взял слуга полотно и пустился догонять своего господина.

Обрадовался юноша: «Вот и день еще не кончился, а соломинка уже обратилась в великолепного коня. Теперь я верю в свое счастье! Конь непременно оживет».

И правда, конь приоткрыл мутные глаза и шевельнулся. Смочил юноша ему голову водой и потянул за уздечку. Поднялся конь на ноги, дрожа всем телом.

«Увидят меня с таким конем, — подумал юноша, — еще скажут, что украл». Завел он коня в чащу леса и привязал к дереву, а сам сбегал в соседнюю деревню и выменял остальные две штуки полотна на овес и сено да на самую плохонькую конскую сбрую.

Три дня ухаживал юноша за конем, пока тот не оправился от болезни, а потом сел на него тайком и ускакал под покровом ночи.

Рано утром на другой день приехал юноша в столицу. Увидел он, что возле одного большого дома в предместье идут дорожные сборы. Люди вьюки увязывают, зовут друг друга, суетятся. Видно, кто-то всей семьей отправляется в дальний путь.

Остановил юноша своего коня у ворот:

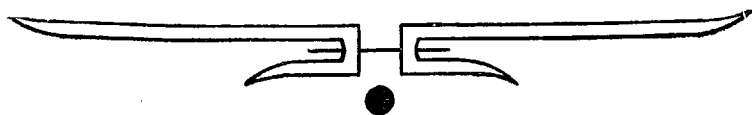
— Эй, хозяева! Не купите ли у меня мою лошадку?

Вышел тут из дома хозяин и воскликнул:

— Ах, что за конь! Что за красавец! Купил бы я его, да денег у меня в обрез. Но, если хочешь, возьми в промен рисовое поле да в придачу можешь жить в моем доме, пока я не вернусь. Он у меня пустым остался... А если что со мной случится в дороге, дом будет твой.

Так и порешили. В тот же день уехал хозяин вместе со всей семьей в далекие края на Восток.

Прошел год, и другой, и третий. Не вернулся хозяин с чужбины. Достались юноше и дом и поле. С тех пор зажил он хорошо, усердно обрабатывая землю. А когда состарился, то не раз говорил внукам: «Тому, кто верит в свое счастье, и простая соломинка поможет».

СТРАНА ОДНОГЛАЗЫХ

В старину один человек искал легкого заработка. Одно дело казалось ему слишком трудным, другое — малоприбыльным. Наконец услышал он, что есть на свете остров, где живут одноглазые люди.

«Вот поймать бы одноглазого человека — и показывать его за деньги! Каждый зритель будет платить мне по медной монете. Это получше, чем ходить с обезьяной. Большие деньги зашибить можно!» — подумал он.

Сел этот человек в лодку и пустился в море искать страну одноглазых людей.

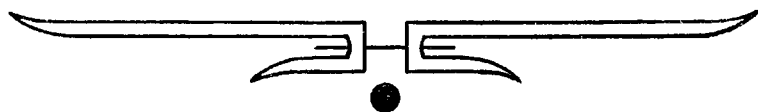
Долго странствовал он и много испытал приключений, пока не причалил к какому-то неведомому острову.

Вышел ему навстречу из чащи леса человек диковинного вида. Во лбу у него был только один глаз.

Обрадовался странник. «Сейчас, — думает он, — заману этого уroda к себе в лодку». А одноглазый кричит:

— Люди! Люди! Сюда, скорее! К нам приплыло из-за моря невиданное страшилище: двуглазый человек!

Сбежались на крик одноглазые люди, схватили двуглазого путника. Подивились на него и стали возить по всей своей стране и показывать за деньги. И каждый зритель охотно платил по серебряной монете.

ЗАМОК ПОВЕЛИТЕЛЯ МУРАВЬЕВ

В старину это было, в далекую старину.

Один человек торговал рыбой вразнос. Как-то раз полил сильный дождь. Вдруг разносчик заметил, что одного муравья вот-вот унесет потоком воды. Держится он лапками за сосновую иглу, а гибель подступает к нему все ближе.

У разносчика сердце было доброе:

— Эх ты, бедняга, жаль мне тебя!

Протянул он муравью конец своего коромысла и вызволил его из беды.

На другой день опять идет разносчик этой же дорогой. Вдруг откуда ни возьмись вырос перед ним человек огромного роста и говорит:

— Вчера ты спас муравья. Великое тебе спасибо! Мы хотим тебя отблагодарить. Следуй за мной!

— А куда идти-то?

— Я покажу тебе дорогу.

Пошел великан вперед и вдруг остановился перед крошечной дыркой в земле. Показал он на нее рукой:

— Полезай туда!

Разносчик так и оторопел.

— Куда, в эту махонькую дырку? Да как же в нее влезть?

— А ты зажмурь глаза покрепче, остальное — не твоя забота.

Послушался разносчик, зажмурил глаза. А когда открыл их, то показалось ему, что он в райском саду.

Цветут кругом цветы всех четырех времен года, красные, белые, желтые, лиловые... Над цветами пестрые бабочки летают невиданной красоты. В воздухе разлит сладкий аромат. А поодаль сверкает сквозь легкое покрывало весенней дымки великолепный замок. Замер невольно на месте разносчик и спрашивает:

— Чей это замок?

— Я тебя провожу туда,— ответил великан.— Это замок Повелителя муравьев.

В тот же миг очутились они в замке. Ласково принял разносчика Повелитель муравьев. Гостю подали роскошные яства, а девушки-муравьи позабавили его веселыми плясками.

— Возьми эти дары в благодарность за спасение моего края,— молвил Повелитель муравьев разносчику и подарил ему великолепный наряд из шелка.

— Стоит только махнуть рукавом этого халата — и получишь все, что пожелаешь. Но смотри никому его не показывай, не то лишится он своей чудесной силы.

С той поры уже не надо было разносчику торговать рыбой. Стоило только махнуть рукавом чудесного халата и пожелать чего-нибудь, как все вдруг появлялось: и деньги, и платье, и вкусная еда. Богато зажил разносчик в новом прекрасном доме.

Как-то раз, когда муж из дому ушел, стала жена разносчика прибираться в чулане и заметила какой-то ларец. Откуда только он взялся? Открыла она его, а в нем нарядный узорчатый халат. Взяла жену ревность.

«Уж наверно,— думает она,— принес муж этот наряд из какого-нибудь дурного дома, вот и прячет от меня. Ну погоди же, я проучу тебя! Узнаешь, как ходить к продажным красоткам!»

Бросила она драгоценный наряд в очаг. Но вдруг пламя ярко вспыхнуло и расстелилось по полу, как циновка. Все сразу занялось, запылало и сгорело дотла: новый хороший дом, одежда и утварь.

Вернулся разносчик, а вместо дома — пепелище. Стоит жена возле дымящихся углей и горько плачет:

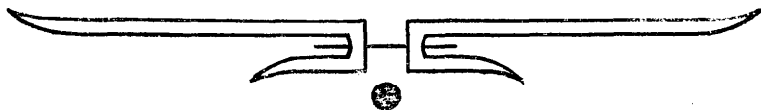
— Большую беду натворила я, муж мой. Нечаянно, сама не знаю как, сожгла весь дом.

— Как, неужели все сгорело дотла? Но хоть ларчик успела ты вынести из огня? Тот, что стоял в углу чулана?

— Нет, он сгорел самым первым.

Разносчик только вздохнул:

— Ну тогда все пропало! Не взмахнешь рукавом, которого нет.

ПОЛОТНО, ВЫБЕЛЕННОЕ НА ЛУННОМ СВЕТУ

В давние годы у старосты одной деревни была дочь. Решил он выдать ее замуж за сына богача из соседней деревни. Не подумал только, по сердцу ли жених дочери.

Сыграли свадьбу. Поселился муж в доме у тестя, но стали все примечать, что молодая жена и глядеть-то не хочет на своего мужа.

В один прекрасный день пошла она к старой гадалке, что жила у самой околицы.

— Совестно мне признаться, бабушка, но выдали меня замуж за нелюбимого. Опротивел мне мой муж, так опротивел, видеть его не могу! Нельзя ли помочь беде?

Затрясла гадалка седыми космами, зажмурила глаза и быстро, невнятно забормотала себе что-то под нос. Потом уставилась на молодую жену пронзительным взглядом и говорит:

— Сотки полотно лунной ночью, выбели его лунной ночью, шей наряд лунной ночью и надень его на мужа лунной ночью.

Так и сделала молодая жена. В лунную ночь соткала она полотно, выбелила его на лунном свету и сшила наряд для своего мужа в ночь полнолуния. Был этот наряд красивый, белый-белый и прозрачный, как лунный свет.

Снова настала лунная ночь. Накинула молодая жена потихоньку белую одежду на плечи мужа.

Вышел муж на веранду и молча, печально стал смотреть на луну. И вдруг он растаял, словно легкий дымок.

Луна зашла, наступило утро, но муж так и не вернулся.

Хоть и ненавистен был он жене, но тут и ей поневоле стало как-то не по себе. Побежала она снова к гадалке. Та и говорит:

— Если хочешь вновь его увидеть, то ступай лунной ночью в самый глухой час на перекресток шести дорог. Стой там и жди.

Стала молодая жена, как велено, на перекрестке шести дорог.

Когда наступил самый глухой час ночи, вдруг показалась издали в сиянии луны какая-то белая тень. Она словно плыла по воздуху, не касаясь земли.

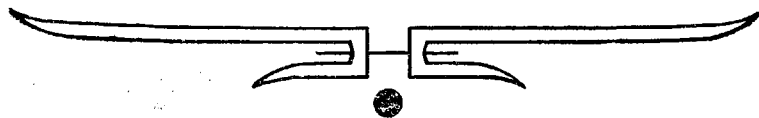
У молодой жены по спине пробежал холодок.

Видит она: это ее муж в наряде из полотна, выбеленном на лунном свете.

Приблизился к ней муж, взглянул на нее с печалью и упреком и тихо прошептал плачущим голосом:

В несчастный час я надел
Платье из лунного света.
Теперь я навеки стал
Спутником бога ночи.

Проплыла мимо белая тень и навсегда пропала в ночном мраке.

ТАНЦУЮЩИЙ СКЕЛЕТ

Жили в старину два неразлучных друга. Одного звали Камí-Ситибэй, а другого Симо-Ситибэй. Как-то раз отправились они вдвоем в дальние края на заработки. Усердно трудился Симо-Ситибэй и скопил немало денег. А Ками-Ситибэй связался с компанией кутежников.

Так прошло три года. Собрался Симо-Ситибэй в обратный путь на родину и зовет с собой друга. Тот ему в ответ:

— Я бы и рад идти домой, но надеть мне в дорогу нечего. Весь-то я обносился...

Подумал Симо-Ситибэй: «Вместе мы ушли, вместе надо и возвращаться в родную деревню. Не годится оставлять друга одного на чужбине». Подарил он Ками-Ситибэю и новое платье и денег дал в придачу.

Отправились они вдвоем в обратный путь. Но на безлюдном горном перевале убил Ками-Ситибэй своего друга, взял его деньги и вернулся в деревню один.

А в деревне стал он рассказывать:

— Как попали мы в чужие края, Симо-Ситибэй словно подменили. Пустился он во все тяжкие. За все это время не скопил он денег даже на обратную дорогу, потому и не вернулся со мной вместе.

Не на пользу пошло Ками-Ситибэю награбленное добро. Стал он играть в кости и спустил мало-помалу все краденые деньги — до последнего гроша.

Пришлось снова идти на заработки. Поднялся он на тот самый перевал, где убил когда-то своего друга, и вдруг слышит чей-то голос: «Ситибэй! Ками-Ситибэй!»

«Кто это меня зовет?» — подумал он. Оглянулся — никого. «Наверно, мне почудилось», — решил Ками-Ситибэй и пошел дальше. Но вот опять раздался зов, громче прежнего: «Ситибэй! Ками-Ситибэй!»

— Странные дела бывают на свете! — удивился он и стал прислушиваться. Голос шел из бамбуковых зарослей, что густели возле самой дороги. Заглянул Ками-Ситибэй в глубь бамбуковой чащи. Белеет там скелет, а череп зубы оскалил, словно смеется.

Вдруг череп заговорил:

— Здравствуй, старый приятель, давненько мы с тобой не виделись. Ведь я тот самый Симо-Ситибэй, кого убил ты три года назад, чьи кровные, трудом нажитые деньги ты украл и унес с собой. Каждый день с тех пор я поджидал тебя. Наконец сегодня исполнилось мое заветное желание: я снова вижу тебя. Нет на свете большей радости!

Хотел было убежать испуганный Ками-Ситибэй, но скелет крепко схватил его костлявой рукой за полу.

— Ты куда идешь? — спрашивает.

— Вышли у меня все деньги, и я снова иду в чужие края на заработки. Отпусти же меня, я тороплюсь.

— Вот оно что! И я при жизни, случилось, в деньгах нуждался. Этому горю можно помочь! Хочешь, я буду плясать, а ты меня будешь за деньги показывать? Много зарабатываешь, ничего не делаю. Положи меня в дорожный ящик и возьми с собой. Я не пью, не ем, — не надо меня ни кормить, ни одевать. Где ты найдешь такого товарища? Но, может, ты сомневаешься, умею ли я плясать? Погляди сам, я покажу тебе свое искусство.

И тут скелет вскочил и, гремя костями, пустился в пляс, руки и ноги так и замелькали. Он то подпрыгивал, то кружился волчком.

— Ну, Ситибэй, видел? Я и еще лучше могу. Ты только хлопай в ладоши да подпевай. Мы с тобой вместе много денег наживем. Ради этого стоило и умереть, — уговаривал скелет своего прежнего друга.

«В самом деле, — подумал тот. — Пожалуй, это не худо!» — и согласился.

Стал Ками-Ситибэй повсюду показывать пляски скелета. Люди стекались толпами и дивились чуду. Пошла слава о танцующем скелете по городам и селеньям и наконец дошла до ушей владетельного князя.

Позвали Ками-Ситибэя в княжеский дворец.

Сидит князь в парадной зале своего замка и ждет представления, а Ками-Ситибэй достал скелет из ящика и велел ему: «Пляши!» Но тот не шелохнулся.

Ками-Ситибэй то бледнеет, то краснеет. Уж он и в ладоши хлопал, и песни пел — ничего не помогает. Наконец пришел он в ярость и хлестнул скелет бичом.

Тут поднялся мертвый остов на ноги, подошел к князю и сел перед ним.

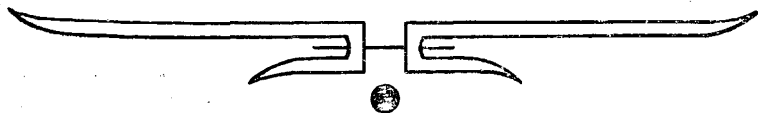
— Милостивый князь, — заговорил он, — я столько времени плясал лишь для того, чтобы попасть пред твои очи. Знай, что этот человек убил меня и ограбил на горном перевале.

Изумился князь:

— Каких только чудес на свете не бывает! Вяжите убийцу и сделайте розыск.

Связали княжеские воины Ками-Ситибэя. Сознался он во всем и был распят на кресте.

Вот что случилось в давнишние времена.

ДВЕРЕЦ КОРОЛЕВЫ КОШЕК

У огневой горы Асó несколько вершин. Одна из них зовется Нэкодакэ — Кошачьей горой.

В старину жила на ее склоне королева кошек. Каждый год в ночь накануне праздника Сэцубún* собирались к ней с поздравлением все почтенные кошки из соседних селений. В это время повсюду на этой горе можно было услышать кошачье мяуканье. Иные даже видели торжественное шествие кошек.

Как-то раз шел там по тропинке один запоздалый путник. Начало уже смеркаться. Как ни торопился он, а до конца пути еще было далеко. Кругом одни пустынные луга тянутся, сухой ковыль шуршит.

Путник уже был не в силах ни повернуть назад, ни идти дальше, так он устал. Жутко у него было на душе, да и голод давал себя знать. Сел он на тропинке посреди высокого ковыля и начал растирать одеревеневшие от ходьбы ноги.

— Ах, если бы где-нибудь здесь найти приют на ночь! — вздохнул путник.

Солнце зашло за края гор, и вокруг сразу потемнело.

Вдруг услышал он где-то над собой человеческие голоса.

«Значит, тут неподалеку есть жильё», — подумал путник. С трудом поднялся он на ноги и заковылял

в ту сторону, откуда слышались голоса. Вскоре увидел он высокие ворота, а за ними великолепный дом.

«Кто бы мог подумать! Здесь — в такой глуши — и такие богатые палаты! — удивился он. — Может, пустят меня переночевать на одну ночь...»

И путник смело вошел в ворота. У входа в дом он окликнул хозяев. Выглянула на его зов какая-то женщина, как видно, служанка.

— Я сбился с пути, а на дворе уже темно. Позвольте мне переночевать здесь.

— Милости просим, — ответила женщина тихим, ласковым голосом. — Заходите в дом, — и провела его во внутренние покои. Оставшись один, путник вытянул свои усталые ноги и снова начал растирать их. Голод все сильнее мучил его. Подождал он, подождал и снова позвал хозяев.

Тут вышла к нему другая женщина и склонилась перед ним в таком низком поклоне, что спина у нее стала совсем круглая.

— Простите меня, но я с самого утра ничего не ел. В глазах темно. Не найдется ли у вас поужинать?

— Не извольте беспокоиться, сейчас подам. А может, тем временем хотите выкупаться? Горячая вода в чане готова, — услужливо предложила женщина. Указала она ему, как пройти в баню, и удалилась.

Путник, очень довольный, встал с места, чтобы идти в баню. Вдруг вошла в комнату еще одна женщина, не первой молодости. Поглядела она ему в лицо и ахнула от изумления. Потом, с опаской оглядевшись по сторонам, дружески с ним заговорила:

— Тебе, верно, не в догадку, кто я такая, но я-то тебя сразу признала. Скажи, как ты сюда попал?

Странно это показалось путнику. Незнакомая женщина разговаривает с ним, словно старая приятельница! Начал он ей рассказывать, как заблудился в горах.

Вдруг женщина шепнула ему:

— Сюда вам, людям, ходить нельзя. Здесь для вас гиблое место. Беги отсюда без оглядки, не то пропадешь!

— А что здесь может случиться со мной плохого? — удивился путник.

Замялась женщина:

— Не хочу я ничего дурного говорить про этот дом. Одно скажу: скорей убегай, спасайся! — повторила женщина, и так сердечно да ласково! Нельзя было ей не поверить.

— Ну что ж, послушаюсь тебя, уйду, коли так. Но нельзя ли мне сначала хоть поужинать, ведь я с голоду умираю. Да не худо было бы отогреться в горячей воде, — начал было путник, но женщина еще больше встревожилась.

— Не должна бы я тебе ни слова говорить, но пять лет тому назад, когда я еще жила у своих хозяев, ты очень любил меня. Бывало, вечером вылезу я из-под плетня по дороге к себе домой, а ты меня и по головке погладишь, и посадишь на колени, и за ушком почешешь. Я не забыла твоей ласки. Ведь я та самая пестрая кошка, что, помнишь, жила у твоих соседей. А здесь дворец нашей королевы. Если ты поешь тут и выкупаешься, то все тело у тебя обрастет шерстью и превратишься ты в кота. Понял теперь?

Вконец испугался путник. Поблагодарил он женщину от всей души и бросился опрометью вон, но, видно, успели пронюхать об этом в доме. Погнались за ним по пятам три молодые девушки с ушатом воды.

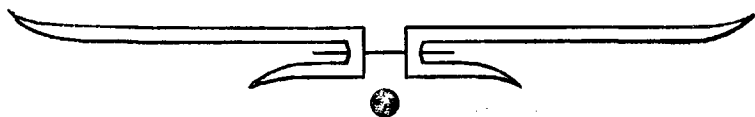
Бежит путник из последних сил, падая и спотыкаясь. Добежал он до крутого спуска в долину и оглянулся. Видит: вот-вот его настигнут. Не помня себя от страха помчался он стремглав вниз с горы. Тут схватила одна из девушек черпачок и плеснула на него сверху горячей водой. Но путник уже был далеко. Всего лишь несколько капель до него долетело. Одна упала ему на шею под самым ухом, а две-три на его голые икры.

Наконец добрался путник до города, а оттуда благополучно вернулся к себе домой.

Первым делом спросил он у соседей, куда делась их пестрая кошка. Ушла, говорят, из дому и не вернулась. Стали подсчитывать, когда она пропала. Оказалось, ровно пять лет назад.

Скоро стал тот человек замечать, что растут у него клочки кошачьей шерсти на шее возле уха и на ногах, всюду, куда попали брызги воды. Часто он говаривал потом:

— Помедли я еще немного, непременно попал бы в свиту королевы кошек.

НОППЭРАПОН

В прежние времена холм Хоккэдзакэ возле города Кумамото был тихим и пустынным местом.

Как-то раз прошел слух, что там появляется ведьма-оборотень.

На самой вершине холма и у его подножья стояли два чайных домика, очень похожих друг на друга.

Каждый путник, раньше чем попасть в Кумамото, непременно заходил в чайный домик на вершине холма. Попивая горячий чай, радостный и веселый, он поглядывал вниз на город. А покидая Кумамото, путник непременно заходил в домик у подножья холма и за чашкой чая мысленно прощался с городом.

Как-то раз один человек дал обет посетить тысячу храмов. После долгих скитаний шел он в Кумамото.

На вершине холма паломник остановился и вздохнул с облегчением, увидев внизу крыши города. «Дай немного отдохну», — подумал он и зашел в чайный домик.

Видит паломник: стоит спиной к нему в глубине дома какая-то женщина и трудится над чем-то. Попросил путник у нее, поправляя завязки на своих дорожных сандалиях:

— Хозяйка, дай мне чего-нибудь горячего.

— Сейчас, сейчас, — отозвалась женщина, не оборачиваясь.

Захотелось паломнику с ней разговориться. Тут пришел ему на память один слышанный им в дороге рассказ.

— Послушай, хозяйка, это ведь холм Хоккэдзака?

— Да, как же, как же, он самый и есть.

— Слышал я, что в прежнее время здесь ведьма-оборотень водилась. Ну, а теперь появляется она здесь?

— Появляется, частенько ее видят!

— Хо! Скажите! Ну, а какова она видом? — спрашивает любопытный паломник, поглядывая на хозяйку.

— Ведьма-то? Какова она видом? А вот такая!

И с этими словами круто повернулась к гостю. Взглянул он на нее и, завопив от ужаса, бросился вон из чайного домика, позабыв о своем дорожном мешке.

У женщины вместо лица был, что называется, ноппэрапон — гладкий шар без единой отметины. Не было на нем ни глаз, ни бровей, ни рта, ни носа.

Мчится паломник вниз по холму. Добежал до подножья и влетел почти без памяти в другой чайный домик. Задыхаясь, ухватился он за столб посреди домика, опомнился немного и кое-как добрал до скамейки. Смотрит: в чайном домике тоже стоит спиной к входу какая-то женщина и трудится над чем-то.

Стал он ей рассказывать дрожащим голосом про то, что с ним случилось.

— Ах, и набрался же я страху! Первый раз в жизни видел ведьму. А ты, хозяйка, неужели не боишься жить в таком страшном месте?

— Я-то? Вот уж несколько, — отвечает женщина, не оборачиваясь.

— Неужели! А я так чуть не умер от страха.

Стоит вспомнить, так сразу холод пробирает.

Вдруг женщина в глубине дома спросила:

— А ведьма эта поди на меня похожа?— и повернулась к путнику. Взглянул он на хозяйку, а у нее тоже вместо лица — ношэрапон — ни глаз, ни рта, ни носа, словно рыбий пузырь на шее качается.

У путника от ужаса встали волосы дыбом. Трясаясь всем телом, стуча зубами, выскочил он опрометью из чайного домика и помчался к городу, прочь от страшного холма.

А вот что еще рассказывают в городе Кумамото. Возле храма Хоммёдзи есть пустынная поляна. Как-то раз поздно ночью шел по ней один человек с фонарем в руках. И попался навстречу ему паломник.

— Постой минутку, посвети мне фонарем,— просит паломник.

— Зачем тебе?

— Да у меня ноговицы спустились, надо их хорошенько подтянуть.

— Что ж, посвечу, дело не трудное.

Поднес прохожий фонарь к самым ногам паломника, а у того на голых икрах множество страшных глаз так и сверкают. Уставились они все, не мигая, на него. Кинулся прохожий бежать. Бежал, бежал,

вдруг увидел одинокий домик. То была харчевня, где по ночам лапшой торгуют. Бросился прохожий к хозяину харчевни, от страха так в него и вцепился.

— Что с тобой стряслось?— спрашивает хозяин.

— Ах, ужас такой, опомниться не могу! Встретил я сейчас паломника. Попросил он посветить ему фонарем. Дескать, ноговицы у него спустились. Посветила я ему, а у него на голых

икрах всюду глаза, глаза, глаза... И все сразу на меня вытаращились! И не помню, как сюда добежал! — задыхаясь, рассказывает прохожий.

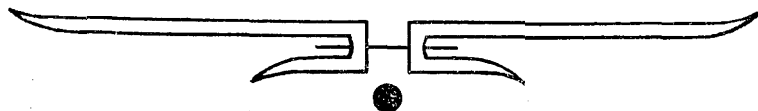
— Вытаращились, говоришь? Вот так или еще сильнее?

Тут хозяин обнажил свои ноги и показал их прохожему.

Взглянул прохожий, а у хозяина на икрах тоже сверкают страшным светом множество глаз — еще страшнее, чем у паломника.

Тут, говорят, подкосились у прохожего ноги. Упал он и только к утру опомнился.

Вот что в старину бывало.

ПОСЛЕДНЕЕ ЩУПАЛЬЦЕ ОСЬМИНОГА

Жил в прежние годы возле бухты Симоура́ один старый рыбак со своей женой. Заболел он ломотой в костях и слег в постель. Долго за ним ухаживала старуха, но ему все не становилось легче. Наконец говорит старик:

— Мне на еду и глядеть-то противно. А вот осьминога я поел бы. Может, мне бы и полегчало...

А пора стояла дождливая. Прикрылась старуха большим зонтом и пошла на берег моря. Заглядывает она в щели между камнями, где осьминоги прячутся. Но не увидела ни одного.

Села старуха на скалу, закрыла глаза и молит:

— Боги, милостивые боги, помогите мне поймать осьминога, чтобы могла я вылечить моего старика!

Открыла она глаза и вдруг видит: показалось возле самых ее ног щупальце огромного осьминога.

Вот радость! Отхватила она это щупальце ножом, отнесла домой и накормила старика.

В первый раз за свою болезнь поел старый рыбак с охотой, и в самом деле стало ему немного полегче.

На другой день пошла старуха к расселине между камнями,— и опять осьминог высунул из нее свое щупальце. Отрезала второе щупальце старуха и накормила своего мужа.

На третий день случилось то же, и на четвертый, и на пятый... Приелось старику мясо осьминогов. Уж он и глядеть-то на него не хочет.

Но старуху жадность одолела. Стала она носить мясо осьминога на базар и все считала, сколько у него щупальцев остается. Наконец осталось у осьминога одно последнее щупальце. Но ведь и за него можно деньги выручить!

На восьмой день рано утром поспешила старуха к морю. Наклонилась она к расселине между скалами, смотрит в воду... Тут вдруг обвилось вокруг ее шеи крепким жгутом последнее щупальце осьминога. Потянул осьминог старуху в морские волны.

Долго ждал ее старый рыбак и встревожился. Заковылял он на своих больных ногах к берегу, глядит по сторонам. Нигде старухи не видно. Наконец доплелся до прибрежных скал, заглянул в расселину...

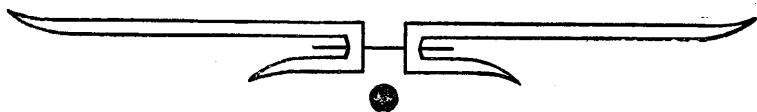
Стоит его старуха на дне моря и держит над собой раскрытый зонт.

Завопил тут старик, не помня себя:

— Старуха, старуха, что ты там делаешь?

Кинулся он за нею в воду и утонул.

Говорят, что и сейчас, если поглядеть в том месте со скалы во время самого большого весеннего отлива, можно увидеть на дне моря старухин зонт.

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Случилось это в годы Хорэки *. Однажды в осеннюю пору от побережья Мацумáэ * отплыл парусник. Было на нем семь человек команды во главе с кормчим Магóскэ. Они возвращались к себе на родину в Ниигáта.

На третий день стал уже маячить вдали остров Садо и влево от него родной берег, как вдруг налетела внезапная буря. Море закипело, как в водовороте. Казалось, вот-вот парусник опрокинется вверх килем. Матросы бросились убирать паруса. А море бушевало все сильнее. Крикнул кормчий Магоскэ:
— Бросай груз за борт! Руби мачты!

Но тут набежала волна, высотой до самого неба. С грохотом обрушилась она на корабль. Корма раскололась надвое, нос корабля разлетелся в щепы, и матросы пошли рыбам на корм. Один лишь Магоскэ успел ухватиться за какую-то доску.

Море понесло его вдаль, словно обломок корабля. Дождь и ветер слепили его.

Лишь иногда удавалось ему, поднявшись на гребень волны, поглядеть вдаль, не покажется ли где парус? День склонился к вечеру, начало темнеть. Одна за другой набегали волны, похожие на громадных китов, подымали его на спину и снова бросали в пучину.

Магоскэ не мог понять, куда его несло течением, где берег, а где открытое море. Настает ночь, а навстречу ему не попалось ни одного корабля.

В отчаянии Магоскэ то умолял бога Компира о спасении, то давал обеты богу Ияхико*... Цепляясь за тонкую доску, он летел с гребня волны в пучину. Казалось ему, вот он, конец, пришел, но новый вал подхватывал его и выносил наверх.

Магоскэ было уже совсем отчаялся, как вдруг услышал громкие крики:

— Руби мачты! Бросай груз за борт! Держи руль!

Прямо на него в ночном мраке несся какой-то корабль. Собрав последние силы, Магоскэ завопил:

— Спаси-ите! Тону-у!

Вдруг он совсем близко от себя увидел полуразбитый корабль. Человек десять команды цеплялись за него, крича во весь голос.

Люди эти не походили на живых. Иссохшие, с синими лицами, они были видны, как смутные тени, в такой крошечной тьме, где, казалось, глаз ничего не мог бы различить. Весь корабль тоже выступил из мглы, не сливаясь с нею. Крик замер на губах Магоскэ. Корабль прошел справа от него и быстро стал удаляться.

Вдруг послышался отчаянный вопль многих голосов: «А-а-а!» И в тот же миг корабль разбило в щепы, а цеплявшиеся за него люди словно растаяли. Крики их стихли, только страшно грохотали волны.

— Корабль-призрак! — подумал Магоскэ; вспомнились тут ему все страшные рассказы об этом корабле. Теперь он был рад, что один остался.

Но вдруг опять послышались крики:

— Руби мачты! Груз за борт! Держи руль! Погибаем! — И корабль-призрак появился снова. И снова люди цеплялись за него, призывая на помощь. Набежала волна и разбила корабль в щепы... Раздался опять тот же самый дикий вопль — такой ужасный, что, казалось, никто не мог бы услышать его дважды и остаться в живых. Виденье исчезло, лишь страшно загудели волны.

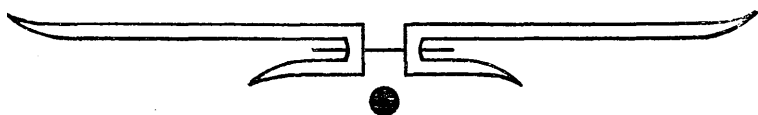
Не успел Магоскэ перевести дух, как снова ветер донес до него крики:

— Руби мачты! Груз за борт! Держи руль!

И все повторилось снова. Мольбы, призывы, про-

клятья, последний вопль погибающих... Неужели этому не будет конца? Сердце Магоскэ замирало, душа у него готова была расстаться с телом, но он не выпускал доски из рук и все-таки держался на воде.

Наконец забелел рассвет. С первыми его лучами корабль-призрак исчез навсегда. Ветер и дождь стали утихать, волны немного улеглись. Три дня носился Магоскэ по волнам и вконец обессилен от усталости и голода. В глазах у него было темно, руки одеревенели... К чему было дольше надеяться? Жизнь уже покидала его, как вдруг в море что-то мелькнуло... На волнах качалась связка соломы. Магоскэ поймал ее. Внутри, в полотняном мешочке оказались две сухие плети со стручками красного перца. Магоскэ съел стручков десять — и воспрянул духом. А тут вскоре его заметили с корабля, вытащили из воды и благополучно доставили в залив Ниигата, назад к родным берегам.

ЧУДО МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

В старину, в далекую старину, жили на самом краю одного маленького городка старик со старухой. Торговали они сладкими тянучками амэ.

Однажды в темный зимний вечер постучалась в дверь их лавочки какая-то молодая женщина. Стоя за порогом, она робко протянула монету в три гроша.

— Вот, дайте мне, пожалуйста, немного ваших амэ...

— Что ж вы стоите на холодном ветру, госпожа? Заходите, обогрейтесь, пока мы завернем вам покупку.

— Нет уж, я тут постою.

Взяла молодая женщина сверток с лакомством и пропала во мраке.

Пришла она и на другой вечер.

Стали старики говорить между собой:

— Кто она такая и почему приходит в такую позднюю пору? Неужели у нее другого времени нет?

На третью ночь женщина пришла снова. А на четвертую старики спохватились: не монетку она им оставила, а сухой листок.

— Ах, обманщица! — заголосила старуха. — Пойди, старик, за нею вслед, она еще не ушла далеко. Кабы у меня глаза были получше, она бы мне не подсунула листок вместо монеты.

— Смотри, у порога комья красной глины... — удивлялся старик, зажигая фонарь. — И откуда только пришла эта женщина? По соседству у нас один белый песок.

Побрел он в ту сторону, куда незнакомка скрылась. Смотрит: отпечатков ног на снегу не видно, только комки красной глины след показывают.

«Да ведь здесь и домов-то нет,— думает старик.— Неужто она на кладбище пошла? Кругом одни могильные памятники».

Вдруг услышал он плач младенца...

«Верно, почудилось мне. Вот и стихло... Это ветер в ветвях свистит».

Нет, опять послышался детский плач, жалобный и глухой, словно из-под земли.

Подошел старик поближе. И верно, кто-то плачет под свежей насыпью могилы...

«Дивное дело! — думает старик.— Пойду-ка я разбужу настоятеля соседнего храма. Надо узнать, в чем тут тайна. Ужели в могиле живой похоронен?»

Разбудил он настоятеля. Пошли они к могиле с заступом.

— Вот эта, что ли? Здесь беременную женщину похоронили тому уж несколько дней,— воскликнул настоятель.— Умерла от какой-то болезни, не дождавшись родов. Да уж не почудилось ли тебе, старик?

Вдруг снова глухо-глухо послышался у них под ногами детский плач.

Стали они поспешно копать заступом. Вот показалась крышка нового гроба. Отвалили они крышку. Видят: лежит в гробу молодая женщина, будто спит, а на груди у мертвой матери живой младенец. И во рту у него сладкое амэ.

— Так вот чем она его кормила! Теперь я все понял! — воскликнул старик.— Велико чудо материнской любви! Нет на свете ее сильнее! Бедняжка сперва давала мне те монеты, что ей, по обычаю, в гроб положили, а как кончились они, принесла сухой листок... Ах, несчастная, она и за гробом берегла своего младенца.

Тут пролили оба старика слезы над открытой могилкой. Разжали они руки мертвой женщины, вынули из ее объятий младенца и отнесли его в храм.

Там он и вырос, там и остался, чтобы всю жизнь заботиться о могиле своей матери, которая так сильно его любила.

**ВЕЧЕР
ШЕСТОЙ**

ПЯТЬ ТАНОВ¹ ЗЕМЛИ

Некогда в селенье Оку деревни Окадзэки * жил один великий богач. Владел он множеством рисовых полей, и было среди них одно величиной в пять танов. Называли его «полем без межей» — таким оно было широким.

Каждый год в мае, когда наступало время высаживать рисовую рассаду, богач нанимал несметное число работников. Если успеют они за один день закончить всю работу, богач бывал очень этим доволен и горд. Правда, не всегда это удавалось. Но уж на «поле без межей» непременно надо было посадить все рисовые ростки до единого в один и тот же день до захода солнца. Таков был старинный обычай в семье богача.

Однажды нанялась к нему в услужение молодая девушка тихого нрава и прекрасная собой. В крестьянских работах была она так сноровиста, что никто не мог за ней угнаться.

Понравилась девушка богачу, и решил он выдать ее замуж за своего сына. Созвал он на совет всю свою родню. Но многие из его родичей воспротивились.

— Как можно, чтоб наследник богатого дома женился на простой поденщице! Где это слыхано!

Спорили, спорили и порешили вот на чем:

¹ Т а н — единица измерения земельной площади. Пять танов — около половины гектара.

— Если успеет она засадить «поле без межей» до захода солнца,— что ж, значит, так тому и быть! Пусть войдет в нашу семью как законная жена.

Сказали об этом девушке. От радости она своим ушам не поверила.

Вскоре был назначен день испытания. Девушка в то утро не могла дождаться, когда солнце взойдет. С первыми его лучами поспешила она в поле.

Сажает девушка ростки так быстро, словно за ней зеленая дорожка сама бежит, по полю расстилается.

Хоть и долгие в мае стоят дни, но одной засадить поле в пять танов — неслыханное дело! Вот и полдень настал, но девушка не дала себе роздыху, не подкрепила себя едой. Время дорого! Не поет она «песни посадки риса», не разогнет спины, не подымет головы. Скорее, скорее!

Много собралось на поле народу. Все хвалят девушку за быстроту и ловкость, да поторапливают: «Скорее! Скорее!»

Но вот уже солнце клонится к западу. Растут тени. Вот солнце края горы достигло, вот уже скрылось наполовину за горой. А девушке всего только один последний ряд остался. В отчаянье сложила она молитвенно руки и крикнула солнцу:

— Солнце, остановись! Остановись! Подожди еще немного...

И вдруг в самом деле солнце воротилось вспять и снова всплыло над горою.

Снова начала девушка высаживать ростки, еще скорее прежнего, не уследить даже. Закончила она последний ряд, и лишь тогда солнце скатилось за горы так быстро, как падает мяч.

При виде этого чуда люди словно окаменели. Когда же пришли в себя, смотрят: девушка лежит ничком на поле, мертвая. Убил ее непосильный труд.

С того часа одно за другим посыпались на богача несчастья, и скоро обнищал он вконец.

Теперь в деревне давно уже ни у кого нет большого поля, а все по-прежнему место это зовется «Пять танов земли».

КАК ВПЕРВЫЕ ВЫПАЛ СНЕГ

В глубокой древности страна Аидзу * не знала ни снега, ни зимнего холода. Круглый год там было тепло.

Однажды пришел туда с севера какой-то бродячий монах. В одной руке у него был посох, а в другой — широкий зонт. Устал он и решил отдохнуть в чайном домике. А там народу полным-полно. Уже долгие часы совещаются между собой крестьяне этого села, а ничего придумать не могут. У всех тревога на лицах написана...

Понял монах, что дело нешуточное, и захотелось ему помочь людям.

— Вижу я, вы сильно чем-то озабочены. Скажите, что за беда у вас случилась?

Отвечают ему крестьяне:

— Получили мы бумагу, что прибудет завтра в нашу деревню с досмотром сам владетельный господин здешних земель. И содержится в этой бумаге вот какой строгий приказ: «Чисто-начисто все прибрать, чтобы господин ни единой пылинки не заметил, ни по дороге в деревню, ни в самой деревне. Ничто не должно оскорбить его взора». А в других деревнях, мы знаем, не сумели выполнить этот приказ, и вот кого мечом насмерть зарубили, кого в темницу бросили, а кому оброк удвоили. Всюду плач и стоны, и у нас в деревне тоже великое смятение. Совсем мы

голову потеряли, ведь времени-то на уборку почти не осталось... Что тут придумаешь!

— Хо-хо, в самом деле, вот неожиданность, — улыбнулся монах, — словно птица из-под ног выпорхнула. Досадное дело!

Поразмыслил он немного и сказал:

— Не тревожьтесь, я придумал, как избыть беду. Прежде всего надо, чтоб завтра ударили сильные холода. Самый придирчивый господин скрючится тогда в глубине своего паланкина и даже носа наружу не высунет. А если все-таки выглянет, и тут я могу помочь. Знаете ли вы, что такое снег? Он холодный-холодный, но белый и красивый. Засыплет снег всю деревню, заметет поля и горы... Как господин ваш

ни строг, но и ему будет не к чему придраться. Успокойтесь же, ничего худого с вами не случится.

Он говорил так уверенно, с такой добротой, что крестьяне удивились и обрадовались. Успокоенные, разошлись они по домам, толкуя о том, что такое «снег» и на что он похож...

На другой день все в деревне проснулись раньше обычного. Стали вставать крестьяне с постели, и вдруг их обдало небывалым холодом...

Вот это был холод! Кожа на руках и ногах, того и гляди, потрескается... Вышли они из дому и ахнули! Неужели это снег, тот самый снег, о котором вчера рассказывал монах в чайном домике?

И поля, и горы, и дома, и деревья, и дороги — все кругом белым-бело стало, а с неба все падают и падают белые хлопья...

Вся деревня, и стар и млад, высыпала на улицу, позабыв о лютом холоде. Люди кричали и шумели, бегали и прыгали, ловили снежинки и дивились на них.

А между тем прибыло известие, что господин сегодня с осмотром не приедет. Крестьяне на радостях побежали к дому старосты, где остановился на ночь бродячий монах.

Но куда же он девался?

Видят, постель его пуста, а сам он исчез бесследно. Так и не нашли.

Говорят, это Снег и был. Впервые посетил он тогда Айдзу. С тех пор там привыкли к снегу и полюбили его. В краю Айдзу и родилась пословица: «Большие снега — хороший урожай».

МОРСКОЙ РАК И ВОРОН

В старину это было, в глубокую старину.

Бродил из деревни в деревню один нищий монах. Зашел он однажды по дороге в чайный домик. Ест данго и чай попивает.

Поел он, попил, а потом говорит:

— Хозяйка, хочешь, я тебе нарисую картину? «Какую картину может нарисовать этот обрывыш?» — подумала хозяйка.

А монах снял с одной ноги соломенную сандалию, обмакнул ее в тушь и сказал:

— Пожалуй, так занятней рисовать, чем кистью! — и начертил на фусума большого ворона.

Пошел дальше нищий монах. Стоит на склоне горы другой чайный домик. Отдохнул там монах, выпил чаю и говорит:

— Хозяйка, хочешь, я тебе что-нибудь нарисую?

Снял он сандалию с другой ноги, обмакнул в черную тушь и нарисовал на фусума морского рака.

Рак был совсем как живой: он шевелил хвостом и клешнями.

Множество людей приходило в чайный домик полюбоваться на морского рака. Деньги так и посыпались в кошель к хозяйке.

Прошло время. На обратном пути завернул нищий монах в тот чайный домик, где нарисовал он морского рака.

Стала хозяйка благодарить монаха:

— Вот спасибо вам! Прекрасного рака вы нарисовали. Только больно черен. Сделайте его, пожалуйста, ярко-красным!

— Что же, это дело простое! — ответил монах и выкрасил рака в красный цвет.

«Вот хорошо-то, — с торжеством подумала хозяйка, — теперь я еще больше денег заработаю».

Но красный рак был мертвый. Не шевелил он больше ни хвостом, ни клешнями. И никто уже не приходил на него любоваться.

А нищий монах завернул по пути в тот чайный домик, где он ворона нарисовал.

Хозяйка дома встретила его неласково, начала жаловаться:

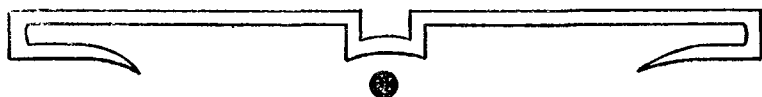
— Заляпал своим вороном мои чистые фусума, вконец испортил! Сотри свою картину, да и только!

— Это дело простое, — улыбнулся монах. — Тебе не нравится этот ворон? Сейчас его не будет!

Достал он из-за пазухи веер, раскрыл его и несколько раз взмахнул им в воздухе...

И вдруг послышалось: «Кра-кра-кра!» Ворон ожил, расправил крылья и улетел.

Онемела хозяйка от удивления, а нищий монах пошел дальше своим путем.

ВЯТЕЛЬ И ЯЩЕРИЦА

Жил в старину один замечательный ваятель. Но имя его не было никому известно. Никак не мог он выбиться из нищеты.

Как-то раз заметил он, что на большом камне в его саду играет ящерица, хвост у нее так и вьется, серебром на солнце стливает. Долго любовался ваятель ящерицей, глаз не мог отвести. Решил он изваять ее подобие. Вылепил форму и отлил ящерицу из серебра.

«Сам вижу, что хорошо удалось!» — подумал он и снес серебряную ящерицу на продажу в лавку торговца разной утварью.

Не прошло и дня, как ее купили.

Скоро посыпались заказы: каждому хотелось иметь такую же.

Прошла о серебряной ящерице громкая слава. Все называли ее дивным произведением искусства.

Прославился ваятель и стал богатеть. Сколько ящериц ни отливал он из серебра, они и дня не лежали в лавке.

Но вот что было удивительно. Каждый раз, когда он выходил в свой сад, зимой или летом, все та же самая ящерица всегда играла на том же камне, и в летнюю жару, и зимой, когда все вокруг было занесено снегом.

Сначала ему невдомек это было, но потом заметил ваятель, что только он один и видит ящерицу, а другие ее не замечают. Жутко ему стало. Наконец он собрался с духом, взял камень — и убил ящерицу.

Но с того самого часа его изделия потеряли прежнюю красоту. Никто больше не покупал серебряных ящериц. И за короткое время ваятель снова впал в безвестность и нищету.

ЖАЛОБЫ КУКОЛ

Много лет тому назад приезжал в горные селенья кукловод из театра Авáдзи * по имени Масаэмóн. Повсюду шла о нем добрая молва. И в самом деле, он был мастером своего дела.

Каждый год весной устраивал Масаэмон представления, а потом возвращался на остров Авадзи и жил там до следующей весны. Кукол своих он отдавал на сохранение кому-либо из местных крестьян или содержателю балагана, и лежали они, запертые в сундуке, долгие-долгие месяцы...

Не могли куклы спокойно переносить эту обиду. Каждый вечер начинали они громко жаловаться.

— Мы не простые бесчувственные куклы, — сердилась самая лучшая из них, игравшая роли самураев. — Нас наряжают в людские платья и выводят на сцену, чтобы мы людей изображали. В этом наше высокое призвание. А нас свалили как попало в сундук, словно старую ненужную ветошь. О, жестокость! О, неблагодарность!

И даже самые простенькие куклы на последних ролях тоже громко роптали:

— Что у нас за жизнь! На тростях нас не водят, руки и ноги у нас повисли, как тряпки! Ведь этак можно и с тоски подохнуть!

Потом доставали они со дна сундука гонги и барабаны и поднимали страшный шум: гантян, докодон!

Остановится запоздалый прохожий и прислушивается: где это идет такое веселье?

Вначале жители села не особенно этому дивились. Думали они, что у хозяина кладовой, где стоял сундук с куклами, каждый вечер гости собираются. Но наконец пошли по селу толки и пересуды.

Как-то раз вечером один прохожий — видно, он был любопытнее других — тихонько заглянул в кладовую. Видит он: в кладовой ни души, но кто-то разглагольствует в углу, как заправский самурай:

— В былые времена не то что куклы, даже люди, проходя мимо меня, отдавали почтительный поклон,

но ныне воцарились у нас невежество и грубость нравов!

«Чудеса, да и только! Как попал туда самурай?» — подумал прохожий и стал всматриваться еще пристальнее. Удивительное дело! Голос доносился из большого сундука!

Прохожий побежал к хозяину кладовой и рассказал ему обо всем. Поспешил хозяин в кладовую вместе со всеми своими домашними. А там стоит гомон многих голосов, гремят гонги, рокочут барабаны... И весь этот шум идет из сундука, который оставил на сохранение Масаэмон с острова Авадзи, но открыть сундук нельзя, ключа нет.

Сейчас же послали гонца на остров Авадзи к Масаэмону. Приехал он. Отпер сундук, смотрит: лежат в нем куклы тихо и смиренно, будто ничего и не было.

Как раз в это время остановился в том же селе проездом знаменитый сказитель дзёрури из Эдо по имени Такэмóто Гидаю *. Дошел до него слух об этом необыкновенном случае, и захотел он посмотреть на кукол своими глазами. Заглянул в сундук и головой покачал.

— То же самое случилось однажды и у нас в Эдо,— поведал Гидаю.— И по той же причине. Бросили кукол в кучу как попало и оставили лежать, словно старый хлам...

— Что же теперь делать?

— Это ведь куклы-актеры. Если уж приходится убрать их на время, то надо делать это бережно и уважительно, щадя их чувства,— говорит Гидаю так, словно он сам своими ушами слышал жалобы кукол.

— Вот поэтому у нас в Эдо есть хороший обычай,— добавил он,— утром и вечером вынимать кукол из сундука и устраивать с ними торжественное шествие. И уж, во всяком случае, надо бережно убирать их после представления, иначе куклы обижаются, как люди... И каждый актер их поймет!

С тех пор Масаэмон с острова Авадзи всегда следовал этому доброму совету, и куклы у него никогда больше не роптали на свою судьбу.

БАРСУК — ЛЮБИТЕЛЬ СТИХОВ

В старину под верандой дома Идзумий в городе Комáцу * жил один барсук.

Хозяин этого дома очень любил хóкку ¹. В ясные осенние ночи он, бывало, раздвинет рамы сёдзи в комнате для занятий. А комната эта глядела прямо в сад. Читает хозяин громким голосом любимые стихи, попивает вино и любуется светлой луной. А барсук притаится внизу и слушает, слушает...

Как-то раз хозяин получил из Эдо от своего друга — поэта Сюка́* новое стихотворение:

О цветы орхидей!
Как торжественно-величаво
Вы раскрылись в тиши.

Хозяин переписал эти строки красивым почерком на тандзáку ² и несколько раз прочел вслух, но в это время его пригласили в гости, и, уходя, он забыл второпях листок со стихами на столе. Только хозяин ушел, как барсук пробрался в комнату, схватил тандзáку и побежал в сад. Положив драгоценный листок под сосной, барсук стал глядеть на полную луну.

¹ Х о к к у — жанр лирической поэзии, очень популярный в XVII—XVIII веках. Состоит хокку из трех строк и главным образом посвящено природе.

² Т а н д з а к у — полоска плотной цветной бумаги, на которой пишется стихотворение.

И вдруг, надув свой толстый живот, давай колотить от восторга по нему лапами, как по барабану, так что гул пошел кругом...

На другое утро хватился хозяин, что листок со стихами пропал. Обыскал он и дом и сад, нет нигде, да и только! Вспыхнул он от гнева, как огонь:

— Кто украл тандзаку с моего стола, сознавайтесь!

Все домашние в один голос отвечали:

— Не видели мы никакого тандзаку и знать ничего не знаем!

А у хозяина был проказливый сынок.

— Значит, это ты, и никто другой! — закричал на него отец. — Больше никому. И не смей отпираться, озорник! Сейчас же неси сюда тандзаку, а не то я так тебя проучу, что надолго запомнишь.

И решил тогда мальчик подкараулить вора, чтобы оправдаться перед отцом. Каждый вечер он прятался в засаду возле веранды, но вор все не показывался.

Так прошло несколько дней.

Вдруг видит он: выбежала из кабинета какая-то черная тень и бросилась в сад. Выглянул мальчик из-за столба. Что за чудо, да ведь это барсук, и в зубах у него тандзаку. Вот, значит, кто стихи таскает.

А барсук положил листок бумаги у подножья сосны и начал что-то бубнить себе под нос, словно трудные знаки разбирает. А потом давай надуваться, да как застучит по своему животу, будто по барабану!

И сразу, как по команде, запели, зазвенели, застрекотали в саду все сверчки и цикады — ни дать ни взять целый оркестр заиграл.

Мальчик позвал отца. Пришел отец и видит: барсук-то не первый попавшийся листок бумаги стащил, а тандзаку со стихами.

— Значит, и барсук может любить стихи, — воскликнул хозяин. — Кто бы подумал! — И он оставил листок со стихами барсуку — любителю поэзии.

ШЕПЧУЩИЙ МОСТ

Некогда в деревне А́дзума * жила юная девушка лет тринадцати по имени Оросу, прекрасная, как еще не раскрывшийся цветок вишни. Все молодые люди с ума по ней сходили.

Но вот в лунные ночи стал появляться возле ее дома какой-то незнакомый юноша. Был он очень хорош собою. Вначале, бывало, Оросу вся покраснеет, когда его увидит, а потом незаметно проникла в ее сердце любовь к нему.

Однажды ночью впервые заговорили они друг с другом.

— Кто ты? — спросила Оросу незнакомца. — Зачем приходишь ты каждую ночь к моему дому?

— Родом я с севера. Всего лишь один раз увидел я тебя, но с тех пор твой образ всегда стоит перед моими глазами, словно выжженный огнем.

Но вот что удивительно, — незнакомец приходил только по ночам и не называл своего имени. Хотелось Оросу узнать, кто он такой, и вот какую хитрость придумала девушка. Воткнула она в платье юноши иголку с длинной-длинной ниткой. На другое утро нитка привела ее к тысячетней криптомерии. Иголка с ниткой вонзилась в ее кору.

Глядит Оросу и глазам своим не верит. Значит, прекрасный юноша был духом старой криптомерии!

Вернувшись домой, девушка со слезами рассказала родителям о своем горе. Сильно испугались люди в деревне и решили срубить старое дерево.

Вот собралось несколько сот человек. Стали они рубить криптомерию. Но каждую ночь щепы и обрубленные ветки возвращались на свое место и снова прирастали к дереву. Наутро и следа топора нельзя было заметить на его стволе. Так прошло много дней.

Все деревья в лесу были опечалены бедой, постигшей их властелина, и пошли навестить его. Явился и чернобыльник. Но могучая криптомерия сказала ему:

— Ты ведь не дерево, а только жалкий кустарник. Не место тебе среди деревьев.

Рассердился чернобыльщик и сказал людям из деревни:

— Бросайте в огонь все, что удастся отрубить от криптомерии.

Не один десяток дней рубили они старое дерево, сжигая щепу и ветки, а в глубь ствола вбивали большие железные стрелы. Только так и удалось повалить криптомерию.

Решили построить из нее мост к Фукусимскому замку. Но, как ни бились, не могли сдвинуть с места тяжелое дерево. Тогда призвали Оросу. Подошла она к криптомерии и что-то тихонько ей шепнула. И вдруг ствол дерева покачнулся, точно кивнул, и легко-легко сдвинулся с места.

Построили из него великолепный мост. Но люди боялись по нему ходить, потому что ночью он словно шептал что-то тихим и грустным голосом.

По приказу владельца замка снова привели Оросу, одетую в нарядное платье.

Стала она переходить через мост, а у самой глаза полны слез. Сделает несколько шагов и прижмется щекой к перилам. Но вдруг дыханье отлетело от нее, и она упала посреди моста мертвая.

С тех пор и прозвали его «Шепчущим мостом».

РАСКАЛЕННЫЙ КОЛОКОЛ

Давно, давно жил в стране Кии * один богач. Пришел к нему как-то раз молодой монашек по имени Антйн и говорит:

— Здравствуйте, господин. Все это время не забывал я ваших прошлых благодеяний.

— О, смотрите пожалуйста, каким ты стал молодцом! Дочка моя, Киё-химэ, обрадуется. Где ты теперь живешь? — ласково спросил богач.

— Ныне живу я в храме Мангандзи, неподалеку от города Сиракава *.

Позвал богач свою дочку Киё-химэ. Радостно приветствовала она юного Антина, ведь они часто играли вместе в дни своего детства.

Когда настала поздняя ночь, она вызвала Антина из дому:

— Антин-сама, это я, Киё-химэ! Выйди ко мне в сад на минутку...

Ночь была ясная. На небе светила полная луна.

— Вспомни, милый, вспомни, как еще малыши детьми дали мы обет верности друг другу. Я никогда его не забывала. Возьми меня с собой... — стала просить Киё-химэ.

— Нет, и не проси, невозможно это. Там, в дальнем краю, ждет меня моя любимая, — ответил Антин.

При этих словах горько заплакала девушка. Но не могла она так легко отказаться от своей любви. Видит Антин, что девушка заупрямилась, и говорит:

— Подожди, мне надо отлучиться, я возьму тебя с собой на обратном пути.

На другой день Антин ушел в дальний путь, точно сердце его почувствовало недоброе. Он и не думал воротиться.

А Киё-химэ, ничего про это не зная, день за днем ждала Антина. Однажды спросила она у прохожего монаха, не знает ли он, где сейчас Антин.

— Я повстречал его недалеко от столицы, — отвечал монах.

Киё-химэ сразу пустилась в погоню.

Вот пришла девушка к широкой реке, но сколько она ни просила, ни молила, паромщик отказался ее переправить. Так велел паромщику Антин.

— Вернись к себе домой, — сказал паромщик, — не нужна ты своему любимому, есть у него другая.

Не вынесла обиды Киё-химэ и бросилась в воду. А на дне реки превратилась она в страшную змею. Погналась она вслед за юношей. Увидел ее Антин и обомлел от ужаса. Кинулся он искать спасения в храме Додзёдзи *, и спрятали его монахи под большим колоколом. Притаился там Антин, чуть дышит.

Вползла огромная змея во двор храма и уставилась сверкающими глазами на колокол. Потом обвилась вокруг него кольцами и несколько раз ударила по нему хвостом. Жалобно загудел колокол, а у змеи из глаз кровавые слезы потекли.

Наконец змея уползла. Смотрят, а колокол раскалился докрасна. Подняли его монахи с земли, когда он остыл, смотрят, а под ним лежит только горстка пепла — все, что осталось от молодого монаха.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Давно, давно это было.

На одном из островов Маусима * жил в сельском храме мальчик по имени Миятиё. Тихий и задумчивый, нравом и лицом он был похож на девушку. Не манили его резвые игры сверстников. Больше всего на свете любил Миятиё слагать стихи.

Не раз посылал он свои т́анка¹ в столицу, и самые прославленные поэты при дворе императора приходили от них в восторг:

— Какие прекрасные песни! Сразу видно, идут они из глубины сердца.

Только об одном мечтал Миятиё, только одно не выходило у него из головы:

— Ах, если бы мне попасть в столицу! Там поучился бы я поэтическому искусству.

Но настоятель храма не соглашался отпустить мальчика в трудный путь:

— Учиться поэзии — дело похвальное, но летами ты еще слишком мал. Не по силам тебе дальняя дорога. Нет, и не проси меня, я не дам своего согласия. Подожди, пока вырастешь.

Не вытерпел Миятиё и однажды потихоньку убежал из храма.

¹ Т́ а н к а (короткая песня) — лирическое стихотворение из пяти строк.

На рыбацкой лодке переправился он через морские волны. Перед ним расстилались поля, высились горы, и даже с самой высокой горы нельзя было увидеть столицу... Но не испугался мальчик, а решил идти день и ночь.

Вот миновал он большое селение Сиогама, оставил за собой высокие стены замка Тагадзэ... Уже поздно вечером вышел он на равнину Миягинó *. Куда ни взглянешь — всюду голубые от лунного света высокие травы.

И тут мальчик сложил начало танка. Легко-легко, словно сами собой, родились три первые строки:

В небе луна одна,
Но капли росы приютили
Тысячи маленьких лун...

Долго думал Миятиё, как завершить танка. Он глядел то на небо, то на землю, но напрасно: в голове не рождалось ни одной мысли. Казалось, вдохновение улетело от него навсегда.

Горько стало мальчику. Угасла в нем вера, что он станет поэтом. Усталость и тоска одолели его... Упал он на землю и умер. А умирая, все повторял слова своей неоконченной песни:

— В небе луна одна...

— Бедный мальчик, вот горемыка! — пожалели о нем крестьяне ближайшей деревни. Похоронили они его труп возле дороги и насыпали над ним невысокий холмик.

Но с той поры на равнине начал появляться каждую ночь призрак мальчика. Голосом, печальным, как шелест сухого камыша, он повторял:

В небе луна одна,
Но капли росы приютили
Тысячи маленьких лун...

— О, стыд! О, горе! — И призрак со стоном исчезал во тьме.

Слух об этом дошел до настоятеля храма. Он разыскал могилу мальчика и пролил над ней слезы.

— О, зачем ты ослушался меня! Но я отпускаю

тебе твой грех. Утешься же, твоя песня не останется незаконченной.

И он громко произнес два последних стиха:

Светом мне душу наполни,
О равнина Мягино́.

После этого призрак мальчика перестал бродить по ночам. Его последняя песня была наконец завершена.

Так говорит старинное предание.

СТАРУХА НИТОЧНИЦА

Вот что рассказывают в городе Сэндай.

У одного мастера, делавшего зонты на продажу, стояла в нише парадной комнаты глиняная фигурка старухи ниточницы. Была она так похоже вылеплена, как живая.

Однажды мальчишка-ученик продевал нитки сквозь ребра зонтов. Дело у него не спорилось, все нитки спутались в клубок, не найдешь ни конца, ни начала, хоть плачь.

— Старуха ниточница, старуха ниточница, старуха ниточница, — жалобно позвал мальчик, — помоги мне нитки распутать.

Вдруг спустилась старуха с полки и говорит:

— Как не помочь такому славному мальчику! Давай, сынок, я живо сделаю.

И распутала все нитки.

А вот что случилось однажды вечером.

Залез в лавку грабитель. Лицо полотенцем обмотано до самых глаз. Завязал в узел все самые лучшие зонты, а люди в доме храпят во все носовые завертки.

— Чистая работа! Продам где-нибудь в дальней деревне.

Радуется грабитель, что все так ловко получилось. Но когда захотел он взвалить узел на спину, то не смог его и с пола приподнять, тяжесть такая.

— Это что за чертовщина!
Напряг все свои силы и по-
пробовал еще раз. Узел ни с
места.

Тем временем пропели пер-
вые петухи, а там и вторые.

— Вот незадача какая! На-
до утекать отсюда!

Бросил грабитель узел и
убежал со всех ног.

И тут послышался тихий
смешок. Выскочила из узла
глиняная старуха и быстро за-
ковыляла к себе в нишу.

А вот что случилось в другой раз.

Маленькая дочь хозяина пошла к подругам по-
играть в прятки. Начало смеркаться. Дома хватил-
ись, что девочки нет. Поднялась тревога:

— Где она? Не стряслась ли с ней какая беда?

Вдруг смотрят, бежит девочка домой.

— Ты где была, зачем одна ходила?

— И совсем я не одна, а с бабушкой.

— С какой бабушкой?

— Да с нашей, с ниточницей. Она меня всю дорогу
за руку вела.

Пошли поглядели на полку в нише. А старуха за-
билась в самый дальний уголок, и лицо у нее виноватое.

Скоро о старухе ниточнице пошла слава по всему
городу.

Как-то раз один сосед зашел в гости к зонтичному
мастеру и, попивая чай, сказал:

— У вас вот старуха, а у нас с давних времен
стоит в нише глиняный старичок, славный такой.

В тот же день старуха ниточница пропала. Пошли
искать, а она в соседнем доме на полке рядом со ста-
ричком стоит. Сколько раз ни приносили старуху
домой — она все убегала. Так и отступились.

И до сих пор в городе Сэндай стоят вместе две
глиняные фигурки: старуха ниточница и седоборо-
дый старичок.

ЛУНА НА ВЕТКЕ

На окраине города Мияти, возле храма Асб-дзін-дзя * находится «Роща старого бога». Там у самой дороги стоит высокое дерево — энскі *. По ночам появлялся в том месте проказливый барсук и морочил людей.

Умел он принимать разные образы, но больше всего славилось его искусство показывать полную луну на ветке.

Влезал барсук на дерево-эноки, вытягивал вперед одну из своих лап, и она становилась раскидистой веткой. Этого мало! Сияла на ветке полная луна. Каждый, кто проходил мимо, останавливался и говорил: «Какая красота!» — а барсук себя не помнил от гордости.

В темные и дождливые ночи призрачная луна разгоралась еще ярче, а прохожие изумлялись еще сильнее.

Однажды в такую ночь, когда ни один луч не пробивался сквозь тучи, барсук решил, по своему обычаю, удивить прохожих.

Шел мимо один человек и вдруг увидел раскидистую ветку, а над нею полную луну. Остановился он и залюбовался:

— Ах, до чего красива луна в «Роще старого бога!»

Но в эту минуту выкатилась из-за облаков другая луна. Стало их сразу две.

— Что за наваждение! — вскричал прохожий. — Две луны! Чудится мне, что ли?

Тут барсук спохватился. Призрачная луна вдруг спряталась позади дерева.

— Ах, вот одна исчезла! — подивился прохожий. — И как раз самая красивая.

Обрадовался барсук похвале и снова показал луну из-за дерева.

— То одна, то две! Непостижимо! Что-то здесь творится неладное. Нет, страшно здесь одному в такую пору!

И прохожий убежал со всех ног.

А вот что случилось в другой раз.

Дождался барсук ночи потемнее, влез на дерево, вытянул вперед лапу-ветку с призрачной луной и поджидает путников.

Вот наконец показался один на дороге. Увидел он призрачную луну и прошептал сквозь зубы:

— Эге, господин барсук! Ты думаешь меня обморочить. Не выйдет! Я сам славно тебя проведу.

Этот путник был человек бывалый и слышал не раз про барсучьи проказы. Барсук старался вовсю. Луна у него так и сверкала, так и горела над темной изогнутой веткой.

Вдруг прохожий сказал:

— Что-то здесь не ладно. Луна в это время должна стоять ниже.

Барсук, услышав это, спохватился, и луна вдруг нырнула вниз.

— И опять не то, — громко говорит прохожий. — Сейчас она стоит уж слишком низко. Отчего это, хотел бы я знать?

Вдруг луна взлетела вверх.

— Чудеса! А теперь съехала куда-то в сторону. Ведь она была правее...

Еще больше растерялся барсук. Луна вдруг пошла вправо.

— Ну и чудно! Теперь ветка стала короче. Ведь она куда больше торчала в сторону...

Совсем голову потерял барсук. Вытянул он луну-ветку, сколько мог дальше, и не удержался, кувырком слетел с дерева.

Убежал барсук опрометью в чащу, а прохожий, посмеиваясь, пошел опять своей дорогой.

СТРАНСТВИЯ МОЛОДОГО ЮРИВАКА *

В старину, в далекую старину, это случилось, лет тысячу тому назад.

У левого министра* Сидзэ — верховного правителя Девяти провинций* был сын по имени Юривака. С юных лет отличался он умом и мужеством, а в искусстве владеть луком не знал себе соперников. Кто в Девяти провинциях не слышал о подвигах Юривака? Во всем улыбалось ему счастье: молодая жена его Касуга-химэ была добра и красива.

Но вот в соседней стране Сираги* разгорелась великая смута, случались набеги и на побережье Девяти провинций.

По приказу из столицы должен был Юривака отплыть за море с большим войском, чтобы усмирить страну Сираги. Пришлось ему надолго разлучиться с любимой женой.

— Прощай, Касуга-химэ, жди меня в добром здравии. Я непременно вернусь к тебе.

— Прощай, супруг мой Юривака, береги и ты себя в дальнем пути. А я буду ждать тебя и хранить тебе верность.

Прошло три года.

После долгих и трудных боев усмирил Юривака непокорную страну Сираги и на многих кораблях отплыл вместе со своими воинами обратно к берегам Японии. Захотелось воинам отдохнуть по пути, и вот

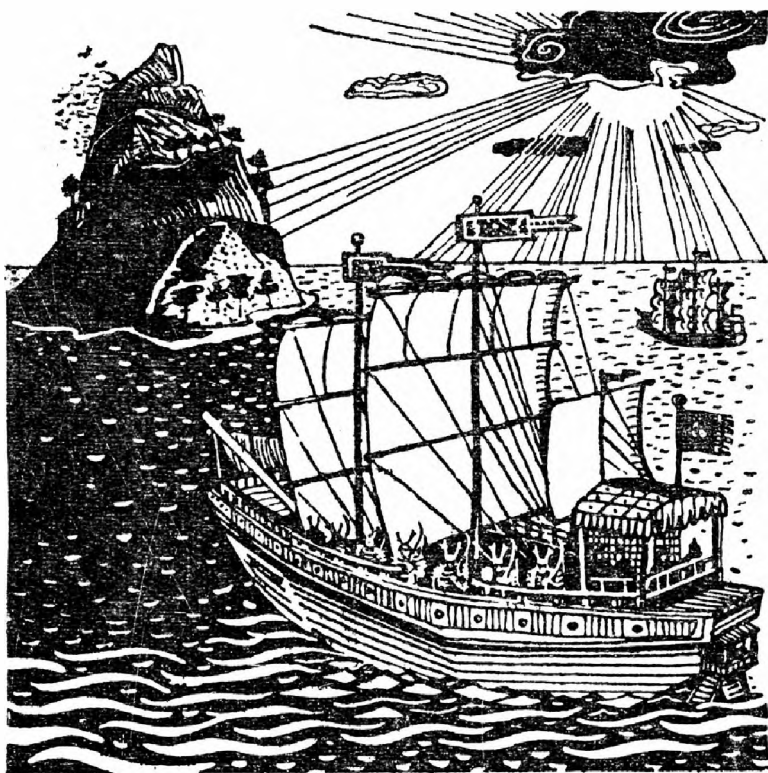
решили они пристать к маленькому острову в открытом море.

Вышел Юривака и все его спутники на берег. Вечером устроен был пир в честь победы. Давно Юривака не брал в рот ни капли вина и с непривычки сильно захмелел. Уснул он крепким сном.

Но были среди верного войска два брата — Каранака и Мотомаса. Втайне ненавидели они молодого Юривака. Хотелось им присвоить славу победы.

Великое предательство задумали братья. Обманули они ловко сплетенной небылицей всех других воинов и отплыли на кораблях, покинув Юривака одного на пустынном берегу. А прибыв в Японию, братья объявили:

— Предводитель наш Юривака убит в бою.

Все почести достались братьям. В столице пожаловали им звание военачальников. Скоро Каранака и Мотомаса вошли в такую силу, что стали править всеми Девятью провинциями.

Но велико было горе Касуга-химэ. Вспоминая прощальные слова Юривака, она заливалась горькими слезами. Дни и ночи тосковала Касуга-химэ.

Но вот однажды явился к ней посол от Каранака и стал уговаривать ее выйти замуж за своего господина.

А для Касуга-химэ это было хуже смерти. Не стала она и слушать посланного.

— Я жена молодого Юривака. Не пойду за другого.

Много раз засылал к ней сватов Каранака. Никак он не хотел оставить ее в покое. Под конец пришел он в страшный гнев и заточил непокорную Касуга-химэ в темницу.

* * *

Крепко захмелел молодой Юривака. Всю ночь проспал он, а наутро видит: покинули его. Пустынно море, не белеет в нем ни одного паруса. Пусто на острове, нет на нем ни души, кроме Юривака!

Но остались у Юривака его могучий лук и верный сокол. Звали этого сокола Футимару. Всюду он следовал за своим господином, не покинул его и теперь.

— Футимару!.. Ты мой единственный друг. Я — прославленный стрелок Юривака — упал духом и не надеюсь больше на спасение. Придется мне, видно, погибать одному на безлюдном острове.

Словно понял сокол слова своего господина. Взмыл он кверху и начал с громким криком кружить над головой Юривака, как будто бы хотел ободрить его.

К счастью, на острове росли плодовые деревья и не было недостатка ни в рыбе, ни в птице. Стал Юривака добывать себе пропитание охотой, стрелы его не знали промаха.

А жена его Касуга-химэ вздыхала в дальней темнице. Не раз она думала: «Хоть бы умереть скорее... Наложить на себя руки — и конец!»

Но каждый раз отгоняла эту мысль: «Рано отчаиваться! А вдруг Юривака жив?»

Однажды услышала Касуга-химэ шум птичьих крыльев. Поглядела она сквозь решетку окна и увидела, что с неба, кружась, спускается сокол.

— Ах, неужели это Футимару? Футимару... Значит, жив еще Юривака.

Стала Касуга-химэ гладить сокола, а сердце у нее в груди так и бьется, так и трепещет.

Написала она стихотворение на листке и привязала листок к ноге сокола.

— Лети, Футимару, отнеси эту весточку твоему господину.

Прочитал Юривака письмо своей жены и в лице переменился. Даже ее не пожалели враги! Захотел он написать ей стихотворение в ответ, да нечем было. Тут надрезал он палец и написал письмо кровью на обрывке полотна. Снова полетел верный сокол к Касуга-химэ с письмом от своего господина.

Прочла Касуга-химэ стихотворение, написанное кровью, и полились у нее слезы. Взяла она кисть и тушечницу с тушью, завернула в платок и привязала к ноге Футимару. С трудом взлетел сокол и медленно-медленно полетел вдаль. Но слишком тяжело было ему лететь, и упал он в морские волны.

Прошло несколько дней, и принесли волны труп верного сокола к берегу острова. Увидел его Юривака и похоронил на вершине горы. Теперь он остался совсем один.

Каждый день поднимался Юривака на гору и зорко вглядывался в даль моря: не покажется ли парус? И вот однажды в самом деле приплыл к острову рыбацкий челнок. «Уж не сон ли это?» — подумал Юривака.

— Эй, рыбаки! — закричал он громким голосом. — Возьмите меня в ваш челнок. Зовут меня Юривака, родом я из страны Бунго...*

Но что это? Рыбаки должны были увидеть и услышать его, а между тем челнок вдруг поспешно повернул назад и стал удаляться.

— Эй, эй, люди на челне! Я Юривака, в самом деле Юривака... Постойте, возьмите меня! Не чудище я, а живой человек.

Но напрасно кричал он!

Юривака оброс бородой до самых глаз, волосы у него висели длинными лохмами, платье изорвалось... Даже за человека не признали его рыбаки. Понял это Юривака и горько рассмеялся.

Так пробыл он на острове два долгих года. Но наконец все же приняли его на какой-то корабль и доставили на родной берег.

А в этот самый день было там по случаю большого праздника устроено состязание по стрельбе из лука.

— А ну, кто из вас сумеет выстрелить из этого лука? Если есть такой силач, выходи! — громко потешался Каранака, показывая пальцем на огромный железный лук.

Думал он, что никто не откликнется на его зов, но вдруг выходит из толпы неторопливым шагом молодой Юривака. Никто не признал его, так он изменился.

— Ну что ж, незнакомец, попытай свое счастье! — усмехнулся Каранака. — Мы позабавимся!

Наложил Юривака на тетиву длинную-длинную стрелу и легко натянул лук. Громко завизжала в воздухе стрела, полетела так быстро, что глазом не уследишь, и вонзилась в самую середину меты...

А за ней вторая, третья... Одна стрела вонзается в другую.

— О, да ведь это сам Юривака!

— Смотрите, молодой Юривака!

— Юривака вернулся! — зашумели люди. Тут уж и братья-предатели поняли, что перед ними сам Юривака, но было поздно! Четвертая стрела пробила грудь Каранака. Хотел было Мотомаса спас-

тись бегством, но пятая стрела догнала его и пронзила насквозь.

Так пали от руки Юривака братья-предатели, а сам он поспешил туда, где сидела в темнице жена его Касуга-химэ. Растворились перед ней двери, и вышла она, радостная, на свободу.

И с тех пор в Девяти провинциях воцарились спокойствие и мир.

ПЕВЕЦ С ОТОРВАННЫМИ УШАМИ *

Случилось это в старину, в далекую старину, много веков тому назад. В селенье Акамагасэки был храм Амида, где молились за упокой всех погибших из рода Тайра. Настоятель этого храма очень любил слушать одного слепого певца по имени Хоити. Нищий Хоити бродил по окрестным деревням и под звуки цитры пел о падении и гибели могучего рода Тайра, о великих битвах прошлого.

Настоятель приютил Хоити у себя в храме и стал заботиться о нем.

Однажды летом, под самый вечер, позвали настоятеля в дом одного из прихожан совершить заупокойную службу. Вместе с ним пошли и служки. Хоити остался в храме один.

Стояла душная жара, и слепцу не спалось. Сидя на веранде, он поджидал настоятеля.

Вдруг подул прохладный ветерок, и со стороны ворот послышались чьи-то тяжелые шаги. Слепец прислушался. Наверно, это шел воин: в лад шагам доспехи побрякивали. Воин остановился прямо перед слепцом и сказал:

— Я слуга одного высокого лица. Мой господин сейчас находится в Акамагасэки. Узнал он, что есть здесь хороший певец, умеющий играть на цитре. Он хочет послушать тебя. Идем же со мной немедленно.

Слепцу показалось, что его влечет какая-то неотвратимая сила. Не мог он отказаться и взял свою цитру, а воин повел его куда-то за руку.

Короткое время шли они по дороге неизвестно куда, а потом поднялись по ступеням лестницы, такой высокой, словно вела она во дворец. Удивился Хоити, он ведь знал, что поблизости никакого дворца не было. Но вот слышит он: ввели его в залу, полную знатных людей; шуршат шелка женских одежд, слышится вежливая речь придворных...

— Господин наш соизволил пожелать, чтоб исполнил ты сказ про битву Данноурá. Начинай же! — прозвучал властный, сухой голос. Так могла говорить только самая знатная госпожа.

Повинуясь ей, Хоити заиграл на цитре и запел о гибельной битве. В зале все затихло, не слышно было ни звука.

Но вот начал он сказ о том, как старая государыня Нии погрузилась в пучину моря вместе с юным императором Антóку.

О, горе, горе!
Великое горе!
Смотрите,
Как ветер внезапно развеял
Весенний, едва лишь раскрывшийся цвет.
О, печаль!
О, рок беспощадный!
Смотрите,
В бурных волнах исчезает
Прекрасный, как яшма, царственный лик.

При этих словах вдруг послышались неистовые стоны и леденящий душу плач. Певец замолк, но рыдания долго не утихали.

Наконец Хоити покинул дворец, удостоившись самых высоких похвал.

— Наш господин восхищен твоей игрой на цитре. Еще шесть ночей подряд мы будем посылать за тобой. Смотри же непременно приходи, но никому об этом ни слова! — приказал певцу тот же самый повелительный женский голос.

Хоити обещал молчать.

На следующую ночь опять пришел за ним тот же воин и снова отвел слепца туда же, куда и прежде.

Снова Хоити начал сказ о гибели рода Тайра. И снова еще громче прежнего раздалось рыдания,

возгласы: «О, горе нам, горе!», глухо зазвенело оружие... И раньше, бывало, люди плакали, слушая певца, но таких скорбных вздохов и стенаний он никогда еще не слышал.

Незадолго до рассвета слуга отвел его назад в храм.

Но настоятель заметил, что Хоити странным образом ушел куда-то поздней ночью, никому не сказавшись.

— Послушай, Хоити! Куда это ты ходил в такой поздний час? — мягко спросил он слепца.

Но Хоити, помня свое обещание, не проронил ни слова.

Встревожился настоятель и велел служкам следить за слепцом. Когда ночью Хоити потихоньку вышел из храма, один из служек пошел за ним по пятам.

Ночь была ненастная. Стояла непроглядная темь. Хоити шел вперед уверенным и быстрым шагом, как будто кто-то вел его за руку. Служка скоро потерял слепца из виду и хотел уже повернуть назад, как вдруг до него донеслись со стороны кладбища громкие звуки цитры.

«Тут что-то неладно...» — насторожился служка и пошел поглядеть. Видит он: сидит Хоити перед усыпальницей Тайра, играет на цитре и поет о битве при Данноура, а вокруг него летают синие огоньки.

Испуганный служка схватил слепого певца, силой потащил его оттуда и все рассказал настоятелю. Лишь тогда Хоити поневоле открыл свою тайну.

— Страшное дело! — воскликнул настоятель. — Жаль мне тебя, Хоити, ты попал во власть мертвецов. Того, кто хоть раз говорил с мертвецами, они уже считают своим и ни за что не выпустят из-под своей власти. Ночь от ночи они будут все больше приходить в неистовство, пока не растерзают тебя. Беда нависла над тобой. Но попробую спасти тебя чудесной силой сутры, отгоняющей демонов.

Тут, с помощью служки, раздел он Хоити донага и написал повсюду кистью на его теле священные знаки этой сутры.

— Когда за тобой придут ночью, смотри — ни звука. Сиди неподвижно. Если пошевелишься, если подашь голос, тебя утащат силой, и тогда ты погиб, — сказал слепцу настоятель, и к вечеру он снова ушел. Хоити остался один.

Настала глубокая ночь.

Слепец, как всегда, сидел на веранде. Вдруг снова зазвучали знакомые шаги посланного воина. Он остановился перед слепцом и властно позвал:

— Хоити!

Но тот замер, затаив дыхание.

— Хоити! — снова позвал посланный еще суровее прежнего.

— Хоити! — крикнул он в третий раз, голосом, полным гнева.

Но Хоити словно в камень обратился. Тогда воин тяжелыми шагами взошел на веранду, наверно, для того, чтобы потащить его силой, но вдруг застонал:

— О-о-о! — и медленно попятился назад. — Кто это? Кто сидит здесь, весь покрытый священными письменами? Я не могу приблизиться. Страшно мне, страшно! Я не в силах подойти. Сотри эти письма, скорее, скорее!

Потом наступило молчание. Хоити почувствовал на себе пристальный взгляд.

— А! — внезапно воскликнул воин. — А! Остались незащищенные места. Вижу твои уши! Я все-таки заставлю тебя пойти со мной.

И он ухватил слепца за оба уха и с силой потащил за собой. Хоити почувствовал нестерпимую боль,

но стиснул зубы и не издал ни звука и не сдвинулся с места. Воин еще раз рванул изо всех сил и оторвал ему оба уха напроочь. Кровь хлынула ручьями, но Хоити так и не пошевелился.

— Покажу эти уши моему господину в знак того, что я приходил сюда! — воскликнул посланный. Шаги его начали удаляться и замерли вдали, а Хоити упал без памяти.

Когда настоятель вернулся, он горько пожалел о том, что забыл написать священные знаки на ушах слепца. Из-за этого Хоити был на волосок от гибели...

Слух об этом чудесном происшествии распространился повсюду. Все говорили о «певце с оторванными ушами». Народ стал собираться толпами, чтобы послушать Хоити. И вскоре безвестный до того певец стал славен по всей Японии.

ГОРШОК БЕЛЫХ ХРИЗАНТЕМ

В старину, в далекую старину, жил один князь. Была у него законная жена, но он о ней и думать позабыл с тех пор, как взял себе молодую наложницу. Дни и ночи проводил князь в покоях своей возлюбленной, а покинутая жена обливалась слезами. Только и утехи ей было, что играть на цитре.

Но вот однажды явился к супруге князя посланный от наложницы с просьбой дать на время цитру. Слова не сказала жена, отдала свою любимую цитру и стала играть на простом сямисене*. Хорошо она играла, заслушаешься.

Узнала про это наложница и позавидовала. Послала она слугу за сямисеном. Отдала жена и сямисен. Только и радости у нее осталось: горшок хризантем. Были эти хризантемы белее первого снега. Целый день любовалась на них покинутая жена, утирая слезы.

Но вскоре явился посланный от соперницы: просит она отдать ей горшок хризантем. Отослала жена князя цветы вместе с таким стихотворением:

Я цитру свою отдала,
Я отдала сямисен,
Любимого отдала я.
Так стану ли я жалеть
Вас, белые хризантемы?

Поняла наложница всю низость своей души, и стало ей стыдно. Покинув дом князя, скрылась она куда-то, а князь снова вернул свою любовь жене.

**ВЕЧЕР
СЕДЬМОЙ**

ЖРЕЦ, ВРАЧ И КАНАТНЫЙ ПЛАСУН В АДУ

В старину это было.

Как-то раз на празднике богини Кáннон в деревне Мацуё один канатный плясун показывал свое искусство. Зрителей собралось великое множество. Но вдруг неведомо по какой причине упал канатный плясун с высоты и разбился насмерть.

А в это самое время умер от простуды местный врач. Заодно с ним отправился на тот свет и старый жрец *, подавившись рисовой лепешкой на празднике в честь бога — покровителя кухонного очага.

Явились все трое на суд к владыке преисподней — князю Эммá *. Первым взял слово канатный плясун:

— Всемиловитый повелитель наш Эмма, в земном мире был я искусным акробатом и приносил радость людям. Пошли же меня за это в райскую обитель.

— Нет, врешь, врешь, за всю свою жизнь ты ни одного нового фокуса не показал, работал по старинке, да и то нечисто... Даром только с людей деньги брал. Ступай же в преисподнюю.

Вторым стал говорить врач:

— Господин наш Эмма, когда я жил в земном мире, то сделал много добра. Я исцелял людей от болезней. Не было врача искуснее меня. Пошли же меня в светлый рай.

— Лжешь, жалкий знахарь, — загремел князь Эмма. — Ты не умел правильно распознать ни одной болезни, назначал бесполезные лекарства. Сколько больных заморил! Даром только драл с людей деньги. Ступай же в ад крошечный!

Настала очередь жреца.

— Господин наш Эмма, я в бытность мою на земле беседовал с богами, услаждая их молитвами и празднествами. Внимая мне, боги дарили свою милость людям. Нет выше моей заслуги! Уж я-то, наверно, достоин рая!

— Вот ты как раз самый худший из всех плутов и обманщиков! — в гневе закричал Эмма. — Всю жизнь ты людей обманывал. Учил их всяким глупостям: прикладываться к амулетам, читать разные заклинания, изгонять злых богов, посылающих болезни... И ты тоже даром брал с людей деньги. Проваливай в преисподнюю!

Нечего делать, пришлось всем троим отправляться в ад. А там уж был получен приказ князя Эмма. Схватили черти всех троих и потащили к огромному котлу. А в котле горячая вода ключом бурлит, клокочет. Страшного вида черт заорал на них:

— Эй вы, полезайте в котел. Сейчас вам крышка, сварю вас в кипятке.

И в самом деле держит в руках большую крышку.

Врач с канатным плясуном испугались:

— Конец нам пришел! Что делать, как выпутаться из беды?

— Успокойтесь и ложитесь на меня, — отвечает жрец. — Есть у меня против огня и адского жара хорошее средство.

И забормотал себе под нос заклинание от огня...

Влезли все трое в котел, а вода начала остывать...

— Вот здорово-то, вода сейчас в самую пору. Ух, как приятно! Эй ты, чертово рыло, подкинь еще дровец.

Развеселились трое, нежатся в теплой водичке. Стало чертям тошно от досады.

— Ну, хватит! Вечно, что ли, вы собираетесь в этом котле прохладяться? Вылезайте, негодные грешники, не то раскаетесь.

Видят черти: вода остыла, начали дров в огонь подбавлять. Носят дрова охапками. Сожгли все топливо в аду, а котел не закипает.

Побежали черти с докладом к князю Эмма.

— Ну, ладно же, — разгневался владыка преисподней. — Вытащите их из котла и отправьте на Гору мечей.

Погнали черти троих нагишом к высокой горе. А эта гора от подножья до самой вершины острыми мечами утыкана. Сверкают клинки красным огнем, страшно глядеть.

— Вот когда мы пропали! Ах, неужели нет средства спастись? — горюют жрец с врачом.

— Есть, как не быть, — отвечает им канатный плясун. — Надейтесь на меня. Я вызволю вас из беды.

Посадил он на правое плечо жреца, а на левое врача и затянул песню:

Эй-эй-эй, ясаноса.
На правом плече
Несу жреца.
На левом плече
Несу врача.
Эй-эй-эй, ясаноса.
Скачи, плясун,
Ноша хороша.

Стал канатный плясун через мечи перескакивать: прыг-скок, прыг-скок! Работенка для него привычная, легкая; быстро добрался до самой вершины. Сидят трое на горе и любуются! Ах, взгляните туда,

как красиво! Нет, лучше вон туда поглядите, какой замечательный вид!

Черти даже зубами от злости закричали, бегут к князю Эмма жаловаться.

— Ну, погодите, узнают они меня, мерзавцы этак! Тащите их ко мне, я с ними мигом расправлюсь.

Схватили черти жреца, врача и канатного плясуна, приволокли силком к грозному князю Эмма.

— Ах вы, подлецы, смеяться над нами задумали? Вот я вас сейчас проглочу, — заревел князь Эмма и разинул свою пасть, страшную, словно жерло вулкана.

А врач — прыг в нее, легче лягушки. Не успел князь Эмма сжать свои острые зубы, как врач уже очутился у него в животе.

«Ох, кажется, я его целиком проглотил», — подумал князь Эмма и снова разинул рот, а канатный плясун прыг к нему в глотку. Эмма только впустую зубами лязгнул. «Смотри ты, и этого целиком проглотил!» Но только Эмма раскрыл снова рот, как жрец проскользнул у него между зубов.

Все трое вновь встретились в животе у князя Эмма.

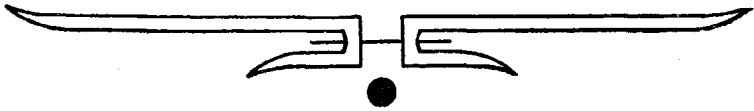
— Вот уж теперь мы совсем пропали! — приуныли жрец с канатным плясуном.

— Вы два раза спасли меня, — говорит врач. — Теперь моя очередь. Не падайте духом, подбодритесь, я вас выручу.

Достал он из коробочки пригоршню порошка и давай сыпать во все стороны. Поднялись у князя Эмма в животе колики, забурлили вихри. Раз — вылетел канатный плясун. Два — вылетел жрец. «Неужели я здесь один останусь!» — испугался врач и высыпал порошок весь до конца. Завопил князь Эмма. Разыгралась у него в животе сильная буря — и вылетел врач, легче пушинки.

— Гоните их в шею вон из ада! — завопил Эмма чертям. — Пусть убираются назад на землю. Ты, канатный плясун, ступай опять кувыркаться на своем канате. Ты, жрец, иди в свой храм бормотать молитвы. А ты, врач, мори других. С меня хватит!

Так они все трое — жрец, врач и канатный плясун — благополучно воротились из преисподней на землю.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РОТОЗЕЯ ТОРАЯНА

Жил некогда у нас в городе Осака, в квартале Тэмма один молодой парень по имени Тораян. По приказу своей матушки он готовил дóмбури¹ из угрей на продажу. Тем и промышлял. Очень боялся сынок своей строгой матушки, но, что поделаешь, был он порядочный ротозей и часто попадал впросак.

Как-то раз купил он большого жирного угря, положил на доску и хотел было ножом отхватить ему голову, да, по обыкновению, зазевался. Соскользнул угорь с доски, вильнул хвостом — и в канаву, оттуда в другую. А канавка эта была длинная, вела прямо в поля.

— Эй, куда ты, негодяй! Постой, милый, подожди!

Бежит Тораян за угрем, расставив руки, но куда там! Разве поймаешь! Вот прибежал он на поле, где редька росла. Крикнул на него хозяин:

— Эй ты, чего здесь бегаешь по моей земле?

— Чего, чего! Ловлю сбежавшего угря, вот чего! Да уж, видно, не поймаю. Как же я теперь вернусь домой с пустыми руками? Мать забранит. Ах, несчастный я, лучше бы не родиться мне на свет. Домой идти боюсь. Куда я теперь пойду?

— Ну, что разнюнился, — говорит ему крестьянин. — Слезами горю не поможешь. Если боишься

¹ Д ó м б у р и — кушанье из жареных угрей с рисом.

домой идти, поступай ко мне в работники, поможешь редьку собирать.

Обрадовался Тораян, взялся за работу. На беду, попалась ему большая редька с таким крепким корнем, ну никак не выдернешь. Понатужился Тораян, уперся ногами, тянет, потом обливается:

— Унтокоса! Раз, два — взяли! Идет, идет, пошла!

Как рванет изо всех сил, выскочила редька из земли, а самого Тораяна подбросило высоко-высоко, под самые небеса. Покрутился он в воздухе, как волчок, и хлоп! Упал посреди двора одного бочара на Улице бочаров.

Онемел бочар от испуга:

— Откуда ты? Вот уж, правда, с неба свалился!

— Вытянул я из земли большую редьку. Как выскочит она, меня к вам и забросило, — со слезами стал рассказывать Тораян, потирая ушибленный зад. — А идти мне теперь некуда. Не приютишь ли ты меня, хозяин?

— Вот оно, выходит, какое дело, — стал размышлять бочар. — Ну что ж, мне как раз нужен работник. Будешь ободья на бочки набивать.

Начал Тораян набивать бамбуковый обод на бочку, но был он ротозей, на руку неприкладистый. Согнул обод в круг, да не удержал.

Пин! — щелкнул обод, и полетел Тораян вверх, словно стрела, спущенная с тетивы. Хлоп! Упал он на землю во дворе одного зонтичных дел мастера на Улице зонтов.

— Ай, ай, ай, больно! — закричал Тораян, подпрыгивая от боли и потирая свой дважды ушибленный зад.

— Ты откуда такой взялся, с молотком в руке? — удивился хозяин. — Каким ветром тебя занесло?

— Служил я у одного бочара, набивал ободья на бочку. А один обод так сильно щелкнул меня, что взлетел я под самые небеса... Стыдно мне теперь к бочару возвращаться, не приютишь ли ты меня, хозяин, у себя?

— Что ж, хорошо! Натягивай бумагу на зонты, если сумеешь.

Взялся Тораян за дело. Натянул бумагу на огромный зонт и понес его показывать хозяину. Вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь. Не выпустил ро-

тозей вовремя зонт из рук, и понес его ветер, закрутил, как пушинку. Все выше и выше летит Тораян сквозь облака и очутился на самом небе.

Видит он: стоит какой-то дом. Позвал Тораян хозяев, и вышла к нему диковинного вида женщина. Глаза у нее

так и сверкают. Зажмурился Тораян, а она говорит:

— Ты как попал к нам сюда, человек? Это ведь дом громовиков *, а я — Огненная зарница.

Подкосились ноги у Тораяна. Насилу-то насилу сошло у него с языка:

— Унес меня зонт на самое небо. Куда я теперь денусь? Пожалей меня, дай мне приют.

Тут как раз идут огромные черти, стуча в барабаны. Это и были громовики. Рассказал им Тораян про свою беду.

— Ну что ж, пожалуй, — говорят. — Поможешь нам. Как ударим мы в свои барабаны: горо-горо-горо-горо, ты сразу лей воду из кувшина.

— Уж постараюсь.

Стал Тораян служить громовикам. Они бьют в барабаны, а он льет воду из огромного кувшина. А как глянет вниз на землю, так смех его и разбирает:

— Вот смех-то, веселая работенка! Ой, вот потеха!

Льет Тораян, не жалеет воды, а на земле суматоха, люди бегают, как встревоженные муравьи, белье с шестов снимают, зонты раскрывают, прячутся кто куда. Загляделся Тораян, зазевался, раз! — и поскользнулся. Полетел с неба вверх тормашками, да и угодил в самую середину Осацкого залива. Плюх! Пошли круги по воде.

С большой высоты летел Тораян и в один миг очутился на дне.

Стоит под водою дивный дворец, так и сверкает всеми цветами радуги.

— Ой, что это? Никак, дворец Повелителя драконов?

Вышла к Тораяну Отохимэ, прекрасная дочь морского царя, и проводила гостя в палаты. Подали ему богатое угощение, а потом начались во дворце веселые пляски. Развеселился Тораян, а Отохимэ ему наказывает:

— Смотри же, гость, если спустится сверху какое-нибудь вкусное лакомство, не польстись на него — беда случится.

Через некоторое время вышел Тораян в сад погулять. Вдруг спускается откуда-то сверху кусочек мяса, да такой на вид нежный и вкусный. Болтается он перед самым носом Тораяна. Был Тораян сыт до отвала, но тут не устоял, поймал приманку ртом, да как завопит:

— Ай, колет, колет! Больно!

Мясо-то было на рыболовный крючок насажено. Проколот крючок губу Тораяну. Чувствует Тораян, тащат его кверху. Как выставил он голову из воды, рыбаки на лодке крик подняли:

— Чудище, чудище! Поймали мы на крючок чудище морское!

Тораян им в ответ со слезами:

— Да какое я чудище! Такой же человек, как и вы! Спасите, помогите!

— И правда, как будто человек! Выходит, ребята, мы человека выудили!

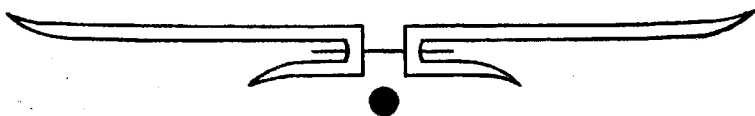
Таращатся рыбаки на Тораяна в изумлении.

— Откуда ты взялся такой? Какого роду-племени? Где живешь?

— Живу я в Тэмма, тут неподалеку.

— Вот так штука, выходит, поймали мы на удочку парня из квартала Тэмма! Куда только наш брат не заберется!

Взвалили они Тораяна на плечи и понесли его домой к строгой матушке на расправу.

ТРЕУГСЛЬНЫЙ СОН

В старину это случилось, в далекую старину. Жили в одном городке два приятеля: Тэппэйроку и Хатикоробэй. Раз в новогодний вечер сговорились они между собой рассказать друг другу, какой первый сон каждому приснится. За беседой и чаркой вина Хатикоробэй незаметно для себя вздремнул. Во сне разобрал его смех: хе-хе-хе, хи-хи-хи. Тэппэйроку поскорей растолкал приятеля:

— Ага, Хатикоробэй, ты уже видел свой первый новогодний сон. И, уж наверное, любопытный! Скорей выкладывай, что тебе снилось.

— А, глупости! Я, правда, немного клевал носом, но чтоб я спал! Да ни одной минутки!

— Не ври, дрых вовсю и так громко хихикал, будто тебя щекочут. Значит, тебе сон привиделся. Ну, говори какой, мне не терпится узнать.

— Не знаю, хихикал я или нет, но никакого сна я не видел. Что пристал? Мне-то лучше знать. Не видел — и все!

— Нет, врешь, видел, видел. Зажилил сон, сквалыга!

Тут закричали оба: ты видел сон; нет, я не видел. Слово за слово, закипел у них спор, а где спор, там и ссора: «Посулил мне сон, так выкладывай!» А после ссоры пошла у них тяжба. Потацил Тэппэйроку силком Хатикоробэя в суд.

А судья стал требовать: сознайся да сознайся, что утаил новогодний сон. Но Хатикоробэй уперся на своем: не видел я сна, которого не видел. Разгневался судья и велел привязать Хатикоробэя к верхушке сосны на горе Готэк. Качает его там холодный ветер.

Ночью вдруг прилетел тэнгу, кружась и порхая в воздухе, словно большая птица, и опустился на сосну.

— Эй, кто тут? Отзовись!

— Это я, Хатикоробэй.

— А зачем ты здесь ночью на верхушке дерева?

— Да вот принуждает меня судья сознаться, что я видел сон, которого не видел, и велел привязать меня к сосне.

— Ах ты бедняга! Я развяжу тебя.

— Спасибо тебе, господин тэнгу, от всей души спасибо. Но скажи мне вот что: как ты летаешь по воздуху? Верно, мудреное это дело?

— И вовсе нет, наука здесь небольшая. Каждый может так летать, кто владеет сокровищем тэнгу.

— А что это такое, сокровище тэнгу?

— Вот оно, погляди. Видишь эту палку? На вид простая, но есть у нее чудесное свойство. Когда хочешь взлететь на небо, надо махнуть палкой и сказать: «Ситяракатянтян, ситяракатянтян». А надо тебе спу-

ститься вниз, махни палкой и скажи: «Одзуй-дзуйнодзуй, одзуйдзуйнодзуй». Только и всего. Но вот что я тебе скажу! Ты уверяешь, будто не видел сна, а на самом деле видел, да еще какой! Хочешь поменяться со мной? Ты мне отдашь свой вещий сон, а я тебе — чудесную палку?

— И правда, эта палка — чудо из чудес. Пожалуй, давай меняться. Но покажи наперед, какова-то она на деле.

— На, попробуй, — сказал тэнгу и отдал чудесную палку.

Хатикоробэй крикнул: «Ситяракатянтян, ситяракатянтян!» — взмахнул палкой и легко взлетел в небо.

Понравилось ему, летает, летает, а назад не спускается. Ждал его тэнгу, ждал и завопил громким голосом:

— Хатикоробэй, довольно, верни мне мое сокровище. Не надо мне твоего сна, только отдай палку.

Но Хатикоробэй летел все дальше и дальше. Что мог поделать бедный тэнгу?

Долго бы еще носился в воздухе Хатикоробэй, но есть захотелось. Надо было спус-

каться вниз. Сказал он: «Одзуйдзуйнодзуй, одзуйдзуйнодзуй», — взмахнул палкой и очутился на земле в городе Нумата.

Смотрит Хатикоробэй по сторонам, где бы ему поест. А неподалеку стоит дом, на нем треугольная вывеска с надписью: «Харчевня «Три угла».

«Вот тебе на, странная вывеска! Что бы это значило? — думает Хатикоробэй. — Зерна гречихи — треугольные: может, здесь гречневой лапшой кормят?»

Постучал он в дверь.

— Эй, кто тут хозяева! Нельзя ли поесть у вас гречневой лапши?

На стук вышел хозяин с заячьей губой.

— Пожалуйста в дом, вот сюда, вверх по лестнице.

Поднялся Хатикоробэй в верхнее жилье и очутился в треугольной комнате.

Спрашивают его:

— Не угодно ли сначала в бане помыться?

Пошел он в баню. Стоит там треугольный чан, а Заячья Губа огонь под ним разводит. Выкупался Хатикоробэй.

— Ну, теперь несите мне лапши, да побольше!

Поставили перед ним столик. Глядит Хатикоробэй: и столик-то диковинный — с тремя углами.

— Э, видно, у них тут все на три угла.

Начал Хатикоробэй уплетать за обе щеки лапшу. Вдруг откуда ни возьмись запрыгала по столу треугольная лягушка: шлеп, шлеп, шлеп. Только кончил он есть, как Заячья Губа подал счет. А денег у Хатикоробэя, как на грех, ни гроша.

— Не стоит эта лапша денег, по ней лягушка прыгала. Не буду платить.

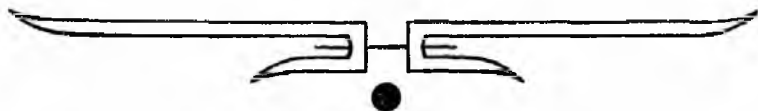
— Вот еще, выдумал! На дармовщину поесть захотел. Давай деньги!

Заспорил Заячья Губа с Хатикоробэем и схватился с ним врукопашную.

Получил Хатикоробэй тумака и скатился с лестницы. Как ударился лбом о треугольный столб! Вскочила у него на лбу треугольная шишка. От боли Хатикоробэй охнул и открыл глаза... Какое счастье! Все было только сном!

А приятель спрашивает:

— Так что же приснилось тебе в новогоднюю ночь?

РАССЕЯННЫЙ

Жил некогда один человек, на редкость рассеянный и суматошливый. Как-то раз собрался он пойти в храм бога Инáри* на праздник и говорит своей жене:

— Жена, завтра я пойду в храм бога Инари. Приготовь мне с вечера моти* на дорогу. Мне идти далеко.

Утром он встал рано, до рассвета. Жена еще лежала в постели.

— Жена, а жена! Где моти?

— У окна.

А ему послышалось: «У очага!»

Пошарил он у очага и нашел круглый горшочек, в котором жена держала краску — зубы чернить. Впопыхах он решил, что отыскал моти.

— Жена, а жена! Где платок — завязать моти?

— На полочке.

А ему послышалось: «На постели».

Поискал он на постели, нашел широкий женин пояс и думает — платок. Завязал в него горшочек и привесил к поясу. А за пояс вместо ножа деревянный пестик засунул.

— Жена, а жена! Где моя плетеная шляпа?

— Поищи на кухне.

Поискал он на кухне, нашел соломенную корзину и надел ее себе на голову.

Потом стал обуваться. На правую ногу надел носок*, а на левую — забыл. На левую ногу надел сандалию, а на правую — забыл. Так и вышел из дому.

Идет рассеянный по дороге. Начал день заниматься. Попалась ему на пути деревня, а люди там показывают на него пальцами и смеются.

— Глядите! Глядите! Вот идет какой-то чудак с корзиной на голове. И откуда только у него такая невиданная шляпа!

Он подумал: «Про кого это говорят?»

Оглянулся назад, никого нет.

«Неужели про меня?»

Снял шляпу, взглянул — вот тебе и на! Да это не шляпа, а корзина. Забросил он ее подальше в траву.

Шел, шел, и снова деревня на дороге. Опять люди смеются.

— Смотрите, как этот прохожий обулся? С пьяных глаз, что ли?

Поглядел — правда. Отошел он от деревни, разулся, забросил в траву носок с сандалией и пошел босиком.

Опять деревня на дороге. Люди на него показывают:

— Смотрите! Берегись, заколет! Вот чудак, пестик за пояс заткнул!

Посмотрел — и в самом деле, у него за поясом деревянный пестик. Отошел он от деревни и забросил пестик в поле.

Пришел рассеянный в храм, видит: у ворот храма амулетами торгуют. Было у него с собой сто монов. За амулет хотел он отдать три мона, а на остальные выпить и погулять, да опять впоныхах ошибся. Три мона оставил себе, а девяносто семь бросил в ящик для сбора денег. Что будешь делать? Взять назад известно, а на три мона не попируешь. Пошел он за горку позади храма, где народу не было. Развязал узелок с едой — глядь, а там пустой горшочек.

Схватил он его да как швырнет с досады! Покатился горшочек, ударился о камень и разбился.

Стал рассеянный сворачивать платок, — что это? — длинные завязки болтаются. Посмотрел, а это не платок, а женин нижний пояс. Бросил его рассеянный, точно обжегся. Стал искать, чем подпоясаться, да вдруг видит: халат-то на нем надет шиворот-навыворот. Ахнул рассеянный и побежал с горки подальше от людей. А есть, как на грех, все больше хочется.

Не до праздника ему стало, не пошел в храм на представление поглядеть, а повернул домой.

Попалась ему по дороге лавка. Выставлен перед ней белый камень, похожий на рисовую лепешку, в знак того, что здесь торгуют лепешками.

Спросил рассеянный:

— Сколько лепешка стоит?

Ему говорят:

— Три мона.

«Куплю, думает, одну. У меня как раз три мона осталось».

Положил деньги, схватил камешек и пошел.

Удивился продавец, закричал ему вслед:

— Стой! Это не лепешка, а камень! Настоящую лепешку я тебе сейчас дам.

Куда там! Рассеянный подумал, что с него еще денег просят. Крикнул:

— Я же положил тебе три мона! — и побежал со всех ног. Продавец хотел было догнать его, да не смог.

Отдышался рассеянный, положил лепешку в рот и — крак! — сломал зуб. Глядит, а это не лепешка, а белый камень. Бросил рассеянный его в реку и еще скорей побежал домой. Бежит он, злой, голодный, и думает: «Жена во всем виновата! Не сумела собрать меня в дорогу как следует. Приду домой, я ей покажу!»

Вбежал он в дом и кричит с порога:

— Ах ты негодница! Осрамила меня, на весь свет ославила!

— Ты чего ругаешься, сосед? Чем я тебя осрамила?

Глянул, а это не его жена, а соседка, и дом-то не его, а соседский.

Выскочил он оттуда как ошпаренный. Побежал в лавочку, взял в долг чаю, чтобы с соседкой помириться. Пошел к ней опять, протягивает сверточек чаю:

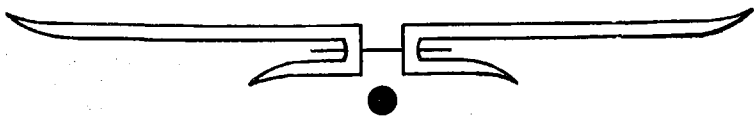
— Я сейчас нагрубил тебе. Прости, пожалуйста.

А она в ответ:

— Как же ты рано вернулся! Никогда еще этого не бывало.

Поглядел — а это его жена! По ошибке он в собственный дом вбежал. Делать нечего, отвечает рассеянный жене:

— Да там ничего любопытного не было. Не на что и глядеть. Решил я вместо выпивки побаловать тебя: видишь, подарочек принес. Завари-ка чаю!

СТАРИК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЗАГАДКИ

Жил некогда в одной деревне старик. Больше всего на свете любил он загадки отгадывать.

Вот как-то раз под вечер идет мимо его дома запоздалый путник. Ног под собой не чувствует от усталости, проголодался. Увидел он хибарку старика и думает: « Попрошусь-ка переночевать, может, пустят ». Постучался в дверь:

— Эй, кто тут хозяева! Отоприте, пожалуйста! Высунулся из дверей старик:

— Что тебе надо?

— Я — дорожный человек, устал, а на дворе ночь. Пусти переночевать.

— Пожалуй, пущу, но с уговором: загадай мне раньше загадку.

— Загадку, говоришь?

— Вот-вот, загадку, да почудней. А если не умеешь, лучше и не просись ко мне в дом. Ни за что не пущу, — усмехнулся старик.

Не знал путник ни одной загадки. Но что было делать! В глазах у него было темно от голода, ноги, словно палки, не гнулись.

— Загадаю, дедушка, непременно загадаю, только пусти меня к себе. Уж очень я утомился! — говорил путник, присев на порог и растирая усталые ноги. Старику стало жаль его.

— Ну, пожалуй, заходи, что ли!

Ввел он путника в комнату для гостей и спрашивает, посмеиваясь:

— Ну что, придумал уже загадку?

— Нет еще, с голоду ничего что-то в голову нейдет. Память отшибло!

— Эй, жена, готовь гостю ужин,— крикнул старик, повернувшись в сторону кухни. Жена принесла столик и поставила на него полные чашки.

— Подкрепись-ка с дороги, кушай,— приглашает старик.

Набросился голодный путник на еду и быстро все чашки опустошил. А старик на него насаждает:

— Ну как? Ну что? Пришла в голову хорошая загадка?

Гостю податься некуда. Опустил он глаза от смущения и вдруг видит: порвалась на нем одежонка в дороге, голое тело сквозит!

Вздохнул он:

— Не худо положить бы заплату на эту дыру.

— Как ты сказал? — обрадовался старик. — Положить заплату. Ага, догадался! Нет уж, за плату гостей я не принимаю, хватит и того, что они мне загадки загадывают. Эта была хороша, но придумай лучше.

Мнется путник.

— Прозяб я,— говорит,— как бы на меня хворость какая не напала...

— Хворость, говоришь? А, догадался! А ну-ка, жена, подложи хворосту в очаг, пускай наш гость погрееется хорошенько.

— Вот спасибо,— сказал гость, придвигаясь к очагу.— Прохватило меня до костей холодным ветром, словно чайку на морских волнах.

— Чайку на морских волнах? Понимаю, понимаю. Поддай, хозяйка, чайку. О, да ты, как я вижу, на загадки мастак.

«Ну, на этот раз пронесло!» — думает путник.

Уложили путника спать. Проснулся он на другое утро еще до свету. Как подумал, что опять к нему хозяин с загадками пристанет, так весь и затрясся от страха. «Надо, думает, уносить отсюда ноги, пока хозяин не проснулся».

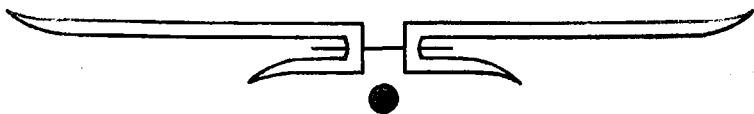
Выбрался потихоньку за дверь и побежал. На беду, старик вставал всегда затемно.

— Эй, эй, путник! — кричит он ему вдогонку. — Куда ты? Загадай мне еще одну загадку.

Споткнулся путник от неожиданности. Уронил покупку, которую домой нес: клещи. Зазвенели тяжелые клещи о камень. Подобрал их путник и помчался дальше, не оглядываясь.

— Это зачем же он мне клещи показал? — задумался старик. — К чему бы это? Ах, понял, понял! Верно, он хотел мне сказать: «Что ты, старый дурак, ко мне, как клещ, с утра прицепился со своими загадками!»

Устыдился старик и с той поры перестал от своих гостей требовать, чтобы они ему загадки загадывали.

САМУРАЙ НЕОЖИДАННО ДЛЯ СЕБЯ

В старину, в далекую старину, жил один крестьянин по имени Хатибэй.

Как-то раз пошел он в горы собирать хворост и вдруг увидел: лежит на земле самурай, из глубоких ран кровь так и льется. Пожалел его Хатибэй, взвалил на спину, принес домой и начал за ним ухаживать. Но все было напрасно.

Почувствовал самурай близкую смерть и сказал Хатибэю:

— Возьми себе мою одежду, возьми и этот меч. Верно он мне служил, пусть теперь тебе послужит.

Так Хатибэй нежданно-негаданно стал самураем. Нарядился он, вооружился и отправился в путь.

В первом же городе вызвал Хатибэя на поединок какой-то забияка-самурай. Замерло у Хатибэя сердце от страха. Рад бы убежать, да совестно. Кругом любопытные толпятся... Впервые отроду обнажил он меч дрожащей рукой и начал рубить вслепую, как попало, и направо и налево.

Р-раз! Слетела голова у какого-то зеваки. Толпа врассыпную! Перепугался и противник Хатибэя, скрылся с поля боя.

Стоит Хатибэй как потерянный. Вдруг торжественно подводят к нему великолепного коня. Оказалось, что в том городе бесчинствовала шайка разбой-

ников. Никому от них житья не было. Переодетый главарь разбойников шатался в толпе, его-то Хатибэй нечаянно и зарубил!

Обрадованные горожане подарили Хатибэю коня. Поехал он дальше верхом. Много времени не прошло, скачет навстречу самурай в доспехах:

— Эй ты, стой! Сразимся не на жизнь, а на смерть.

Повернул Хатибэй коня вспять и погнался что было силы. Летит конь, как ветер, унося своего хозяина подальше от врага, а самурай мчится сзади в погону.

— Стой, трус! Жалкий трус! Куда ты?

Припал к шее коня Хатибэй, дух у него от ужаса перехватило. На перевале через гору полетел он вверх тормашками и со страху схватился за пучок травы.

Вдруг у него в руках захлопал крыльями огромный фазан! Упал Хатибэй прямо на фазанье гнездо, а ухватился не за пучок травы, а за хвост фазана.

Увидел это противник Хатибэя и удивился его ловкости. Соскочил с коня:

— Сдаюсь, побежден,— и просит Хатибэя: — Согласись поступить на службу к нашему князю. Он всюду ищет таких молодцев-ловкачей!

Услышал князь, что Хатибэй на скаку поймал фазана за хвост, и принял его в число своих воинов.

Вдруг прошел слух, что появился в лесах страшный оборотень и на людей нападает. Целый край стонал от его проделок.

Князь тотчас же призвал к себе Хатибэя и велел уничтожить чудовище.

Хатибэй попробовал было отказаться:

— Не хочу я марать свои руки зря... Лучше подожду, пока сыщется для меня настоящий противник, а пока пошлите какого-нибудь молодого воина, пусть отличится.

Но и другие воины тоже отказались, никто не захотел сражаться с оборотнем.

«Приходится, видно, прощаться с этим светом», — подумал Хатибэй. Взял он с собой мешочек со своим любимым кушаньем: мукой из поджаренных рисовых зерен и отправился в лес, оборотня искать.

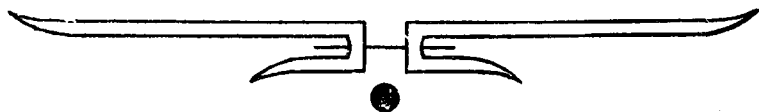
День прошел благополучно. Настали сумерки. Сел Хатибэй на поляне ужинать. Вдруг выскакивает из глубины леса прямо на Хатибэя невиданное страшное существо: на голове рога в добрый локоть длиной. Свет затмился в глазах у Хатибэя, упал он на землю без памяти. А оборотень увидел мешок с едой и давай горстями муку в глотку себе запихивать.

Очнулся Хатибэй и слышит, что оборотень стонет и от боли по земле катается. От жадности да с неприщипки подавился он мукой!

Выхватил Хатибэй меч, хватил им оборотня со всей силы и зарубил насмерть.

Щедро наградил его князь и поставил начальником над своей воинской дружиной. Теперь уж Хатибэю незачем было самому за меч браться. Надо, так пошлют кого-нибудь другого. И все славили его небывалое воинское искусство.

Желаю счастья, желаю счастья!

ПРОКАЗЫ ХИКОИТИ

1. КАК ХИКОИТИ ПРОДАЛ КНЯЗЮ ЖИВОЙ ЗОНТ

В старину, в далекую старину, жил один веселый шутник по имени Хикоити.

Однажды Хикоити открыл в городе Яссиро лавку зонтов. На верхнем этаже он повесил пестрый большой зонт и всех уверял, что он живой. Чуть дождик закапает, зонт сразу раскроется, а минует непогода, сам закроется.

Кто ни пройдет мимо лавки Хикоити, каждый поднимет голову и посмотрит на живой зонт. Толкуют между собой прохожие:

— Да-а, диковинная штука! Вчера дождь еще только собирался, а этот зонт, смотрю, уже раскрылся.

— А сегодня, гляди-ка, сам закрылся. Погода ведь стоит хорошая.

Наконец дошел слух о живом зонте Хикоити до ушей самого князя. Удивился князь:

— Живой зонт? Забавно! — и приказал своим молодым слугам: — Ступайте, проверьте, правда ли это.

Пошли слуги в город Яссиро и стали будто ненароком расспрашивать про живой зонт. Все горожане твердили, как один:

— Точно, есть у Хикоити живой зонт, живее и быть нельзя. Сам откроется, сам и закроется. Своими глазами видели.

Вернулись посланные к князю и доложили, что молва не лжет. Все доподлинно верно.

Князь велел одному из слуг:
— Поди купи живой зонт. Я хочу иметь эту диковинку у себя.

Пошел слуга в лавку Хикоити, передал ему слова князя. А тот сделал вид, что и слышать не хочет.

— Этот зонт — священный талисман. Хранится он в моей семье как бесценное сокровище. Люди сотнями приходили ко мне, умоляли продать, — я и слышать не хотел! Не могу я уступить его никому, даже самому князю.

А люди уж так созданы: им только того и хочется, чего не дают. Снова послал князь слугу к Хикоити с просьбой:

— Назначь сам любую цену, только продай мне зонт.

Этого Хикоити и добивался.

— Ах, не расстался бы я ни за какие деньги с таким сокровищем. Нет ведь на свете ему подобного. Но воля князя для меня закон. Так и быть! Берите! — и назначил огромную цену.

Принес слуга чудесный зонт. Все в замке — и первым сам князь — ахают, глядя на него:

— Подумайте только, живой зонт! В погоде разбирается, ненастье чует. Ах, скорее бы дождь пошел!

Наконец полил с неба долгожданный дождь.

Все люди в замке высыпали на двор поглядеть на чудо: и сам князь, и его советники, и знатные дамы, и воины. Всем хочется посмотреть, как зонт по своей воле раскроется.

Вынесли зонт во двор. Дождь льет все сильнее и сильнее, а он и не думает раскрываться.

Долго ожидал князь и наконец разгневался. Стал он бранить своих слуг.

— Что вы мне наплели! Разве он живой! Дурачье!

А они в испуге клянутся, что все в городе видели

живой зонт у Хикоити. Был в его лавке такой, точно был.

— Позвать сюда Хикоити!

А тот, получив денежки, жил в эти дни в свое удовольствие, вино попивал да над князем посмеивался.

Ловко он все подстроил: только завидит тучи на небе, сейчас прокрадется в верхнее жилье и незаметно раскроет зонт. Станет на небе ясно, Хикоити потихоньку закроет его. Вот и все чудо!

Только Хикоити увидел княжеского слугу, тотчас понял: зовут его на суд и расправу! Но понадеялся на свою смекалку.

Увидел князь Хикоити и гневно закричал:

— А, обманщик! Ты уверял, что твой зонтик живой, и заломил за него несусветную цену. Все твои плутни! Смотри сам: дождь на дворе потоками льет, а зонт и не подумал раскрыться. И пальцем не пошевелил!

Хикоити сделал вид, что призадумался:

— Отчего бы это, сам удивляюсь. Такого еще с ним ни разу не случилось! Сколько раз я наказывал твоим слугам беречь этот зонт, ведь он — священный талисман, бесценное сокровище! А ну-ка, покажите мне его!

Взял он зонт из рук слуги и начал со всех сторон разглядывать. Вдруг как закричит:

— О, несчастье! Умер голодной смертью. Уморили! А был он такой крепкий и резвый. Видно, здесь, в замке, ни разу не дали ему поесть. Ведь каждую живую тварь надо кормить, об этом вы не подумали! Я — бедняк и то каждый день угощал его рыбкой и отменным вином. А здесь, в замке, никто о нем не позаботился! Ах, бедняга, сколько он мучений принял. Потерял я старого друга...

И Хикоити зарыдал навзрыд.

Ничего не сказали люди в замке, только переглянулись.

2. КАК ХИКОИТИ СТАЛ НЕВИДИМКОЙ

Как-то раз услышал Хикоити, что у лесного тэнгу есть два бесценных сокровища: шляпа-невидимка и плащ-невидимка. Задумал он добыть их во что бы то ни стало.

Взял Хикоити с собой старое сито и отправился в горы. Увидел его тэнгу с высокой сосны и спустился на землю.

А Хикоити будто его не замечает. Посмотрел он вдаль сквозь сито и закричал:

— Ай-ай, в селенье возле замка Мацуяма большой пожар! Ух, как занялось! Смотри ты, как полыхает!

Подошел к нему тэнгу и спрашивает:

— Разве с этой горы можно увидеть деревню у подножья замка?

— Да что ты! — воскликнул Хикоити. — Она как на ладони. Сквозь это сито можно увидеть любой кустик за тысячу ри отсюда.

— Неужели правда? — говорит тэнгу. — Ну, тогда давай меняться. Ты мне дашь свое чудесное сито, а я тебе шляпу-невидимку и плащ-невидимку.

Поломался Хикоити для вида и согласился. Надел он на себя шляпу-невидимку и плащ-невидимку — и сразу пропал из глаз. А тэнгу давай глядеть вдаль сквозь сито. Уж он вертел его и так и этак, мигал, таращился, да нет! Не только что вдали, и вблизи-то ничего не увидел. Понял тэнгу, что его провели, да поздно! Разве поймаешь невидимку!

А Хикоити спустился с горы и пошел в соседнее село на базар. Там толклось множество народу. Хикоити хватил одного парня за нос. Тот завопил:

— Ай, кто меня за нос дернул?

Тогда Хикоити потянул за нос его соседа. Тут пошла между парнями перебранка, кричат они друг на друга, в драку лезут. А Хикоити шныряет в толпе: то одного за нос схватит, то другого. Скоро на базаре все передрались. Крик стоит, шум такой, что оглохнуть впору. А проказник Хикоити от смеха надрыгается:

— Вот потеха! Славную я штуку отколол.

Посмеялся он, посмеялся и зашел в харчевню. Выбрал хороший кусок рыбы, съел и запил вином на даровщину. А потом вернулся домой как ни в чем не бывало и спрятал шляпу-невидимку и плащ-невидимку в чулан.

Как на грех, жена взялась прибирать дом к празднику. Стала она сметать копать в чулане и видит, валяется в углу старый плащ из соломы да потрепан-

ная шляпа из тростника. Сунула она их в топку и сожгла.

Пошел Хикоити в чулан: нет ни плаща, ни шляпы! «Э, не иначе как жена их спалила», — догадался он и побежал скорей собирать пепел в топке.

Вымазался Хикоити этим пеплом с головы до ног и снова стал невидимкой. Пошел он в харчевню, ухватил самую большую бутылку с вином и давай потягивать вино прямо из горлышка. Смыло вино пепел на губах, и вдруг показался рот, растянутый в улыбке, а человека не видно.

Тут в харчевне поднялся переполох. Все кричат:

— Смотрите, смотрите, здесь оборотень. Только рот у него и виден! Ловите его! — И бросились все на Хикоити. Пустился он бежать со всех ног. От быстрого бега пронял его пот, и вот — пупок показался.

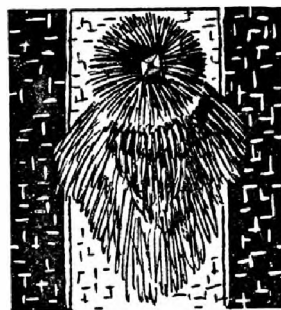
Люди кричат:

— Теперь появился пупок-оборотень. Хватайте его, держите, бейте!

Слышит Хикоити, что толпа гонится за ним по пятам. Все быстрее бежит он, потом обливается. Сначала показались у него ноги, потом руки, потом спина... Тут добежал он до реки и нырнул с головой.

А когда вынырнул, то люди так и ахнули:

— Да ведь это наш Хикоити! Его проделки!

3. КАК ХИКОИТИ УДИЛ КАЩУ

Однажды Хикоити сидел на земляной плотине и удил рыбу в реке Тамама. А в это время проходил мимо князь. Окликнул он Хикоити:

— Эй, рыбак, что ты удишь?

Оглянулся Хикоити... Эге, да никак, сам князь перед ним!

— Я-то думаю, кто это, ан, выходит, ваша милость!

— Ну да, я, собственной персоной.

Чуть было тут Хикоити не сказал, что рыбу удит, да вовремя спохватился.

Говорит он князю:

— Хочу вот каппу в реке поймать. С самого рас-
света сижу с удочкой. Не клюет!

— Что? Каппу, говоришь? А ну, дай мне по-
удить, — раззадорился князь.

Думал Хикоити только позабавиться, а дело-то
вышло нешуточное. До сих пор никому ведь не уда-
валось поймать каппу на крючок. Но как сказать это
князю?

— Да ведь не клюет. Нет у меня хорошей при-
манки. Каппу надо ловить на китовое мясо, — начал
отговариваться Хикоити, а сам думает: «Китовое
мясо легко не достанешь. Откажется князь от своей
затеи».

А князь вдруг говорит:

— Ну, за этим дело не станет. Китового мяса у
меня в замке вдоволь. Ты скажи, сколько тебе нужно.

— Два каммэ¹, — с отчаяния сказал Хикоити
первое, что в голову пришло. — Принеси мне под
вечер два каммэ китового мяса. В темноте-то каппа
лучше на удочку идет.

— Хорошо, нынче же принесу.

На этом они и расстались.

Вечером принес князь два каммэ китового мяса.
А Хикоити уже перестал унывать. Сели они с кня-
зем на плотине. Кругом темно-темно.

Сделал Хикоити вид, будто хочет наживить при-
манку на крючок, и говорит князю:

— Нужен кусок мяса весом в пятьдесят моммэ².

Получил он его от князя и спрятал в полую труб-
ку бамбука, а сам забросил удочку с пустым крючком
в реку. Вот сидят они с князем рядышком, и оба мол-
чат. Время идет, а удочка и не дрогнет. Надоело
князю ждать. Спросил он:

— Ну что, Хикоити, клюет?

А Хикоити в ответ:

— Какая досада! Нужно же было вам так громко
заговорить. Спугнули каппу! Совсем было клюнул!
Только я собирался подсечь! И приманку он унес,
вот беда.

Показал он князю пустой крючок. Снова князь

¹ Каммэ — старинная мера веса, равна 3,75 килограмма.

² Моммэ — старинная мера веса, около 4 граммов.

дал кусок китового мяса для наживки. Спрятал его Хикоити в трубку бамбука и опять закинул удочку. Посидели они, посидели молча, и снова князь не вытерпел:

— Ну что, Хикоити, клюет?

— Ах ты беда, спугнули! Ну разве можно так громко? — упрекает Хикоити князя. — Тут не то что капша, ни одна рыба близко не подплывет.

Опять дал князь мяса для наживки, и снова Хикоити забросил удочку без приманки. Сидят молча. Крепился князь, крепился, и вдруг прорвало его:

— Ну что, Хикоити, клюет?

— Ой, беда, опять спугнули!

Выманил Хикоити у князя все китовое мясо кусок за куском и говорит:

— Не поймать мне ни одного капши, если твоя милость будет так громко кричать: «Ну, Хикоити, клюет?» Так дело у нас не двинется.

Огорчился князь:

— Ну, раз так, делать нечего. Иди завтра один капшу удить.

Хикоити остался очень доволен. Значит, опять китовое мясо получит.

— Жаль, жаль, — говорит. — Придется, видно, завтра удить одному.

Следующий вечер был ясным и лунным. Пришел Хикоити на берег реки Тамама с удочкой. Хотел он рыбы наловить, а о капше и не думает.

Вдруг удочку так и рвануло из его рук.

Показался из воды капша и говорит:

— Хикоити, давай поборемся! Узнаем, кто сильнее.

Обомлел от удивления Хикоити. Вот уж не думал, не гадал! Однако согласился.

Стали они с капшой бороться. Ударил Хикоити капшу по уху. А у каппы на самой маковке есть ямка, в ней вода хранится. Выплеснулась вода от удара. Сразу потерял каппа всю свою силу.

Связал его веревкой Хикоити и вдруг видит: другой каппа из реки выплывает. И с тем было то же. Поймал Хикоити пятерых и наутро привел их в замок.

— Уж прости меня,— говорит он князю.— Плохо вчера клевало, да и то попалась одна мелкота... Если б не кричали вы тогда: «Ну, Хикоити, клюет?»— я бы не столько наловил. А то теперь каппа пошел пуганый.

Похвалил его князь:

— Ты, Хикоити, я вижу, удить мастер. Никто в целом свете с тобой не сравнится.

И верно, выудил Хикоити у князя немало золотых.

4. КАК ХИКОИТИ С ЛИСИЦЕЙ СОСТЯЗАЛСЯ

Возле города Ясиро есть Драконова гора. В прежние времена жила на ней лисица о-Сан, знаменитая своим умением принимать любой образ.

Однажды Хикоити повстречался с этой лисицей на обочине дороги. А они с ней были давние знакомцы. Пошли возгласы: «А, это ты!»; «О, вот так встречай!»

Говорит лисице Хикоити:

— Давай с тобой состязаться, кто из нас лучше умеет показывать чудеса. Ты, говорят, мастерица показывать, да и я от тебя не отстану.

— Я и не знала, что ты тоже смыслишь в этом деле, — удивилась о-Сан.— Ну, коли так, покажи свое уменье.

— Хорошо, я начну первым. Пойди завтра на Ивовую насыпь, взберись там на высокую сосну и гляди хорошенько. Увидишь княжеское шествие, а это буду я. Я один стану и князем, и всей его свитой. Где тебе со мной тягаться!

Простился Хикоити с лисицей и пошел восвояси.

На другой день забралась лисица на сосну.

Всматривается она в даль, вытянув шею, а сама думает: «Ничего Хикоити не понимает в искусстве превращений, а то не затеял бы невозможное. Вот-то посмеюсь я над ним!»

Вдруг вдаль засверкали копьа. Сначала появились бо-соногие вестники. Потом прошли мимо в суровом молчании простые воины в соломенных сандалиях. Наконец показался великолепный паланкин князя. Впереди паланкина и позади него шли самураи в парадных одеяниях с двумя мечами, большим и малым.

Сначала лисица глазам своим не поверила. Потом пришла в неописуемый восторг.

— О-о, Хикоити, молодец! Ну и ловкач! Вот здорово! — закричала она с верхушки сосны.

Шествие вдруг остановилось. Все в испуге подняли головы. И что же увидели? Сидит на ветке сосны лисица, лапы кверху подняла, — неизвестно чему радуется!

— Дерзкая смутьянка! — Самураи с гневными криками окружили сосну. Замерла лисица от страха, прижалась к дереву.

А внизу ее бранят:

— Наглая тварь! Подлое отродье! Скверная лисица! Помешала шествию князя. Вот мы тебя прочим!

Сбили самураи лисицу наземь концом копьа и стали ее колотить: самураи-то были настоящие! Просто-напросто Хикоити знал заранее, когда князь той дорогой поедет.

Убежала лисица домой вся избитая. А Хикоити притаился поблизости и все видел. И смешно-то ему стало, и жалко бедняжку. Не думал он, что ей так крепко достанется.

Решил Хикоити навестить больную и понес ей сладкий пирожок.

Пришел он к лисьей норе и спрашивает у входа:

— Лисица о-Сан здесь живет?

Выглянул из норы лисенок.

— Матушка лежит в постели.

— А как ее здоровье?

— Худо ей, стонет она, видно, крепко поранили, — с тревогой отвечает лисенок.

— Вот как! Жаль, очень жаль. На, отнеси матушке этот пирожок, — сказал Хикоити и подал лисенку пирожок.

Лисенок взял его и, очень довольный, отнес своей матери:

— Хикоити-сан¹ зашел тебя проведать и принес тебе сладкий пирожок.

Увидела пирожок больная лисица и затряслась всем телом:

— Скорее выбрось эту дрянь, скорее! Хикоити первый на свете мастер отводить глаза. Это опять его чары! Не пирожок это, а, наверно, катышек навоза.

Так и не поверила.

¹ С а н — после имени собственного означает «господин», «госпожа».

**ВЕЧЕР
ВОСЬМОЙ**

ДЕРЕВЯННЫЙ БУДДА И ЗОЛОТОЙ БУДДА

Жил когда-то один бедняк в услужении у богача. И был у этого богача великолепный Будда из чистого золота. День и ночь думал слуга: «Ах, если бы у меня был такой Будда! Может быть, он послал бы мне лучшую долю. Ведь мой хозяин всегда говорил, что нет на свете ничего сильнее золота».

Но при его бедности это была пустая мечта.

Как-то раз пошел слуга в горы рубить дрова и приметил чурбан, немного похожий на статую Будды. Принес он его в свою каморку и начал по три раза в день ставить перед ним столик с кушаньем.

— Поешь, мой чурбанчик, а я тебе расскажу, как мне плохо живется.

Так делал слуга многие годы, и все в доме потешались над ним, а хозяин больше всех.

Слуга был честным и работающим. Стал думать богач, как бы заставить его работать всю жизнь даром, и вдруг вспомнил про деревянного Будду.

— Придумал! — обрадовался богач и зовет слугу: — Слушай, устроим сумо¹ между твоим божком и моим золотым Буддой. Если чурбан будет побежден, то будешь ты мне служить без всякой платы до конца

¹ Сумо — род японской борьбы. Победителем считается тот, кто свалит противника на землю или столкнет противника с площадки. Все борцы сумо — тяжеловесы, они отличаются особенной толщиной.

своих дней, а если мой золотой Будда даст себя победить — я отдам тебе все мое богатство.

Собрал богач всех слуг и служанок и торжественно поклялся перед ними, что сдержит свое обещание.

Пошел бедняк в свою клетушку сам не свой и говорит чурбану:

— Послушай, мой божок, какая беда над нами стряслась! Трудную задачу задал мне хозяин! Велит тебе победить в борьбе его золотого Будду, а не то придется мне даром служить всю свою жизнь. Лучше я взвалю тебя на спину и убегу отсюда.

Божок ему в ответ:

— Полно, не тревожься, не падай духом! Ничего страшного нет. Неси меня к хозяину без страха. Попробую я одолеть золотого Будду.

Торопит хозяин слугу скорее устроить сумо. Нечего делать, понес бедняк свой чурбан в парадные покои. Хозяин тоже принес туда своего золотого Будду. Слуг и служанок собралось там видимо-невидимо.

Обратился богач к божкам с такой речью:

— Дал я клятву, что если ты, мой золотой Будда, победишь, то будет мне служить этот работник даром всю свою жизнь. Если же победишь ты, деревянный божок, то твой хозяин получит все мое богатство! Помните это вы оба! — И с этими словами, взмахнув своим веером, он подал знак начинать борьбу.

И — о диво! — оба Будды встали на ноги, отошли друг от друга и медленно, враскачку стали сходитьсь. Вот они схватились и стали бороться в обнимку. То один одолевает, то другой. Целых два долгих часа длилась борьба! Зрители кричали наперебой:

— Ара! Ара! ¹ Ну-ка, чья возьмет?! Смотрите! Смотрите!

Слуги и служанки старались подбодрить деревянного Будду:

— Эй, чурбанчик, держись, не сдавайся! Не сдавайся! Не дай хозяину победить!

У хозяина глаза налились кровью. Он тоже все время кричал охрипшим голосом:

— Золотой Будда, не сдавайся! Золотой Будда, не ступай!

¹ А р а — восклицание, выражающее удивление.

С золотого Будды пот катится градом. Стал он двигаться все медленнее, с трудом и, наконец, зашатался в изнеможении.

У хозяина тоже заструился пот по лицу, он побагровел и завопил:

— Золотой Будда, не сдавайся! Держись! Тебе ли не воздавали почести в моем доме, тебе ли не поклонялись? Неужели ты поддашься простому чурбану, жалкой деревяшке? Покажи всем, что нет на свете ничего сильнее золота! Ах ты, жалкий трус!

И в гневе хозяин стал поносить золотого Будду бранными словами, но чем больше он бранился, тем больше слабел золотой Будда и, наконец, громко заплакал, застонал и повалился на пол.

Обрадовались слуги и стали осыпать золотого божка насмешками. Потребовали они, чтобы сдержал богач свое обещание. Нечего делать, пришлось богачу убираться восвояси вместе со своим золотым Буддой. Досталось все его богатство бедняку. Щедро оделил бедняк всех остальных слуг, и пошло веселье в доме, где раньше лились одни слезы.

Стал богач скитаться по свету. Скоро у него и медного гроша не осталось. Как-то раз заночевал он в открытом поле и начал со слезами упрекать золотого Будду:

— Эх, золотой божок, зачем ты дал себя побороть какому-то чурбану? Из-за твоего малодушия я с позором изгнан из своего дома, и хозяйничает в нем нищий оборвыш. А я-то на тебя понадеялся! Разве не отлил я тебя из чистого золота?

Золотой Будда ему в ответ:

— Напрасно ты меня винишь. Пеняй на самого себя! Вспомни, как ты кормил меня! Только два раза в год, по большим праздникам! А слуга делился всем, чем мог, со своим простым чурбаном. Вот и стал чурбан сильнее золота. Горькая моя судьба, что мне такой хозяин достался! Одно мне осталось утешение: стукать тебя по спине на каждой кочке. Узнаешь, сколько весит золото!

Пришлось хозяину нищенствовать до скончания своих дней да еще таскать на спине тяжелого золотого Будду.

НАСТОЯТЕЛЬ И СЛУЖКА

1

Как-то раз настоятель одного маленького горного храма отлучился по своим делам, а храм оставил на попечение служки. Вдруг хлынул проливной дождь. Прибегает вымокший до нитки прихожанин и просит:

— Дайте мне, пожалуйста, на время зонт! А то застал меня дождь в дороге.

— Что ж, извольте! — отвечает ему служка. Взял и отдал прихожанину хороший зонтик. Настоятель только что купил его и даже обновить не успел.

На другой день снова зовут настоятеля прочитать молитву над покойником. Как на грех, небо снова потемнело, нахмурилось, вот-вот польет дождь. Посматривает настоятель на тучи и говорит:

— Служка, подай мне мой новый зонт!

Пришлось служке сознаться, что отдал он его на время одному прихожанину.

— Ну и глупо же ты сделал! В другой раз отговоришься, скажи, что выставил зонт на солнце сушиться, а тут, откуда ни возмись, налетел вихрь, поломал ему все ребра, изорвал в клочья, и валяется он теперь, никуда не годный, где-то в самом дальнем углу чулана.

Делать нечего. Ворча и бранясь, надел настоятель поверх своего капюшона большую плетеную шляпу, накинул старенький плащ и отправился в дорогу.

Прошло несколько дней. Опять остался служка храм сторожить. Вот приходит к нему крестьянин и говорит:

— Солнечный нынче денек выдался! Собрался я навестить свою дочку, давно ее не видел. Только вот беда, идти мне далеко. Одолжите, будьте милостивы, вашу лошадь.

Тут вспомнил служка, что наказывал ему настоятель, и отвечает:

— Уж ты извини, приятель, но пустили мы недавно нашу лошадку пастись на солнышке, а тут, откуда ни возмись, налетел вихрь, изломал ей все ребра, изорвал всю шкуру, и валяется она теперь никуда не годная, где-то в самом дальнем уголке чулана.

Крестьянин глаза вытаращил.

— Да-а,— говорит,— вот небывалый случай.

И ушел, покачивая головой.

Узнал про это настоятель и давай бранить служку пуще прежнего:

— Кто же так говорит? Разве можно лошадь равнять с зонтом? Надо было сказать, что лошадка наша на днях белены объелась и взбесилась. Так лягалась, так брыкалась, отбила себе и ноги и спину! Лежит теперь в стойле и встать не может.

Прошло три дня. Лежит настоятель на постели и отдыхает. А тут пришел в храм слуга из богатого дома и говорит служке:

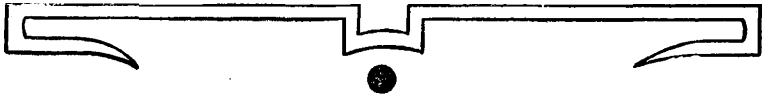
— Хозяин просит настоятеля пожаловать к нему в дом по случаю праздника.

А служка ему в ответ:

— Настоятель наш на днях белены объелся, совсем взбесился! Так лягался, так брыкался, что отбил себе ноги и поясицу. Лежит теперь в стойле и не встает.

Услышал эти слова настоятель, обомлел. Вскочил с постели как ошпаренный — да как хлопнет служку по голове:

— В другой раз не станешь равнять настоятеля с клячей на посмешище прихожанам!

НАСТОЯТЕЛЬ И СЛУЖКА

2

Как-то раз пошел один настоятель служить заупокойную требу, а служка остался храм сторожить. Читал он, читал молитву, да и заснул крепким сном. Вдруг слышит спросонок чей-то голос у входа: «Можно войти?»

Вышел служка из храма, протирая глаза, и видит: пришла соседская старуха с большим узлом.

— Передай,— говорит,— настоятелю гостинец ради праздника!

Взял служка узел, а оттуда теплый пар идет. Да так вкусно пахнет!

— Э, да она, кажется, данго принесла! Оставить их настоятелю, так он, по своей жадности, сам все съест, не даст мне и кусочка попробовать. А ну-ка дай отведаю.

Развязал служка узел, а в нем ларчик, полный теплых свежих данго. Принялся служка уплетать их за обе щеки и сам не заметил, как съел все данго до единого. Тут только служка спохватился:

— Ай, ай, пропал я! Что теперь настоятелю скажу?

Стал он думать, как из беды выпутаться. И придумал. Схватил служка пустой ларчик из-под данго и поставил в алтаре перед статуей Амиды. Потом собрал крошки, прилепил их к губам статуи и снова начал читать сутры.

Вернулся настоятель и спрашивает:

— Приходил без меня кто-нибудь?

— Соседская старушка приходила, принесла ларчик с чем-то. Говорит, это вам по случаю праздника.

В самом деле, у подножья статуи Амида стоял большой ларец. Открыл его настоятель, а в нем пусто.

— Эй, служка, это ты все поел? — сердито закричал настоятель.

А служка ему отвечает как ни в чем не бывало:

— Что вы, неужели бы я осмелился? Как же можно?

Потом оглянулся по сторонам, вокруг и воскликнул:

— А, вот оно что! Это Амида все слопал! Смотрите, у него губы в крошках!

Взглянул настоятель на статую:

— Так и есть! Вот наглая статуя, как бесчестно поступает! — да как хлопнет Амиду по голове ручкой опახала.

Бронзовая статуя так и загудела:

— Он-н! Он-н!

— Ах, так? Ты еще и отпираешься, на другого сваливаешь? Вот же тебе за это!

Снова стукнул настоятель Амиду по голове, и снова статуя загудела:

— Он-н! Он-н!

Поглядел настоятель на служку и спрашивает грозным голосом:

— Слышишь? Амида говорит: «Он! Он!» Значит, все-таки ты виноват?

— Да разве от одного битья статуя сознается? — отвечает служка. — Нужно устроить испытание крутым кипятком.

Нагрел он воды в большом чайнике, да как плеснет на статую крутым кипятком.

Повалил во все стороны пар, шепчет, клокочет струя, будто Амида лопочет:

— С-с-слопал! С-с-слопал!

Служка и говорит:

— Слышите, настоятель? Вот он и сознался!

ЗАПАСНАЯ ГОЛОВА

Как-то раз в старину отправился один князь на соколиную охоту. Несли его по горам в паланкине.

Вдруг пролетел мимо ястреб и уронил свой помет на крышу паланкина.

— Сменить князю паланкин! — громовым голосом крикнул старший кэрай.

— Сменить паланкин князя, подать сменный паланкин! — закричали слуги один другому.

Пересадили князя в новый паланкин и тронулись дальше.

Только вдруг летит по небу другой ястреб. Высунул, как на грех, князь свою руку из паланкина, и упал помет на край одежды.

— Сменить князю одежду! — приказал старший кэрай.

— Сменить одежду князя, подать сменную одежду! — кричит один слуга другому.

Переодели князя в новые одежды и едут дальше.

А тут выставил князь ногу из паланкина. И уронил пролетный ястреб ему помет на сандалию.

— Сменить сандалию князю! — загремел старший кэрай.

— Запасные сандалию, подать запасные сандалию! — кричат слуги.

Переобули князя, едут дальше.

Захотелось князю посмотреть, какова погода.

Высунул он голову из паланкина и посмотрел на небо, и упал ястребиный помет ему прямо на лоб.

— Сменить голову князю! Скорее! — заорал старший кэрай.

— Запасную голову, подать запасную голову князя, — пробежало по рядам.

Принесли корзину с запасной головой и живо переменили князю голову. И снова чинно и важно поехал он дальше.

СТОЙКИЙ САМУРАЙ

Случилось как-то раз одному самураю заночевать в простой крестьянской хижине. Приготовил ему крестьянин постель и спрашивает:

— Не прикажет ли господин прикрыть его чем-нибудь на ночь?

Отвечает ему гордо самурай:

— Это вы, мужики, привыкли в тепле нежиться. А я — воин! Мне случалось ночевать под открытым небом в любую непогоду. Я ли стану бояться ночного холодка!

Под утро ударили заморозки. Проснулся самурай, зуб на зуб у него не попадает. Терпел он, терпел, не вытерпел и спрашивает:

— Хозяин, а хозяин! У тебя в доме мыши есть?

— Как не быть, водятся.

— А вы, мужики, моете на ночь лапки мышам?

— Нет, господин! Я про такой обычай никогда и не слыхивал.

— Ах, так! Тогда накрой меня поскорей чем-нибудь, чтоб мыши не запачкали моей шелковой одежды!

САМЫЙ ЛОВКИЙ ВРАЛЬ

В старину жили в городах Эдо, Осака и Киото три знаменитых вралья. Как соберутся все трое вместе, сразу начинают врать наперегонки. Один говорит:

— Недавно я оторвал небо от земли, заткнул небо в одну ноздрю, а землю в другую. Что же вы думаете? Все равно в ноздрях пусто! Слышите — свистит!

Другой говорит:

— Ха, только и всего? А я так вчера для забавы щелчками подбрасывал небо и землю, да вдруг чихнул, их и сдуло без следа!

А третий подхватывает:

— Недавно солнце очень пекло, — что было делать?! Надел я целый мир себе на голову. Хоть от него и небольшая тень, а все же легче.

Но решить, кто из них самый ловкий враль, они так и не могли.

Как-то раз враль из Киото и враль из Эдо отправились в гости к вралю из Осака.

Выбегает им навстречу его маленький сынок и говорит:

— Отца нет дома!

— Куда же он пошел?

— Отец сказал, что недавно ураганом гору Фудзи свернуло набок, еле она держится, того и гляди, упадет. Вот он и пошел подпереть ее двумя курительными палочками.

— А мама твоя где?

— Мама сказала, что вся Индийская земля изорвалась, взяла с собой три иголки для шитья и пошла ее залатать.

Оба вралья были совсем ошарашены. Хотели было бежать без оглядки, да досада их забрала, вернулись назад.

— Эй, послушай, мальчуган, недавно ураганом у нас унесло большую каменную ступку, уж не залетела ли она к вам в дом?

— Что ж, очень может быть, — отвечает мальчик. — Поглядите, это не она ли в паутине под окном запуталась?

Прикусили оба вралья языки и поскорей удирают!

Тут отец домой вернулся. Сынок ему говорит:

— Сейчас к нам приходили дяденька из Киото и дяденька из Эдо.

— Хо, в самом деле?

— Они меня спросили: «Где твой отец?» Я им говорю: гора Фудзи еле держится, ураганом ее подломило, вот ты и пошел туда — подпереть ее двумя курительными палочками. Тогда они спросили: «А мама твоя где?» Я им говорю: Индийская земля изорвалась, мама взяла три иголки и пошла ее латать. Они было ушли, да потом вдруг вернулись и спрашивают, не занесло ли к нам бурей их каменную ступку. Я говорю: «Посмотрите — может, она в паутине запуталась». Тут они со стыдом убежали.

Ужаснулся отец, слушая этот рассказ.

— Ты еще ребенок, а врешь так бессовестно! Не нужен мне такой сын, отнесу тебя куда-нибудь.

Посадил он мальчишку в мешок для угля, завязал мешок веревкой, взвалил на спину и пошел.

Вскоре попался ему по дороге питейный дом. Потянуло оттуда винным духом. А отец любил выпить. Повесил он мешок с мальчишкой на ветку сосны и отправился пить вино.

Тем временем маленький враль нашел в мешке дырку. Поглядел он в нее и видит: ковыляет по дороге сгорбленный старичок. Тогда мальчуган затанул нараспев, словно молитву:

— Старый, стань молодым! Старый, стань молодым!

Подошел старичок к мешку, окликнул мальчишку:

— Ты что там, в мешке, делаешь?

— Да ведь это волшебный мешок! Стоит только влезть в него и прочитать заклинание: «Старый, стань молодым! Старый, стань молодым!» — как станешь молодым. Вот я, например. Нынче утром был глубоким старцем, но побыл немного в мешке и — помолодел. Слишком долго повторял я волшебные слова — и стал совсем недоростком.

Старик от изумления глаза вытарашил.

— Скажи пожалуйста, какой чудесный мешок! Я тоже хочу помолодеть! Пусти меня в него!

— Что ж, можно, только даром я тебя не пущу!

— Хочешь, я дам тебе эти вкусные мандзю?

Мальчуган взял мандзю, посадил старика вместо себя в мешок и убежал домой.

Вскоре старый враль вышел навеселе из питейного дома. Заглянул он в мешок и остолбенел: сидит в угольном мешке вместо его сынка незнакомый старик и кричит во весь голос: «Старый, стань молодым! Старый, стань молодым!»

Удивился отец, но, когда узнал, в чем дело, совсем голову потерял:

— Ах он негодник! Это мой маленький сын, враль каких мало, вас обманул. Простите, пожалуйста. Извините великодушно!

Вернулся отец домой в страшном гневе и видит: сынок давно уже дома, сидит и мандзю уплетает. Схватил старый враль маленького вряля за ворот и снова засунул в угольный мешок.

— Ах ты, негодяй этакий. На этот раз я тебя проучу как следует!

Пошел он с ним по другой дороге. Но и там стоит питейный дом. Тянет из него винным духом. Крепился, крепился отец и не выдержал: снова повесил мешок на ветку сосны и пошел пить вино.

Поглядел мальчишка сквозь дырочку в мешке. Видит он: идет по дороге старушка подслеповатая. Палкой дорогу щупает. Дождался мальчик, пока подойдет она поближе, и давай бормотать заклинания: «Очи, прозрейте! Очи, прозрейте!»

Удивилась старушка, подошла к самому мешку и спрашивает:

— Что ты, сынок, там делаешь?

— Как что делаю? Сажу в волшебном мешке и читаю заклинание: «Очи, прозрейте! Очи, прозрейте!» Я уже с самого утра читаю эти заклинания — и вот прозрел. А раньше был слепым на оба глаза.

— Ах, какой удивительный мешок! Я очень плохо вижу, нельзя ли пустить меня в этот мешок хоть на минуточку, — просит старушка.

— Отчего же нельзя, только даром я не пущу!

— У меня есть хурма. Всю тебе отдам, только пусти меня в мешок.

Дала она мальчишке целую корзину хурмы, а он запрятал старуху в мешок и со всех ног пустился домой.

Вот вскоре вышел отец из питейного дома навеселе. Глядь — сидит в мешке незнакомая старуха, моргает глазами и причитает: «Очи, прозрейте! Очи, прозрейте!» Выпустил он старуху из мешка и не знает, как лучше у нее прощения попросить:

— Это все проделки моего негодного сынка, отъявленного враля! Простите, пожалуйста!

Вернулся отец домой, и что же он видит? Наелся его сынок хурмы до отвала и храпит себе на полу посредине комнаты, раскинув руки и ноги.

Ну что с таким будешь делать!

С тех пор враль из Эдо, враль из Осака и враль из Киото уже не спорили, кто из них самый ловкий.

ДВА ЛЕНТЯЯ

Стоял знойный летний день. Лентяй из восточной деревни с самого раннего утра брел в западную деревню. К поясу ему привязали узелок с едой, чтобы он не проголодался в дороге.

Лентяй из западной деревни с самого раннего утра тащился в восточную деревню. На голову ему надели соломенную шляпу и, чтобы не свалилась, подвязали шнурком под подбородком.

Когда оба они добрались кое-как до середины пути между восточной и западной деревней, солнце уже стояло высоко в небе и пекло немилосердно.

Тут лентяя из восточной деревни вдруг пробрал голод, да такой, что у него даже в глазах потемнело. Но ведь для того, чтобы поесть, надо развязать узелок, вынуть лепешку, да еще в рот ее положить! Поневоле призадумался! Хлопотливое это дело, такое хлопотливое, что уж лучше остаться голодным.

Вдруг видит он: бредет навстречу ему по дороге человек в соломенной шляпе. Тащится, еле-еле ноги переставляет, а рот у него широко разинут.

«Эге, да он, бедный, видно, тоже проголодался! — подумал лентяй из восточной деревни. — Вон как широко рот разинул!»

Окликнул он прохожего:

— Эй, приятель, если ты голоден, я, так и быть, дам тебе половину моей лепешки. Только, будь добр, потрудись, отвяжи этот узелок от моего пояса, достань оттуда лепешку, разломи пополам и положи одну половинку мне в рот.

А лентяй из западной деревни ему отвечает:

— Хм, лучше сделаем вот что: затяни мне, пожалуйста, потуже шнурок под подбородком! А то с меня шляпа все время сваливается и приходится мне брести с разинутым ртом!

КАК ЖЕНА ИЗ ДОМУ УХОДИЛА

Как-то раз приглянулась одному женатому человеку бойкая соседка.

Стал он похаживать к соседке в гости. «Моя хозяйка с ней и в сравнение не идет, — думал он. — Чумахая уродина, глядеть противно».

А жена у него была работающая. С самого раннего утра до позднего вечера, нечесаная, неубранная, ходила она в затрапезе. Никогда и в зеркало не посмотрится — все некогда!

Однажды муж сказал ей:

— Опротивела ты мне, видеть тебя больше не хочу, уходи из моего дома.

Что ж оставалось делать бедняжке? Стала она готовиться в дорогу. Вещи свои связала в узел. Надела самое свое нарядное платье, красиво причесалась, набелилась, нарумянилась и стала куда пригожей соседки.

Поглядел на нее муж, поглядел и раздумал с ней расставаться.

Кончила жена свои сборы и, по обычаю, склонилась перед мужем в низком поклоне:

— Прощайте, живите в добром здоровье. Спасибо вам за то, что так долго заботились обо мне. Простите, если чем досадила.

Только собралась она выйти через черный ход из кухни, как муж загородил ей дорогу:

— Не смей идти через кухню в таком наряде, это моя кухня. Ступай другим ходом.

Хотела было жена выйти через спальню. Муж опять стал на дороге:

— Не смей выходить через спальню. Это моя спальня.

Что будешь делать! Жена пошла было через гостиную.

— Куда идешь через гостиную,— закричал муж,— ты ведь не гостья, порядка не знаешь!

Остановилась жена:

— И отсюда нельзя, и оттуда нельзя! Тогда уж я и не знаю, как мне выйти из дому.

— А не знаешь, как выйти из дому, дуреха, так и сиди дома.

С тех пор перестал муж ходить к соседке.

ВЕРХ БЕРЕЖЛИВОСТИ

Жил на свет один скопидом. Так и не сходило у него с языка: «Надо беречь добро. Надо хранить добро, на том хозяйство стоит».

Как-то раз под вечер пришел к бережливому один приятель поглядеть, как он ведет хозяйство.

В доме было темно, хоть глаза выколи.

«Это он, видно, на масло для лампы скупится», — подумал гость, вошел в дом ощупью и увидел, что бережливый сидит на циновке* посреди комнаты голым-голешенек.

Приятель удивился:

— Ты почему сидишь нагишом?

— Одежда целее будет. Зачем зря ее изнашивать у себя-то дома?

— Так-то оно так. Но ведь на дворе поздняя осень, долго ли простыть!

— А мне не холодно! Я потом обливаюсь.

— Отчего же это?

— Погляди вверх, — говорит бережливый.

Глянул гость наверх и увидел, что у бережливого над головой висит на тонком шнурке огромный булыжник.

— Я все думаю: «Сейчас упадет! Сейчас мне на голову свалится». От страха меня то и дело в жар бросает.

«В самом деле, ловко придумал!» — решил про себя приятель. Стал он слушать рассказы бережливого о том, как у него каждая вещь три срока служит, а сам с трепетом в душе поглядывает туда, где камень висит.

Наконец попрощался гость и вышел, но в темноте никак не мог отыскать свою обувь, которую оставил у входа в дом.

— Посвети мне, — попросил он. — Сандалии свои не разыщу.

Бережливый вышел из кухни с поленом в руке да как хватит приятеля по голове: трах!

— Ай, что ты делаешь? Из глаз искры снопом посыпались! — завопил гость.

— Вот и ищи скорей свою обувь. А недавно вечером я сам себе под глазом такой фонарь засветил, что всю дорогу бегом бежал. Просто как днем было видно.

Услышав это, приятель поспешил уйти, как был, разутым.

Наступил Новый год.

«Постой же, я проучу тебя, — подумал приятель. — Посмеюсь над тобой, скупердяй!»

В первый день Нового года явился он к бережливому с поздравлением и принес ему, по обычаю, подарок.

— Поздравляю, желаю счастья. Хочу тебя порадовать. В Новом году решил я жить, следуя твоему мудрому примеру. И первым делом подумал: зачем тратиться на дорогие подарки? Зачем сорить деньгами? Принес я тебе эту длинную соломинку. Сделай себе из нее трубку.

На другое утро бережливый явился к своему приятелю отдать долг благодарности. После обычных приветствий достал он из своей пазухи все ту же соломинку. Только теперь она стала наполовину короче.

— Вот тебе к Новому году драгоценное снадобье. Всякий знает: солома — первое средство от ломоты в ногах.

Подав соломинку бережливый и ушел, а приятель его так и остался сидеть с открытым ртом.

**КАК «ПИОНОВЫЕ ПИРОЖКИ» *
В ЛЯГУШЕК ОБРАТИЛИСЬ**

Жили в старину свекровь с невесткой. Вот как-то раз в праздничный день случились у них к ужину «пионовые пирожки». Съела каждая по одному, по два, и осталось еще несколько пирожков. Принялась старуха убирать их в ларец-дзюбако, и тут вдруг одолела ее жадность.

«Утром-то, поди, «пионовые пирожки» покажутся еще лучше... Вот не было печали такую вкусноту скормить ни за что ни про что этой негоднице невестке, этой ленивице!» — думает она.

— Эй, послушайте, пирожки! Коли увидит вас невестка, обратитесь в лягушек. Смотрите не забудьте. Как только попадетесь ей на глаза, сейчас же прикиньтесь лягушками.

Много раз повторила эти слова старуха, а потом запрятала ларец с пирожками в самую глубину шкафа. Но не знала она, что невестка все слышала. Утром встала невестка ранехонько, достала ларец и съела все пирожки, а потом наловила столько лягушек на рисовом поле, сколько пирожков было, да и посадила их в ларец.

Проснулась наконец старуха, дожидается, чтобы невестка ушла в поле работать. Только та за дверь, как свекровь — шась к ларцу. Открыла она крыш-

ку — и вдруг... Плюх, плюх, плюх! Стали из ящика выпрыгивать лягушки — и поскакали в разные стороны, одна туда, другая сюда.

— Эй, эй, пирожки! Ослепли вы, что ли? Ведь это я! Это я! Не скачите как полоумные, горошек рассыплется! Начинку вытрясете!

Гналась, гналась за ними старуха, расставив руки, да так и не поймала!

И ТАК И ЭТАК

Жил в одной деревне человек по имени Сэйдзо.

Как-то раз гулял он с приятелями по горам. А в густых зарослях травы лежал заяц и спал мертвым сном, разомлев от дневной жары.

— Глядите, вон там дохлый заяц валяется! — крикнул один из приятелей.

Сэйдзо сразу же заткнул себе нос:

— То-то я давно уже чую, несет откуда-то падалю.

Услышал заяц человеческие голоса, как подпрыгнет и дал стрекача.

— Крепко же спал этот заяц, — засмеялся другой приятель.

— То-то я уже давно заметил, как в траве длинные уши шевелятся, — подхватил Сэйдзо.

С тех пор как начнет кто-нибудь поддакивать то одному, то другому, так про него говорят:

«Ну, да у него, как у Сэйдзо-сана: заяц то живой, то дохлый».

СТЕБЕЛЕК ОДЕЯЛА

В старину у одного бедняка даже постели не было. Стыдился он своей нищеты и потому строго наказал маленькому сыну:

— Смотри не проговорись, что я на соломе сплю и соломой покрываюсь. При людях всегда называй соломой одеялом.

Вот пришли как-то раз к бедняку гости, мальчик и говорит:

— Отец, эй, отец, у тебя в волосах застрял стебелек нашего одеяла!

ВАЖНЫЙ СПОР

Однажды отправились три паломника на поклонение в храмы Исэ. По дороге они заспорили.

— Если мы найдем на дороге тридцать золотых, — говорит один, — надо разделить деньги поровну, по десять монет на каждого.

— Нет! — кричит другой. — Кто первый заметит, тот пусть и берет себе большую долю.

— Несправедливо это! — возражает третий. — Надо делить поровну, чтобы никому не было обидно.

— Да ведь есть же такой обычай на оленьей охоте: кто первый попадет в оленя стрелой, тот и берет себе его голову. И тут то же самое: кто первый заметит деньги, тот пусть и берет себе большую долю.

Спорят паломники, ссорятся, кричат!

Попался им навстречу торговец маслом. Услышал он их спор, поставил на обочину дороги кувшин с маслом и взялся их рассудить:

— Вот что, дорожные люди, надо сделать так. Прежде всего положите сюда найденные деньги.

А паломники тем временем уже драку затеяли. Посохи так и замелькали в воздухе. Тут и торговцу попало, и кувшин его опрокинулся, и все масло на дорогу вытекло.

— Стойте, стойте! — кричит торговец. — Давайте сюда ваши тридцать золотых! Вы мне масло разлили!

— Какие тридцать золотых? — удивились паломники. — Да ведь мы их еще не нашли!

Отдышавшись, они пошли дальше.

С тех пор торговец маслом закаялся лезть в чужое дело, не разобравшись толком, о чем спор идет.

ГОЛУБИ УСЛЫШАТ

Однажды увидел крестьянин знакомого старика. Возится он на другом берегу реки, сажает что-то. Крикнул ему крестьянин через реку:

— Дедушка, что сажаешь?

Помялся старик и говорит:

— Иди сюда, я тебе скажу.

Удивился крестьянин: что за тайна? Любопытно ему стало. Перебрался он через реку вброд, подошел к старику. Тут старик и шепнул ему на ухо:

— Я в этом году сажаю на своем огороде горох.

— Только и всего? Почему же ты мне сразу не крикнул, когда я на том берегу был?

— Что ты, что ты! Разве можно? Голуби услышат, горох склюют!

ХОТЬ И ЛЕТАЮТ, А ВСЕ РАВНО КОЛЬЯ!

Шли как-то раз по морскому берегу два приятеля, и видят они издали: возле самой воды что-то чернеется.

Один сказал:

— Это старые колья торчат.

Другой засмеялся:

— Скажешь тоже! Это вороны.

И пошел у них спор. Один кричит: «Колья!», а другой: «Нет, вороны, вороны, вороны!»

— Какие там вороны! Ослеп ты, что ли? Это колья! Стоят они, не шелохнутся.

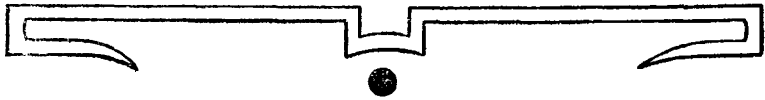
— Хорошо же, я сейчас тебе докажу,— да как пустит в них камнем с размаху.

Закричали вороны, захлопали крыльями и поднялись испуганной стаей.

— Ага! — говорит с торжеством победитель в споре.— Видишь сам теперь. Полетели твои колья!

— Ну и что из того? Хоть и летают, а все равно колья!

С тех пор про упрямого человека говорят: «Этому не докажешь. Что ты ему ни говори, а он все свое: «Хоть и летают, а все равно колья».

ЧТО ТОЛЬКО ЛЮДИ НЕ СКАЖУТ

Как-то одна старуха пришла в знакомый дом. А у хозяйки была молоденькая дочь. Сидит девушка, слезами заливается.

— Отчего ты плачешь? — спрашивает старуха. — Уж не обидел ли тебя кто?

— Ах, бабушка, соседки у нас на язык такие злые. Говорят, будто я лицом черна.

— Уж чего только люди не придумают! Как же ты лицом черна, если у тебя на лице белила в палец толщиной!

— Говорят еще, будто у меня одна нога на вершок короче.

— Которая? Эта нога? Скажут тоже! Да она на два вершка длиннее другой!

СОПЕРНИЦА В ЗЕРКАЛЕ

В старину, в далекую старину, восстали друг на друга два могучих рода: Минáмото и Тайра. Род Минамото истребил своих врагов. Немногим из сторонников Тайра удалось спастись. Скрылись они в далеких северных горах и жили там, вдали от чужих глаз.

Когда же потомки их стали наконец появляться открыто среди людей, то были они несведущи в самых простых делах. Поэтому случалось с ними немало смешного.

Как-то раз один молодой человек из рода Тайра первый раз в своей жизни спустился в долину и попал в замковый город Кумамото. Там уже и следов былого не осталось. Но, проходя по одной из улиц, вдруг заметил он в лавке зеркал портрет своего умершего отца. Портрет был удивительно похож, но, как видно, нарисован давно, когда отец еще был молод.

— О, какая радость! Я снова вижу моего отца!

Не помня себя от счастья, молодой человек купил драгоценный портрет и бережно отнес домой. Дома он спрятал его в шкаф. Каждый день любовался он портретом, и тот улыбался ему, как живой.

Но скоро жена заметила, что муж часто подходит к шкафу, открывает его и подолгу чем-то любуется. Разобрало ее любопытство. Выдвинула она

ящик из шкафа, взглянула — и ах! Оттуда глядит на нее какая-то красotka.

Побледнела жена, вся дрожит и рыдает в голос. Прибежала свекровь:

— Что с тобой, дочка? Что случилось?

— Ах, матушка, матушка! Муж разлюбил меня, привез какую-то городскую красавицу и прячет ее в нашем доме.

— В своем ли ты уме! Где прячет? Покажи.

— Здесь, в шкафу, смотрите сами.

Поглядела свекровь и говорит:

— Вот эта, что ли? Не плачь, доченька. И стара она, и дурна собой. Уж поверь мне, он ее скоро разлюбит.

Пришла тут знакомая монашка. Услышала она, какая беда случилась в доме, и тоже захотела взглянуть на разлучницу.

— Успокойтесь, не плачьте! Правда, на лице у нее написано, что была она большой негодяйкой, но зато теперь раскаялась и постриглась в монахини. Так что не о чем вам больше тревожиться.

СОЛНЦЕ И ЖАВОРОНОК

Как-то раз в один погожий весенний день опустился жаворонок отдохнуть на поле. Вдруг выглянул крот из норки и говорит:

— Жаворонок, а жаворонок, исполни мою просьбу!

— Что ж, охотно, коли только смогу,— отвечает жаворонок.

— Вот видишь ли, одолжил я деньги солнцу. Уж с тех пор немало времени прошло, случилась у меня нужда в деньгах. Ты летаешь высоко. Попроси солнце, чтобы вернуло мне свой долг.

Поверил жаворонок небылице хитрого крота, поднялся к самому солнцу и зазвенел:

— День-день-день, солнце, верни деньги! День-день-день, солнце, верни деньги!

Солнце так и вспыхнуло от гнева. Даже облака кругом загорелись.

— Лжец! От кого я брало деньги, а ну отвечай!— загремело оно, да так страшно, что жаворонок камнем полетел вниз. Но потом набрался смелости и снова взмыл к самому солнцу:

— День-день-день, солнце, верни кроту деньги! День-день-день, солнце, верни кроту деньги!

— погоди! Вот я тебе покажу! — сверкнуло очами солнце.

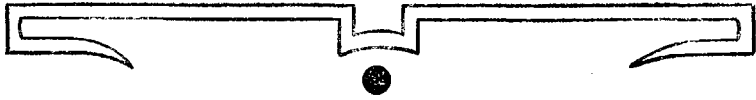
Жаворонок снова полетел вниз.

Так с тех пор и повелось.

Крот давно на свет из-под земли не показывается. Боятся, что спалит его своими лучами разгневанное солнце.

А жаворонок, ничего про это не зная, и до сих пор весь долгий весенний день звенит над облаками:

— День-день-день, солнце, верни деньги! День-день, солнце, верни деньги!

КОРШУН, ВОРОБЕЙ, ГОЛУБЬ И ВОРОН

В старину это было.

Весною расцвели вишни в горах. Стали слетаться туда разные птицы.

Первым прилетел коршун с криком «тонбирорó», следом воробей, чирикая «тинтико́-тинтико́», за ним голубь, воркуя «хаттобо́-хаттобо́». А последним явился ворон, каркая «гао-гао».

Стали они вчетвером между собой советоваться:

— Какую бы нам придумать веселую затею, раз уж мы вместе собрались?

— А вот что. Вишни цветут, погода на славу, нас тут целая компания. Устроим-ка пирушку.

— Правда, правда, лучше не придумаешь.

Порешили птицы, что кому делать.

Коршун — мастер рыбу ловить. «Тонбироро, тонбироро» — полетел он к реке.

Воробей — «тинтико-тинтико» — поспешил за вином в харчевню.

Голубь — «хаттобо-хаттобо» — ножом стучит, закуску готовит.

Ворон — «гао-гао» — полетел взять в долг столики и чашки.

Вот началась пирушка. Сначала веселье не ладилось, ели, пили молча.

— Что ж это за пирушка, когда никто не поет и не играет. Пусть каждый покажет свое уменье!

Коршун сказал:

— Я сыграю на флейте.

Надел он накидку с гербами, достал из-за пояса флейту, покрытую красным лаком, и засвистел:

«Тонбироро-тонбироро! Хёроро-хёроро!»

— Ах, как чудесно, — похваливал воробей. — А я подыграю на сямисене.

Вычернил он себе зубы * и затренькал на струнах:

«Тинтико-тинтико, тинтикотин!»

Настала очередь голубя:

— Не могу я сидеть на месте, когда флейта свистит и сямисен звенит. Пущусь в пляс.

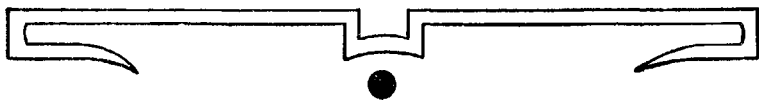
Повязал себе голову полотенцем в крупных горошинах и начал подпрыгивать, крутиться и хлопать крыльями, припевая:

«Хаттобо-хаттобо! Хаттобо!»

А пока они играли и плясали, ворон, каркая «гао-гао, гао-гао», кусок за куском отправил себе в глотку всю закуску.

Опомнились остальные трое, глядят: в чашках пусто, ни вина, ни закуски, а ворона и след простыл.

Сильно разгневался коршун. С тех пор где ни увидит ворона, сейчас за ним погонится. Все думает, как бы поймать и наказать обидчика.

СОВА-КРАСИЛЬЩИЦА

В старину, далекую старину, были у ворона перья белые-белые. Прискучил ему белый наряд. Вот и полетел ворон к сове.

В те времена сова была красильщицей. Она красила всем птицам платья в самые разные цвета. Не было отбою у нее от заказчиков.

— Выкр-р-рась мой наряд в самый кр-р-расивый цвет,— попросил ее ворон.

— У-гу, у-гу! — согласилась сова.— Могу в любой! Хочешь голубое платье, как у цапли? Хочешь узорчатый наряд, как у сокола? Хочешь пестрый, как у дятла?

— Нет, выбери для меня цвет совсем невиданный, чтобы я не был похож ни на какую другую птицу на свете!

Снял с себя ворон свой белый наряд, оставил его сове, а сам улетел.

Думала-думала сова, какой цвет самый невиданный, и выкрасила платье ворону в черный-черный цвет, чернее угля, чернее туши.

Страшно рассердился ворон. С той поры как увидит он сову, так и бросится на нее.

Вот почему сова день-деньской прячется в дупле. Не показывается она на свет, пока ворон летает.

КАК СОРОКОНОЖКУ ЗА ВРАЧОМ ПОСЫЛАЛИ

В старину, в далекую старину, как-то раз под вечер шло у цикад большое веселье.

Вдруг одна из них жалобно заверещала:

— Ой, больно! Ой, не могу! Ой, в животе рези!

Поднялся переполох. Видят цикады, что совсем плохо дело, и решили скорее послать за врачом. Тут заспорили они между собой: «Пшлем ту, нет, лучше эту...»

А самая старая и мудрая цикада посоветовала:

— Надо сороконожку послать. У нее ног много, она скорее всех добежит.

Попросили цикады сороконожку сбежать за врачом, а сами стрекочут возле больной:

— Потерпи немного, потерпи, потерпи!

Время идет, больная стонет, а врача все нет как нет. Полетели цикады посмотреть, не вернулась ли сороконожка к себе домой. Видят они: сидит сороконожка, обливаясь потом, на пороге своего домика, а перед ней — ворох соломенных сандалий.

Спросили ее цикады:

— Что же врач так долго не идет?

А сороконожка в ответ:

— Не видите разве, я спешу изо всех сил. Как надену сандалии на все свои ноги, так сразу же и побегу за врачом.

Тут только догадались цикады, что сороконожка еще обувается в дорогу.

**ВЕЧЕР
ДЕВЯТЫЙ**

ДЕВУШКА С ЧАШЕЙ НА ГОЛОВЕ

В старину, не слишком от нас отдаленную, жил в уезде Катанó провинции Кавáти некий человек по имени Санзтакá, носивший звание Биттю-но ками, правителя округа Биттю, и владел он несметными богатствами. Было у него всего вдоволь, ни в чем не терпел он недостатка.

Человек он был возвышенных мыслей: любил музыку и поэзию. Когда расцветали вишни, то под сенью их ветвей грустил он о том, что скоро осыплется непрочный вишневый цвет, слагал стихи и любила читать сборники стихов — Кокýнсю, Манъёсю, повесть «Исэ-моногатáри» * и романы того времени. Глядя на полную луну, вздыхала она, что рассвет прогонит ночь. Ничто не омрачало их сердец. Жили они в полном согласии, неразлучные, как пара мандаринских уток.

Одного только не хватало супругам для полного счастья: не было у них детей. День и ночь печалились они об этом, и вот наконец посетила их неожиданная радость: родилась у них дочка. Не выразить словами, как обрадовались отец и мать. Безмерно берегли они ее и лелеяли. Утром и вечером молились богине Кáннон, совершали паломничество в Хасэ *, моля о благополучии и счастье своей дочери.

Так безмятежно текли месяцы и годы. Но когда исполнилось химэгими¹ тринадцать лет, матушку ее посетила вдруг тяжелая болезнь. Чувствуя, что не сегодня-завтра покинет этот мир, призвала она к себе свою дочь и, поглаживая ее волосы, блестящие, нежные, как листья весною, вздохнула:

— Увы, жестокая судьба! Не дождалась я, чтоб исполнилось тебе лет семнадцать — восемнадцать, не успела выдать тебя замуж... Тогда бы умерла я со спокойным сердцем... Да не сбылось это, оставляю я тебя, малолетнюю...— И при этих словах полились у нее слезы.

Химэгими тоже заплакала вместе с матерью.

Тогда мать глубоко-глубоко вздохнула, достала стоявший неподалеку ларчик и поставила его на голову дочери. Потом воткнула в волосы дочери гребень, наверно, самый тяжелый на свете, а сверху надела чашу-хати², такую большую, что она закрыла голову девочки до самых плеч, и затем произнесла такие стихи:

Я — слабая былнька,
Но верю в помощь дивную твою,
Богиня Каннон!
Все совершила я в мой смертный час,
Что некогда ты повелела мне.

И с этими словами отошла в иной мир.

Отец, пораженный горем, стал плакать и сетовать:

— О, зачем покинула ты нашу юную дочь, зачем скрылась от нас неизвестно куда!

Но что делать! Как ни грустна была последняя разлука, а пришлось предать умершую огню на погребальном костре. Там обратился в дым ее прекрасный образ, безжалостный ветер развеял лик, сиявший, подобно полной луне.

Отец подошел к химэгими и попробовал было снять у нее с головы чашу, но не смог. Чаша словно приросла.

— О, несчастье! Лишилась ты своей матери. Так нет же! Злой судьбе этого показалось мало, награди-

¹ Х и м э г и м и — титул знатной девушки или молодой женщины в старой Японии.

² Х а т и (санскр. патра) — широкая чаша из камня, дерева или металла с плоским дном; в данном случае — деревянная. Буддийские монахи собирают в нее подаяния.

ла она тебя неслыханным уродством. Какое горе! — печалился он.

Но еще того больше грустила осиротевшая дочь. Все время молилась она о душе матери. Образ ее всегда стоял перед глазами химэгими.

Когда весной опустеют ветки сливы, растущей у застрехи дома, когда облетают вишни и остается на них лишь негустая листва, грустно становится на сердце. Но дождись новой весны, и цветы раскроются снова.

Луна зайдет за гребни гор, ночной мрак поглотит ее, но на следующий вечер она появится вновь. Увы, милые образы ушедших от нас людей не являются нам с полной ясностью даже в сновидениях. И нет того дня, и нет того вечера, и нет того перекрестка дорог, на котором кто-нибудь хоть однажды повстречал наяву тех, кто ушел безвозвратно в иной мир. Кружатся мысли в голове, как колесо, вертящееся вхолостую, но нет сил остановить колесо судьбы.

Через некоторое время собрались вместе родные и близкие отца химэгими и стали толковать, что не годится мужчине до конца своих дней оставаться одиноким:

— Что пользы без конца печалиться, подстелив в изголовье влажный от слез рукав! Как бы ни была дорога сердцу та, что покинула наш мир, но пора унять свою скорбь.

Санэтака ответил им, что, конечно, супруги ему уже не вернуть, а печаль вдовца слишком тяжела, и нет пользы в вечных жалобах, и что, словом, он последует их благому совету. Все, как один, очень обрадовались, стали искать ему подходящую невесту, и вскоре он вновь женился.

Так изменчив наш мир, а сердце человеческое непрочно, как вишневый цвет. Когда минула осень и облетели с веток алые листья клена, во всем доме лишь одна химэгими еще печалилась об умершей.

А новая жена воскликнула при виде девушки:

— Бывают же на свете такие отвратительные уроды!

И с тех пор возненавидела свою падчерицу страшной ненавистью. А когда родилась у нее маленькая дочь, уж тогда мачеха не захотела ни видеть Хатикадзуки¹, ни слышать о ней.

Новая жена вечно взводила на свою падчерицу напраслину по каждому пустяку и все время чернила ее в глазах отца.

Что оставалось делать Хатикадзуки? Уйдет она на могилу своей матери и сетует, обливаясь горькими слезами:

— В нашем мире и без того полно печалей, разлучена я со своей матушкой, слезы мои льются рекою, но, увы! — зачем не могу я потонуть в пучине слез. Жизнь стала мне в тягость. Всем я противна, таким небывалым, неслыханным уродством наградила меня судьба. Мачеха меня возненавидела. Когда потеряла я родную мать, то думала, что, если уйду вслед за нею, отец мой будет обо мне печалиться, и жалела его. Но теперь родилась у него другая дочь, и он скоро обо мне и думать забудет. Раз мачеха меня невзлюбила, то и отец — моя последняя опора в жизни — не слишком обо мне будет печалиться. Пусть возродимся мы в едином лотосе *, там успокоится мое сердце, — так сетовала девушка, ручьем проливая слезы, но не было ни одного человека на свете, который отнесся бы с сочувствием к ее печали.

Мачеха, прослышав обо всем, стала говорить:

— Эта Хатикадзуки ходит на могилу своей матери, чтобы проклинать своего отца и меня с моим ребенком. Страшное дело!

Вот какое жестокое обвинение возвела мачеха на свою беззащитную падчерицу.

Увы, мужское сердце изменчиво. Отец поверил своей новой жене и, призвав к себе дочь, сказал ей:

— У тебя низкое сердце! Все жалели тебя за твое убожество, а ты проклинаешь ни в чем не повинных людей, и кого же! Свою вторую мать и маленькую сестрицу. Это чудовищно! Зачем мне терпеть в своем доме злого уroda! Выгоните негодницу из дому, пусть идет куда хочет.

¹ Х а т и к а д з у к и — буквально: «Носящая на голове чашу», презрительная кличка, вроде Золушки или Ослиной шкуры.

Услышав эти слова, мачеха отвернулась в сторону, чтобы скрыть злорадный смех.

О, жалость! Злая мачеха сорвала с Хатикадзуки ее наряд, надела на девушку одно тонкое холщовое платье, а потом вывела ее на перекресток дорог посреди поля, да там и оставила.

«Как жесток наш мир!» — печалилась бедняжка, не зная, куда ей теперь идти. И чудилось ей, будто блуждает она ночью в глубоком мраке. Что могла она? Только лить слезы...

Спустя немного времени она сказала:

На перекрестке дорог,
В далеком неведомом поле
Я одиноко стою.
Где мне приюта искать?
Кто мне поможет, несчастной?

И с этими словами она пошла куда глаза глядят, не выбирая дороги, пока наконец не достигла берега широкой реки.

«Чем блуждать без пути и цели, — подумала Хатикадзуки, — лучше мне броситься в воду, тогда я соединюсь с моей дорогой матушкой». Но поглядела она в быстрые воды реки, и ее юное сердце содрогнулось.

«Как сильно волны бьются о берег! — подумала девушка. — Как белая река кипит на перекатах! Куда ни глянешь — вода так страшна. Что же мне делать?»

Однако, вспомнив о своей матушке, вдруг решилась она уйти из мира, но, прежде чем броситься в бурные воды, сложила такие стихи:

Над пучиной реки
Ветка свесилась ивы,
Словно тонкая нить...
Пусть, как тонкая нить,
Жизнь моя сбросится...

Кинулась она в реку, но деревянная чаша не позволила ей погрузиться в воду с головой. Поплыла девушка по течению.

Рыбаки на лодке заметили ее:

— Смотрите, плывет большая чаша! Ловите ее!

Схватились они за чашу, потянули, вытащили ее из воды, смотрят — да это человек с чашей вместо головы! Рыбаки испугались:

— Ой, что это! Что за диво такое? — и в страхе бросили девушку на берегу. Через некоторое время она очнулась, встала с земли и воскликнула:

О, лучше бы волны реки
Навеки меня поглотили,
Как с ветки упавший плод!
Зачем я выплыла вновь
Из темной речной пучины?

Оглянулась — кругом все пусто, ни живой души, а куда идти, неизвестно. Наконец по неволе побрела она куда ноги несут и вышла к людскому селению.

Крестьяне, увидев ее, зашумели:

— Что это за урод такой?

Вместо головы — деревянная чаша, а руки-ноги человекьи. Видно, старая чаша стала оборотнем.

Иные в страхе показывали на нее пальцем, другие потешались, а нашлись и такие, которые говорили:

— Ну и пускай оборотень! Зато поглядите, какие у него руки и ноги красивые.

А надо сказать, что теми местами ведал правитель по имени Ямакагэ-но самми-тюдзэ¹. Как раз в это время прогуливался он по веранде своего дома. Залюбовавшись цветущими деревьями, правитель остановился в задумчивости:

«Что прекраснее весеннего вечера! Показать бы сейчас своей любимой, как горят огни в далеких селениях, где жгут чернобыльник, чтобы отогнать москитов, как стелются прозрачные дымки по самому краю неба!..»

Вдруг видит он: на дороге показалась девушка с чашей на голове.

— Эй, позовите-ка ее сюда! — приказал правитель.

¹ Ямакагэ — фамилия; самми-тюдзэ — звание: военачальник императорской гвардии третьего ранга. В старинной Японии было в обычае называть человека по его титулу.

Слуги бегом отправились выполнять приказ господина и привели к нему Хатикадзуки.

— Откуда ты родом и кто ты такая? — спросил правитель.

— Родилась я в Катано, — ответила Хатикадзуки. — Рано лишилась матери я и печалюсь о ней безмерно. Постигло меня и другое горе. По воле судьбы стала я неслышанным уродом, всем на свете я противна. Дошла я без пути и цели до берега Нанива, а отсюда пойду куда ноги меня несут, сама не знаю куда.

Стало правителю жаль девушку, и приказал он снять с ее головы чашу. Но не тут-то было! Крепко чаша приросла к голове. Как ни бились слуги, не могли и на волос ее сдвинуть. Глядели на это люди и посмеивались:

— Откуда только взялось такое страшилище!

— Куда же ты отправишь теперь свой путь, Хатикадзуки? — спросил девушку господин тюдзэ.

— Некуда мне идти, — ответила она, — потеряла я свою добрую мать, стала пугалом для людей, все боятся и взглянуть на меня, все гнушаются мной, а пожалеть меня некому.

— Ну что же, я думаю, что занятно иметь у себя в доме такое удивительное существо, — сказал господин тюдзэ и решил оставить девушку у себя в услужении.

— В чем твое мастерство? Чему ты обучена? — спросил он ее.

— Никакому полезному мастерству я не обучена. Вот только, пока матушка была жива и заботилась обо мне, научилась я играть на разных цитрах да на маленькой флейте, выучила наизусть стихи из Кокинсю, Мантёсю и Исэ-моногатари, все восемь свитков Сутры лотоса * и многие другие молитвы. А больше я ничего не знаю.

— Ну, если ты ничего другого не умеешь, то будешь истопницей при бане.

Непривычная это работа была для девушки, но против судьбы не пойдешь! Пришлось ей топить печь и греть воду. Весь день с самого утра люди в доме издевались над нею, не давали ей проходу злыми шутками. Ни у кого не нашлось в душе хоть капли жалости. Только и слышала она:

— Эй, Хатикадзуки! Горячую воду для господина!

Не успеет еще окончиться третья и четвертая стража ночи¹, еще не наступит рассвет во время пятой стражи, как ее уже будят и заставляют браться за работу. Не привык склоняться бамбук, а сгибается до самой земли под тяжестью снега. Печальная сидит Хатикадзуки перед огнем. Мысли ее горьки, как дым от валежника. Страшится девушка, что недобрая слава о ней расхочется широко вокруг, словно этот горький дым!

— Скорее нагрей воду! Подай горячей воды! — кричат на нее слуги.

Только начнет смеркаться, как уже приказывают:

— Подкидывай хворост! Нужна горячая вода омыть ноги господину. Эй, Хатикадзуки, живее!

Подкладывая хворост в печь, грустно жаловалась усталая девушка на свою судьбу:

Как трудно, как тяжело,
Нежных рук не щадя,
Ломать колючий валежник.
О, если б вечерним дымком
Исчезнуть в далеком небе!

«За какие грехи в прежних моих рожденьях*, — вздыхала Хатикадзуки, — послана мне эта злосчастная доля? Долго ли мне томиться в этом грустном мире? Печаль жжет меня, словно огонь в печи».

Горой навалится на грудь горе, рукава так влажны, словно смочила их волна на морском побережье, слезы льются ключом, но нет ключа отпереть родные двери. Жизнь, словно росинка, повисшая на самом кончике лепестка, вот-вот исчезнет.

Когда ж ты сметешь с небес,
О ветер, шумящий в соснах,
Угрюмые облака,
И снова на ясном небе
Сиянье луны разольется?

Сложив такие стихи, девушка вновь торопилась нагреть воды.

¹ Ночь от заката до восхода делилась на пять «страж», по два часа в каждой. Третья стража начиналась примерно в полночь.

А надо сказать, что у господина тюдзё было четверо сыновей. Трое старших уже обзавелись своей семьёю.

Младший по имени Ондзоси, носивший звание сэйсё¹, был очень хорош собою, приятен и мягок в обхождении, и все говорили, что напоминал он знаменитых красавцев древности: принца Гэндзи и Ариварано Нарихира*.

Юноша любил все прекрасное. Весной он проводил свои дни под сенью вишен в цвету, грустя о том, что так скоро они облетят. Летом влекли его сердце листья на дне прозрачного потока. Осенью он любовался садом, усыпанным алыми листьями клена, и всю ночь до рассвета не сводил глаз с полной луны. Зимой печалился о мандаринских утках, глядя, как дремлют они неверным сном среди камышей на краю пруда, подернутого ледком.

Но не было у него жены, некому было подстелить ему свой рукав в изголовье. Одиноким, он следовал только прихотям своего сердца.

Однажды случилось так, что госпожа и ее старшие сыновья давным-давно искупались в горячей воде, один лишь Ондзоси запоздал. Уже смеркалось, когда он прошел в баню. И вдруг услышал он нежный голос Хатикадзуки:

— Я сейчас налью чистой воды для вашей милости.

Когда же начала она наливать воду, удивительная красота ее рук и ног ослепила юношу. Ему казалось, что он видит чудо.

— Послушай, Хатикадзуки, кругом ни души, стесняйся некого. Помой мне спину, прошу тебя.

Вспомнила девушка свое прошлое. Ей ли быть простой прислужницей в бане? Но как послушаться приказа господина? Нехотя пришлось войти в баню.

¹ С а й с ё — государственный советник. Подобные звания бывали зачастую номинальными.

Увидев девушку, Ондзоси подумал:

«Невелика, говорят, провинция Кавати, но женщин в ней много. Однако, сколько ни встречал я тамошних уроженок, ни одна из них не могла сравниться нежной прелестью с этой девушкой. Когда был я однажды в прекрасной нашей столице, видел я, как цветут вишневые сады возле храма Ниннадзи. Всегда там толпилось множество людей высокого звания, воинов, слуг и крестьян из соседних деревень, перед воротами храма был людный базар, но и там, среди всей этой толпы, не видел я ни одной девушки, подобной Хатикадзуки. Нет, нет, что б там ни было, а мне уж не найти в себе силы отказаться от нее».

И он воскликнул:

— Слушай, Хатикадзуки! Я полюбил тебя! Доверься мне. Наш союз будет так долговечен, как долго живут черепахи в заливе тысячелетних сосен. Отныне и на веки веков, Хатикадзуки, мы будем неразлучны, как соловей и слива в саду.

Но девушка не дала ответа. Ондзоси стал говорить снова:

— О, я ведь не река Тацута *. Прочно и никогда не порвется парча моей любви. Сердце мое никогда не устанет любить тебя, если даже скажут твои уста «нет». Суровость твоя горька мне, но верю я: суровых гор камни — опора могучих сосен. Но кто знает, может быть, рука другого уже пробудила звуки в струнах забытой цитры. Если есть на свете такой счастливец, я погибну от мук неразделенной любви, но не буду роптать на тебя. Ответ же, ответ мне!

Как молодой конь, вскормленный в открытом поле, страшится, даже повинуюсь любимому господину, войти в стремнину Имосэ — «Реки Супружеского счастья», так и Хатикадзуки медлила в нерешительности. Она застыдилась, услышав слова о другом счастливце.

— Порвались поющие струны, — наконец сказала она, — и никто не старается пробудить их к жизни. Печалюсь я в моей трудной доле о том, что безвременно умерла моя мать, а я еще живу. Обречена я жить в этом грустном мире, и даже не смогла я надеть черной монашеской рясы. Вот о чем скорблю я день и ночь.

Услышав ее слова, сайсё подумал: «О, это прямой

отказ!» — и начал уговаривать девушку нежнее прежнего:

— Твоя правда! Твоя правда! Наша жизнь во власти многих карм * и потому полна превратностей. Нет в ней ничего прочного. Забыв о том, что несчастье посылается нам в воздаяние за грехи в прежних рождениях, мы ропщем на богов и будд *. Вот и ты, быть может, в прежней своей жизни сломала на краю дороги ветку молодого дерева или, кто знает, разлучила влюбленных и надломила их жизнь. За это и терпишь. Ты осиротела совсем юной. Ложе твое увлажнено рекою слез. А я вот дожил до двадцати лет, но нет у меня еще подруги жизни. Кладу свое изголовье * там, где посетит меня сон, и томлюсь в печальном забытии. Так, должно быть, случилось потому, что я был связан с тобой крепкими узами в прежнем рождении! Верно, не кончилось действие этой кармы. Вот ты и блуждала по земле, но все же пришла наконец сюда, и кончились мои поиски. Много на свете красавиц, но если нет среди них твоей суженой, то ни одна не очарует глаз. Видно, ты суждена мне, раз я так сильно полюбил тебя с первого взгляда. С самого того часа, как покинула ты родной кров, до нашей сегодняшней встречи, все совершалось по велению судьбы. Это сулит нам счастье в будущем. Никогда, никогда не остынет наша любовь. Скорее изменится далекий остров в океане — пристанище китов, или дикое поле, где прячется тигр, или морское дно на глубине в тысячу хирó¹, скорее исчезнут пять путей вселенной, по которым вечно блуждает все сущее, шесть миров, четыре рождения... * Скорее рухнут скалистые утесы над рекой Имосэ!.. Пусть будем мы неразлучны до самого берега Нирваны! * — Такой крепкой клятвой поклялся юноша.

Хатикадзуки замерла в нерешимости, словно лодка, что не может сдвинуться с места в бурном потоке, как ни налегают гребцы на весла. Но такая сила любви жила в словах юноши, что невольно ее сердце начало склоняться к нему.

«Ах,— думала она,— что будет со мною, если склонюсь я нынче ночью, словно бамбук под ветром?

¹ Х и р о — мера глубины и длины, равна 1,82 метра.

Пусть он даст мне столько клятвенных обетов, сколько узлов в стебле бамбука, но, как знать, будет ли прочен узел нашего союза? Не лучше ли мне уйти отсюда куда глаза глядят, пока никто не прочитал тайны, скрытой в глубинах моего сердца?» — И Хатикадзуки залилась слезами.

Сайсё стало жаль ее.

— О, зачем, Хатикадзуки, ты так печалишься? Когда мы свыкнемся друг с другом, я все равно не позволю себе и тени небрежения к тебе. Жди меня, когда смеркнется, я приду.

Даже днем Ондзоси несколько раз навестил Хатикадзуки. Он принес в ее хижину изголовье из дерева, прочного, как союз верных сердец, и свою любимую флейту.

— Успокойся и не лей ты слез,— сказал он,— пусть звуки флейты утешат тебя!

Девушка не знала, что ей делать, так сильно она застыдилась.

«Сердце человека меняется иногда несколько раз в течение одной только ночи, словно глубины реки Асука. Ах, была бы я такой, как другие люди! — думала она.— Тогда я могла бы любить, не требуя верности. Зачем я живу на свете? Как стыдно мне, что этот прекрасный юноша бросил на меня свой взгляд!» — Так плакала девушка, томясь стыдом и печалью.

Поглядев на нее, Ондзоси подумал в изумлении: «С чем сравню я тебя, Хатикадзуки? С нежным ароматом цветов горного персика или дикой сливы? С полной луной, появившейся в разрыве облаков? Ты словно тонкие нити ивы, когда ранней весной волнует их ветер, словно гвоздика в саду, бессильно склонившаяся под тяжестью росы. В смущенье опускаешь ты глаза, но как прелестно твое лицо! Даже столь прославленные красавицы Ян Гуи-фэй и госпожа Ли * не могли бы превзойти тебя очарованием своим!» И еще он подумал:

«О, если б ты сняла чашу с головы и, не стыдясь, открыла бы свое прекрасное лицо! Тогда оно засияло бы, как луна пятнадцатой ночи, а не как ущербный месяц».

Когда же юноша вышел из лачужки возле бани, то ему стало так грустно на душе, что даже цветущие

ветви сливы, которыми он любовался на пути домой, не могли его утешить.

«О, когда же наконец Хатикадзуки...» — думал он.

С нетерпением дожидаясь вечерней темноты, он молил небо о том, чтобы юная сосенка, только начавшая расти на берегу Сумиёси, жила так долго, как тысячелетние сосны.

А тем временем Хатикадзуки, не находя места, куда положить изголовье и флейту, в растерянности держала их в руках.

Настала ночь любви и пролетела, как сон...

Забелело небо на востоке, закричал петух, открывающий заставу утренней заре. Еще не протянулись на востоке утренние облака, как раздался знакомый приказ:

— Скорее готовь горячую воду, Хатикадзуки!

— Вода уже греется. Прошу, возьмите! — Ломая и бросая в огонь дымный валежник, она вздохнула:

О, если бы легким дымком
Исчезнуть в далеком небе!

Слуга услышал ее и подумал:

«У этой Хатикадзуки лица не видать, но голос ее и смех так нежны, руки и ноги так прелестны! Наши другие служанки и в сравнение с ней не идут. Подойду к ней, попробую поухаживать». Заглянул слуга под чашу, но на лицо девушки падала такая густая тень, что он мог рассмотреть только рот и подбородок, а выше ничего не было видно. Побоялся он, что товарищи его засмеют, да и от девушки получил неожиданный отпор.

Долгим показался весенний день, но и он наконец догорел, усталый. Алый цвет погас в сумерках, и раскрылся вечерний вьюнок, недолговечный, как любовь в человеческом сердце.

Юный Ондзоси, одетый наряднее обычного, тихонько приблизился к плетеной из тростника двери, которая вела в лачужку Хатикадзуки. А девушка, не зная об этом, думала: «Обещал он прийти, как только смеркнет, а между тем уже наступила ночь. Уже и псы в деревне лают на запоздалых прохожих. Нет, не придет он!»

И, глядя на изголовье и флейту, девушка сложила такую песню:

О том, что ты сегодня не придешь,
Печально мне шепнуло изголовье:
Оно прочнее сердца твоего.
И как ни сладок голос этой флейты,
Ее напевы — только звук пустой.

Ондзоси, стоявший за дверью, отозвался ей:

Пускай минует тысяча веков.
Но времени союз наш не страшится,
Любовью нашей прочно он скреплен.
Поет бамбук, пост на изголовье,
Идет, поверь, от сердца каждый звук!

И он поклялся не разлучаться с ней никогда. Так вместе летят две однокрылые птицы *, так растут два дерева из одного корня.

Но как ни скрывай любовную тайну, а, словно багряник в саду, не укроешь ее от людских глаз. В доме нашлось немало ненавистников, проведавших о союзе двух влюбленных и жестоко осуждавших девушку.

— Наш господин сайсё ходит по ночам к Хатикадзуки. Вот мерзость! Какой низкий у него вкус. Конечно, женщина, будь она хоть знатного рода, будь хоть низкого рождения, заводит себе любовника, так уж исстари повелось. Но ведь всему же есть граница! Если молодому господину вдруг взбрело в голову навестить Хатикадзуки, то эта негодяйка должна была бы отказать ему. Не смею, мол, я любить вас! А она?

Как-то раз в доме принимали гостей, и Хатикадзуки пришлось ждать своего возлюбленного до глубокой ночи. Погруженная в печальные мысли, глядела она на луну:

Милого я жду.
Улетает грустный взор
К дальним небесам.
Влажный от росы рукав
Приютил лучи луны.

Вот какое стихотворение сложила Хатикадзуки.

Но юноша все нежнее любил ее, все нерушимей становился их союз. Ничто не могло бы заставить его покинуть возлюбленную.

А слуги продолжали толковать:

— Господин сайсё ни с кем на свете не считается, странные у него прихоти сердца!

Так уж водится, что люди злословят о том, что их меньше всего касается.

Наконец сплетни дошли до ушей матушки молодого сайсё.

— Люди, наверно, болтают пустое. Спрошу-ка я кормилицу!

Но кормилица подтвердила:

— Это сущая правда!

Изумились отец и мать, так изумились, что некоторое время не могли слова вымолвить. Наконец сказали они:

— Расспроси его обо всем, кормилица. Усовестить молодого господина, чтобы он больше и близко не подходил к этой Хатикадзуки.

Кормилица пошла к юноше и осторожно завела с ним разговор:

— Послушайте, наш юный господин! Хоть и нет в этом, может быть, ни слова правды, но матушке вашей наговорили, будто посещаете вы служанку Хатикадзуки, ту самую, которая греет воду в бане. Матушка ваша изволила молвить: «Ах, нет, не может этого быть! Но если правда, то надо выгнать Хатикадзуки из дому, пока супруг мой не узнал».

Молодой господин ответил на это:

— Давно ожидал я услышать такие речи. Но если двое расположатся на отдых под сенью одного дерева и зачерпнут воду из одного источника, то и тогда не случай в этом повинен, так предопределено было в прежнем рождении. Вот что гласит древняя мудрость. Супружеские узы разорвать нельзя, хотя пришлось бы лишиться отцовского наследства или погрузиться в глубину моря на тысячу локтей. Лишиться родительской любви и доверия — это поистине бездонный ад, но чего не стерплю я, лишь бы не расстаться с моей женой! Если даже отец мой в гневе убьет меня, что ж — ради Хатикадзуки мне и жизни не жаль! Никогда я ее не покину! Пусть даже выгонят меня из дому вместе с Хатикадзуки, я и не подумаю печалиться, хотя бы и пришлось мне ютиться в шалаше где-нибудь в пустынных полях или диких горах. Только бы моя любимая была со мной!

Так сказал Ондзоси и, покинув свои великолепные покои, пошел в жалкий шалаш, возле которого были навалены вязанки хвороста. Раньше он в дневную пору прятался от людских взоров, но после разговора с кормилицей стал открыто проводить целые дни в хижине Хатикадзуки. Братья его рассердились и стали говорить, что не хотят больше жить с ним под одной кровлей, но юноша и слушать их не захотел.

Матушка его сказала:

— Видно, эта Хатикадзуки не простой человек, а оборотень. Ах, погубит она моего сына. Что нам делать теперь, Рэндзэй? — спросила она кормилицу.

— Раньше у молодого господина был застенчивый нрав, — отвечала та, — легко он смущался. Бывало, безделица вгоняла его в краску, а сейчас не видно на его лице и тени стыда. Не станет он слушать ничьих слов. А вы поступите вот как. Устройте смотрины всех ваших невесток, чтобы решить, которая лучше. Вот увидите, Хатикадзуки постыдится всем на глаза показаться и от позора сбежит куда-нибудь подальше. И понемногу молодой хозяин забудет ее!..

Госпоже понравился совет кормилицы. В доме пошли оживленные толки:

— Когда же, когда наконец смотрины невесток?

Ондзоси вошел в хижину Хатикадзуки и сказал, роняя слезы:

— Послушай, моя любимая! Чтобы выжить тебя из дому, затеяли они смотрины невесток. Как же нам теперь быть?

Хатикадзуки тоже залилась слезами:

— Из-за меня терпишь ты такие притеснения и тревоги. Убегу я куда глаза глядят.

— О нет, вдали от тебя я и часу не проживу! — воскликнул Ондзоси. — Уйдем отсюда вместе!

Горько плакала Хатикадзуки, не зная, что ему ответить. А между тем время шло. В канун дня смотрин Ондзоси и Хатикадзуки решились убежать из дому. Глубокою ночью начали они готовиться в путь. Едва только забрезжил рассвет, они привязали шнурами к ногам дорожные сандалии. Грустно было юноше покидать дом, где жили его отец и мать. Слезы затуманили его глаза. Ах, придется ли когда-нибудь свидеться вновь с родителями?

А впереди дорога в безвестные дали... Но решимость его не поколебалась.

— Что ж! — воскликнул он. — Видно, пришла пора разлучиться с родным домом!

Увидев его печаль, Хатикадзуки воскликнула:

— Ах, отпусти меня одну! Если этого хочет судьба, мы все равно увидимся снова!

— Не говори таких жестоких слов. Я готов идти с тобой хоть на край света!

С чем я сравнить могу
Нахлынувшую в сердце
Любовь мою к тебе?
Так бьет из глубы скал
Родник неудержимо.

Хатикадзуки прошептала ему в ответ:

Так, видно, суждено!
В далеком поле стану
Я — травкой луговой,
Ты — капелькой росы.
Погибнем мы, но вместе!..

Ондзоси на это молвил со вздохом:

На кончике листка
Чуть держится росинка.
Недолг их союз.
Нам радостью любви
Недолго наслаждаться!

Ондзоси медлил на пороге родного дома. Охваченный горестью разлуки, он не находил в себе силы уйти и не мог унять своих лившихся из глаз слез. Но нельзя было более колебаться. Ночь сменилась рассветом. «Скорее в путь», — сказал он, но только что любящие собрались со слезами выйти в дальний путь, как вдруг чаша, которую Хатикадзуки носила на голове, скатилась на землю.

Онемев от неожиданности, юноша поглядел долгим взором на лицо своей подруги. И что же! Если бы луна пятнадцатой ночи внезапно появилась в разрыве облаков, она не затмила бы красоту Хатика-

дзуки. Ничто на свете не могло бы сравниться с прелестью ее лица, осанки и длинных, до полу ниспадающих волос.

Вне себя от радости юноша поднял упавшую на землю чашу. Под ней лежал маленький ларчик. Он открыл его — и что же оттуда вышло! Три золотых шара, несколько золотых чарок, серебряный ковш для вина, золотая ветка померанца с тремя плодами, ветка с плодами диких груш, отлитая из чистого серебра, двенадцать великолепных платьев, шаровары, окрашенные пурпуром тысячу раз... Не перечесть всех сокровищ!

Взглянув на них, Хатикадзуки подумала: «Ах, это, верно, дар богини Каннон из храма Хасэ! Ведь она была покровительницей моей покойной матушки...» Стало у нее на душе грустно и в то же время весело. Слезы брызнули из ее глаз.

Поглядел на нее Ондзоси и сказал:

— Какое неслыханное счастье! Теперь нам не надо бежать отсюда.

И они стали готовиться к смотринам невесток. Утро было уже в разгаре, и в доме воцарилась праздничная суматоха. Слуги злорадно посмеивались:

— Видно, это пугало с чашей на голове собирается пожаловать в парадные покои! Как только ей не стыдно! Недостало ума скрыться потихоньку...

Между тем три старшие невестки разделись к смотринам как нельзя лучше. Жена старшего сына была наряжена самым изысканным образом, соответственно осеннему времени года. На вид ей было лет двадцать с небольшим. Поверх белого платья было на ней надето много цветных нарядов. Концы длинных алых шаровар тянулись за нею по земле. Столько драгоценных гребней сверкало в ее черных волосах, что кругом сияние разливалось. Слуги за нею несли богатые дары для свекра и свекрови, красиво уложенные на широкой крышке ларца: десять свертков узорчатого китайского шелка и десять праздничных нарядов.

Жене второго сына было лет двадцать. Она превосходила всех прочих изяществом и благородством осанки. Гребни в ее волосах были не столь высоки, как у старшей невестки. На ней поверх исподнего платья из прохладного шелка-сырца было надето

платье, простроченное золотыми и серебряными нитями. Концы вышитых шаровар цвета алых лепестков сливы тянулись за ней по полу. От одежд ее веяло тончайшим ароматом. Она тоже принесла дары: тринадцать прекрасных праздничных нарядов.

Жена третьего сына была самая прелестная из всех трех невесток, ей было всего восемнадцать лет. Гребни у нее были пониже, чем у других невесток, но она так сияла красотой, что ей могли бы позавидовать и луна, и вишневые цветы. На ней было нижнее платье багряного цвета, а сверху другие — из китайского узорчатого шелка. Она принесла в дар тринадцать свертков цветной шелковой ткани.

Все три невестки вместе являли собой великолепное зрелище.

В самом дальнем углу, там, где пол был пониже, приготовили место и для Хатикадзуки, расстелив на полу дырявую циновку. Служанки судачили между собой:

— Какой будет жалкий вид у этой Хатикадзуки, когда она увидит остальных невесток. То-то мы посмеемся!

В ожидании выхода Хатикадзуки служанки, можно сказать, оправляли на себе перышки, словно птицы на застрехе дома. Три старшие невестки тоже не помнили себя от нетерпения: когда же она появится!..

Господин свекор вздохнул с грустью:

— Значит, она никуда не ушла и сейчас покроет себя позором. Жаль мне ее, бедняжку! Ах, к чему было устраивать эти смотрины! Пусть бы жила себе в своей хижине, не появляясь никому на глаза.

Уже не раз посылали слуг узнать, почему опаздывает Хатикадзуки. Наконец Ондзоси ответил:

— Сейчас она придет.

Слуги загалдели, переглядываясь и посмеиваясь. И вот — она вошла. С чем можно было сравнить ее? Так луна, дотоле чуть мерцавшая в туманной завесе, вдруг выплывает из-за облаков. Лицо Хатикадзуки сияло нежной возвышенной красотой, а осанка ее была изящна и благородна. Так в самом начале весны, тонкие, как нити, ветви прибрежной ивы, сплошь осыпанные росой, ослепительно свер-

кают в лучах утреннего солнца. Брови ее были чуть тронуты тушью, словно их затуманила легкая дымка. Пряди волос на висках трепетали, словно крылышки осенней цикады. Хатикадзуки шла грациозной, скользкой походкой, чуть покачиваясь на ходу. Она затмила бы весною вишневые цветы, а осенью — полную луну.

Лет ей было всего пятнадцать — шестнадцать. Исподнее платье на ней было цвета лепестков чайной розы, а поверх него переливались красками другие наряды: алые, лиловые из узорчатой китайской парчи. Концы пурпурных шаровар тянулись за ней по полу через весь широкий покой. Драгоценные заколки трепетали в ее прическе, словно крылья чайки.

Всем почудилось, что перед их взорами предстала небесная фея. Глаза у всех широко раскрылись, дыханье замерло... Того ли они ожидали? Сердце Ондзоси переполнилось радостью.

Между тем Хатикадзуки, отдав низкий поклон родителям мужа, спустилась с возвышения, устроенного в парадном покое, с тем чтобы сесть на приготовленную для нее равную циновку. Свекор ее, господин тюдзэ, торопливо воскликнул:

— Что же это? Таковую красавицу, поистине небесную фею, и вдруг посадить ниже всех! Разве это возможно?

Вне себя от восторга он позвал ее и посадил на самое почетное место, по левую руку от хозяйки дома *.

Хатикадзуки поднесла господину свекру великолепные дары: золотые чарки на серебряной подставке, ветку с тремя золотыми померанцами, десять рё золота. На широкой подставке пестрела груда шелков: китайский узорчатый шелк, тринадцать полных нарядов для парадного выхода, десять свертков

китайской парчи, пятнадцать свертков шелка, накрученных на узорные палочки.

Госпоже свекрови Хатикадзуки поднесла золотые шары и литую из серебра ветку дикой груши на подставках из чистого золота, а также сто свертков цветного шелка.

Люди, бывшие там, не знали, чему больше удивляться: красоте ли Хатикадзуки, наряду ее или великолепным дарам.

Старшие братья до этого очень гордились своими женами, но по сравнению с Хатикадзуки жены их были все равно что демоны перед Буддой.

— Поглядите, поглядите на нее! — восклицали старшие братья, не в силах отвести глаз от Хатикадзуки. Она освещала все вокруг своей красотой. Все были так поражены, что не находили слов, чтобы высказать свое восхищение.

— Сама Ян Гуй-фэй, сама госпожа Ли — и то не могли бы затмить ее! Ах, провести с ней хотя бы одну ночь! Было бы что вспомнить, — с завистью шептали многие.

Господин тюдзё подумал: «Не удивляюсь теперь, что сын мой влюблен в нее без памяти!»

Между тем принесли чарки с вином и стали подносить по очереди всем невесткам. Дошел черед и до младшей. После этого чарки пошли по кругу.

Трое старших невесток стали совещаться между собой:

— В красоте она никому из нас не уступит. Устроим же состязание в игре на цитре. Лучше всего на японской цитре *. Ведь на ней умеют играть только девушки из самых знатных семей. Пусть Ондзоси, примирившись с тем, что жена его из низкого рода, научит ее когда-нибудь играть на цитре, но за сегодняшней вечер он сделать этого не успеет. Так начнем же!

Жена старшего брата начала играть на цитре-бива, жена второго — на цевнице. Сам господин свекор стал бить в барабан, а младшую невестку стали настойчиво просить, чтобы она играла на японской цитре.

Хатикадзуки ответила отказом:

— Я первый раз в жизни слышу такую чудесную музыку, где же мне играть самой!

Ондзоси, взглянув на нее, подумал:

«Настала пора показать этим людям, что перед ними знатная госпожа. Пусть же смело играет».

Хатикадзуки между тем думала:

«Они уговаривают меня, чтобы насмеяться надо мною. Не знают они, что матушка моя в бывалые дни учила меня музыке каждое утро и каждый вечер».

— Ну что ж, попробую, — сказала она и, придвинув к себе лежавшую неподалеку цитру, сыграла одну за другой три прекрасные мелодии.

Старшие невестки, смущенные успехом соперницы, снова стали совещаться между собой:

— Устроим новое состязание, кто лучше всех сложит стихотворение и напишет его самым красивым почерком. Пусть господин сайсё когда-нибудь и научит свою замарашку этим мудреным искусствам! Вряд ли он успеет сделать это так скоро! Так давайте

же заставим ее сложить стихи, да и высмеем хорошенько!

— Послушайте, химэгими, — обратились они к ней, — вслед за вишневым цветом распускаются цветы глициний, весна и лето — близкие соседи. Осенью же милее всего цветы хризантем. Вот на эту тему, химэгими, и сочините стихи.

Химэгими ответила:

— Ах, трудную работу вы мне задали! Служу я при бане и умею только качать воду при помощи водяного колеса. Вот и все мое искусство! Где же мне стихи сочинять, я об этом и понятия не имею. Покажите вы сначала, как это делается, а уж потом и я как-нибудь попробую!

Но старшие невестки не отступились:

— Нет, химэгими, сегодня вы здесь главная гостья, вам и подобает начать первой.

Согласилась химэгими и, немного подумав, сложила вот какое танка:

Вишня раскрывается весной.
Летом зацветает померанец.
Осень — это царство хризантем.
Но для каждого цветка равно
Тяжко бремя утренних росинок.

Потом она взяла кисть.

— Попытаюсь я написать «дрожащей кистью» в старинной манере Тóфу *, — и, начертив несколько письмен, изумила всех.

— Уж не сама ли Тамамó * перед нами? — заговорили люди. — Нет, это не простой человек. Даже страх берет!

Между тем снова были поданы чарки с вином. Господин свекор предложил младшей невестке первую чарку.

— Прошу, закусите чем-нибудь, — сказал он и прибавил: — Есть у меня поместье величиной в две тысячи триста тё¹. Тысячу тё я дарю химэгими, еще одну тысячу младшему сыну моему сайсё-но кими. Остальные же триста тё поделю поровну между тремя

¹ Тё — мера земельной площади, равна 0,992 гектара.

старшими сыновьями, каждому по одной сотне тѣ. А если кому из них этого покажется мало, тот мне не сын.

Старшие сыновья в глубине души сочли такое решение несправедливым, но принуждены были покориться. С этих пор стали они считать сайсѣ-но кими главным владельцем поместья.

К химэгими приставили свиту из двадцати четырех служанок во главе с кормилицей Рэйдзэй и поселили ее в покоях молодого сайсѣ.

Однажды сайсѣ сказал ей:

— Не верится мне, чтобы ты была из простого рода. Открой мне свое имя.

Химэгими смутилась, стала всячески отговариваться, но имени своего не открывала. Не хотелось ей позорить свою мачеху...

* * *

Время шло. У химэгими родилось много сыновей. Она была счастлива, но не забывала свою матушку в поминальных молитвах.

Захотелось ей повидать отца, чтобы он полюбовался на своих внучат.

А между тем мачеха была так жадна и зла, что все слуги ее покинули, разбежались кто куда. Понемногу она впала в бедность и не могла найти жениха для своей единственной дочери. Мать и дочь возненавидели друг друга и постоянно ссорились между собой.

«Что делать мне в этом злосчастном доме? Ничто больше не привязывает к нему моего сердца», — подумал отец и решил покинуть суетный мир и пойти молиться к святым местам. Вспоминая бывалые дни, печалился он об умершей супруге и о том, что нет у него любимой дочери. В таких мыслях дошел он до храма Хасэ и вознес там молитвы. Некогда по милости богини Каннон родилась у него прекрасная дочь, но потеряла она свою мать и обратилась в невиданного уродца... Вдобавок мачеха оклеветала ее... Ах, как это горько, если мать лишь по имени мать! Горько он каялся в том, что поверил наветам второй жены и прогнал из дому свое родное детище.

«А ведь она девушка нежного воспитания. Не привыкла она к голоду и холоду. Несчастливая! На каком далеком берегу живет она теперь, какие бедствия терпит!» — Так думал он, терзаемый поздним раскаянием, и стал от всего сердца молиться!

— Ах, если дочь моя Хатикадзуки еще живет на свете, дозвожь мне увидеться с ней хоть раз в жизни.

Случилось так, что молодой сайсё удостоился благоволения микадо и был поставлен верховным правителем трех провинций: Ямато, Кавати, Ига. Отправился он принести свою благодарность богине Каннон и взял с собою и всю свою семью. Дети весело шумели вокруг него, украшенные цветами, серебром и золотом.

Тем временем отец молодой госпожи горячо молился перед статуей Каннон. Увидели его люди из свиты сайсё и выгнали из храма: «Эй ты, нищий паломник, ступай прочь, убирайся отсюда!»

Старик отошел в сторону и, глядя на прекрасных детей, залился слезами.

Люди стали его спрашивать:

— Скажи, паломник, о чем ты так горько плачешь?

Старик рассказал все, что с ним было, и назвал свое имя.

— Увы, эти детки, осмелюсь сказать, так похожи на мою потерянную дочь!

Услышала его слова химэгими и приказала:

— Позовите ко мне этого паломника!

Привели его на веранду возле храма.

Поглядела на него химэгими. Старик страшно исхудал, вид у него был самый жалкий, но не постыдилась она признать в нем родного отца и вышла к нему навстречу:

— Отец, взгляни на меня, ведь я дочь твоя, Хатикадзуки!

Сайсё услышал ее слова:

— Так, значит, химэгими — дочь господина Катано из Кавати? Я так и думал, что не простого она роду!

Он пожаловал одному из своих сыновей и отцу
химэгими богатые земли в провинции Кавати, чтобы
старик жил в довольстве вместе со своим внуком.
Сам же он поселился в провинции Ига, заботясь
о благоденствии своего потомства.

Так гласит старинное предание.

**ВЕЧЕР
ДЕСЯТЫЙ**

ТАРО ЛЕЖЕБОКА

В селенье Атарасиногó уезда Цукамá, одного из десяти уездов провинции Синáно, что находится на самой дальней окраине области Тосандо, жил некогда один удивительный человек. Звали его Моногусá Тарó Хидзиикáсу. Моногуса Таро — значит Таро Лежебока, и правда, не было в тех краях второго такого отъявленного ленивца.

Но в чем он был величайший на свете мастер, так это строить в своих мечтах прекрасные дома.

«С четырех сторон возвел бы я вокруг дома земляную ограду, — мечтал Таро Лежебока. — С трех сторон устроил бы в ней ворота. Озера я бы выкопал и на восточной стороне сада, и на западной, и на северной, и на южной, чтобы видны были они отовсюду. На озерах устроил бы я островки и посадил на них сосны и криптомерии, а к островкам перекинул бы мосты. Перила на мостах украсил бы резными шпешечками.

Службы я построил бы длиной в двенадцать кэнов, крытые переходы — длиной в девять кэнов... Возвел бы павильоны для рыбной ловли и просто так, для отдыха. Разбил бы внутренние сады: сливовый сад, сад павлоний, сад, окруженный живой оградой из бамбука... В каждом — сотни разных цветов. Главный павильон я бы выстроил шириной в двенадцать кэнов, покрыл бы его корой кипарисового дере-

ва, а потолок сделал бы из драгоценной парчи. Стропила кровли и настил для карниза скрепил бы я серебром с золотой чеканкой. Занавеси велел бы расшить драгоценной зернью, как ожерелья... Все строения, до самой последней конюшни, были бы у меня просторны и великолепны. Да, вот какой дом хочу я построить!»

Но не то что прекрасный дворец, а и сколько-нибудь сносное жилье ему было построить не из чего. Поставил он четыре бамбуковых шеста и укрепил на них рогожу вместо кровли. Не защищал этот дырявый шалаш Таро Лежебоку ни от дождя, ни от солнца. Кожа на руках и ногах у него потрескалась, локти покрылись мхом, вши и блохи не давали ему покоя.

Чтобы открыть торговлю, нужны деньги; чтобы заняться ремеслом, нужно уменье. Оставалось только одно — лежать. Так и лежал он по четыре-пять дней кряду, не вставая с земли.

Случалось иногда, что какой-нибудь сострадательный человек принесет ему штук пять моти, приготовленных к свадьбе, и скажет:

— Что, бедняга, видно, нечего тебе есть.

Но такое счастье выпадало редко. Таро Лежебока съест сразу четыре штуки, а последнее моти сбережет.

— Если не съем его, будет мне еще надежда на будущее, а съем, не останется никакой надежды...

И любитесь на свое последнее моти, не спуская с него глаз. Думает он: «Буду беречь его, пока не подарят мне другое». Засыпая, клал его он себе на грудь. Когда понюхает, когда лизнет, а иной раз на голову себе положит. Вдруг однажды упало моти у него с головы, покатилося, покатилося и выкатилось на большую дорогу.

Таро Лежебока проводил его грустным взглядом, но подумал: «Встать, что ли, с места, пойти за ним и поднять с земли? Так ведь лень. Должны же когда-нибудь люди мимо пройти. Вот я их и попрошу».

Взял он бамбуковую палку, чтобы отгонять собак, и ждал три дня, но, как на грех, никто не показы-

вался на дороге. Через три дня появился путник, да не простой, а богатый владетель поместий по имени Атарасино Нобуёри, носивший чин советника Левого департамента охраны дворцовых ворот. Ехал он на соколиную охоту, и сопровождали его не менее полусотни ловчих и телохранителей.

Увидев этого знатного господина, Таро Лежебска приподнял с земли голову и крикнул:

— Эй, послушай! Вон там на дороге лежит моти. Подними-ка его и дай мне.

Но никто и не оглянулся.

«Ведь бывают же такие ленивцы! — подумал Таро Лежебока. — Как же он правит большими поместьями, если для него великий труд слезть с лошади и поднять одно моти! Оказывается, свет полон лентяев, а я-то думал, что я один такой уродился».

Рассердился он и начал громко браниться:

— Ах, бессердечный, ах, бессовестный!

Местный владетель был человек вспыльчивый. Он тоже пришел в гнев и остановил своего коня.

— Ты чего там, негодяй, ворчишь? Это ты — знаменитый на всю округу Таро Лежебока?

— Понятно, я. Второго такого нет и быть не может.

— Скажи мне, как же ты умудряешься жить на свете?

— А вот как. Дадут мне что-нибудь люди — поем. А не дадут, так и лежу голодный, иной раз четыре-пять дней, а случается, и десять.

— О, если так, жаль мне тебя! Постараюсь помочь тебе. Ведь говорят, если двое сошлись вместе и зачерпнули воду из одного ручья под сенью одной и той же ивы, неспроста это. Значит, связала их вместе карма в прежней жизни. Велики мои владенья, и, если я встретился с тобой, значит, так было определено в наших прежних рождениях. Отчего ты не трудишься? Обработывай землю, как другие.

— Но у меня нет земли.

— Я дам тебе хорошее поле.

— Не хочу копать землю мотыгой, я ленив.

— Тогда начни торговать.

— Но у меня денег нет.

— Я дам тебе денег.

— Не умею я торговать, непривычное это для меня дело. Не научиться мне торговле.

— Ведь родится же на свет такой урод! Так прощай же, видно, тебя не исправить.

Взял местный правитель тушечницу, написал указ и повелел объявить его повсюду в своих землях: «Повелеваю давать Таро Лежебоке в день два раза по три мерки риса и один раз поить его вином. А кто ослушается моего приказа, того изгнать из моих владений».

Поистине правду говорит пословица: приказ господина с разумом не дружит. Пришлось крестьянам поневоле кормить Таро Лежебоку.

Так прошло два года.

На третий год весной правитель тех мест дайнагón¹ Арисуз из рода Нидзё объявил, что от селения Атарасинога надлежит послать в столицу «долгосрочного служителя».

Собрались крестьяне, потолковали между собой. Не случилось еще такого на их памяти. Никак не могли они уразуметь, кто кого должен назначить и зачем. Заохали крестьяне: «Как же теперь быть?»

Один и говорит:

— Вот что, давайте назначим на эту должность Таро Лежебоку.

— Тоже скажешь! Об этом и думать нечего. Он даже не потрудится встать, чтобы подобрать моти с дороги.

Услышал это другой крестьянин и говорит:

— Что ж, если послать такого жалкого оборванца, то в этом есть своя выгода. Пойдем попробуем его уговорить.

Вот собралось несколько самых старых и уважаемых сельчан и пошли к шалашу Таро Лежебоки.

— Послушай, друг! Надо нам исправить одно дело государственной важности. Помогите нам.

— А что такое? — говорит он.

— Велели нам послать в столицу от деревни нашей «долгосрочного служителя».

— Долгого, говорите? Может, длиной в несколько хиро? Трудное дело найти такого великана.

— Да нет, речь идет не о великане. Должны мы

¹ Д а й н а г ó н — важный придворный чин в древней Японии.

избрать из наших крестьян верного человека, который отправился бы в столицу на долгое время. Вот что такое «долгосрочный служитель». Мы кормили тебя три года. А теперь ты пойди в столицу послужить за нас.

Но Таро Лежебока и слушать не захотел:

— Так ведь кормили вы меня не по своей воле, а по приказу господина правителя.

Тогда один старый крестьянин повел такую речь:

— Да ведь и то сказать, мы для тебя тоже, дружок, стараемся. Сам ты знаешь, мужчина прилепляется сердцем к жене, а жена отдает сердце своему мужу. Сладко ли живется тебе одному в этом жалком шалаше? Неужели не хочешь ты найти жену себе по сердцу? А ведь говорят же, мужчина лишь три раза в жизни радуется всей душой: когда справляет он обряд гэмпуку¹, когда берет себе молодую жену и когда получает первый чин по службе. Но еще более открыто его сердце для радости, когда пускается он в путь по жизненной дороге. А ведь жители столицы куда более чувствительны в любви, чем мы, простые мужланы. Прекрасные женщины вступают в любовный союз, не пренебрегая никем, лишь по велению своего сердца, и возлюбленные почитают друг друга мужем и женой. Это там в обычае. Кто знает, может быть, в столице найдешь ты подругу с любящей душой и сам привяжешься к ней всем сердцем.

Так уговаривал Таро Лежебоку старик крестьянин.

— Что ж, это и правда было бы хорошо. Если так, то пошлите меня в столицу поскорее.— И стал готовиться в путь.

Крестьяне очень обрадовались, собрали немного денег и отправили его в столицу.

Пошел он по дороге, что идет по Восточным горам через Ямасина в Киото. Уж тут лениться ему не приходилось! Целый день проводил он в пути, а ночь где-нибудь на постоялом дворе. На седьмой день пришел он в Киото и доложил у ворот во дворец дайнагона:

¹ Г э м п у к у — обряд совершеннолетия, когда юноше впервые делали взрослую прическу и надевали на него шапку взрослого мужчины.

— Я, «долгосрочный служитель» из провинции Синано, прибыл по повелению господина.

Слуги подняли его на смех:

— Ой, до чего же он черен лицом, какой грязный! Настоящее пугало!

Услышал это дайнагон и сказал:

— Как бы ни был он страшен на вид, я не поставлю этого ему в вину, лишь бы честно служил мне.

Таро Лежебока нашел, что столица не в пример лучше его родной провинции Синано. Восточная гора, Западная гора, государев дворец, всевозможные храмы и пагоды, не описать даже, до чего они были прекрасны! Где уж тут было скучать и лениться!

Вместо трех месяцев прослужил он семь. Никто в доме не мог сравниться с ним в усердии. Наконец господин освободил его от службы, пора было идти в обратный путь. Вернулся Таро Лежебока к хозяину того дома, где он жил, и крепко задумался над своей судьбой: «Когда собирался я в столицу, то посулили мне, что непременно найду там жену себе по сердцу, а вот приходится возвращаться одному. Тоска берет за сердце! Поищу-ка я себе подругу!»

И, решив так, он приступил к своему хозяину с просьбой:

— Должен я воротиться в родные края, да одному не хочется. Не подыщите ли вы мне здесь жену?

Хозяин засмеялся:

— Кто же согласится пойти замуж за такого, как вы?

Но Таро все продолжал просить его.

— Посвататься-то легко, — сказал наконец хозяин, — да ведь брачный союз — это дело важное. А за вас кто же пойдет, разве что гулящая какая-нибудь.

— Гулящая? Что это значит? — осведомился Таро Лежебока.

— Так зовут одиноких женщин. Тех, что продают свою любовь за деньги.

— Что ж, я согласен. Посватайте за меня хоть такую. На дорогу я припас двенадцать — тринадцать монов, вот отдайте ей.

«Бывают же на свете такие простаки», — удивился в душе хозяин, а вслух сказал:

— Если так, поищите на перекрестке уличную потаскушку.

— А что это такое потаскушка?

— Уличная потаскушка не имеет постоянного друга. Не ездит она по улицам ни в паланкине, ни в экипаже, а выходит на перекресток, чтобы привлечь прохожих своей красотой. Обычай им это дозволяет.

— Ну что ж, пойду поглядеть на них.

В этот день был как раз большой праздник, и хозяин посоветовал пойти в храм Киёмидзу* на Восточной горе. Таро Лежебока, не долго думая, отправился туда.

Одет он был в свой старый халат из грубого холста. Халат этот служил ему круглый год и был заношен до того, что уже нельзя было различить, какого он цвета. Опясался Таро Лежебока веревкой, на ноги обул дырявые соломенные сандалии, а вместо посоха взял с собой толстую бамбуковую палку.

Был восемнадцатый день «месяца инея» *, холодный ветер пронизывал до костей.

Таро Лежебока стал, хлюпая носом, на холодном ветру перед главными воротами храма Киёмидзу, словно надгробный столбик из черного обожженного дерева на кладбище. Развел он широко руки в обе стороны и стал поджидать.

Люди, увидев его, пугались.

«Страх какой! Кого он там подстерегает?» — И обходили его стороной, стараясь держаться подальше от него.

Не раз проходили мимо него молодые девушки, но он бросал на них только беглый взгляд. Так стоял он весь долгий день с самого утра до вечерних сумерек. За это время прошло мимо него столько женщин, что и не сосчитать.

«Нет, эта нехороша, и та не слишком пригожа», — думал он каждый раз в нерешительности, но вдруг подошла к воротам молодая девушка, на вид лет семнадцати. Лицо ее было свежо и прелестно, как лепестки вишневых цветов весной. Волосы, искусно уложенные в прическу, отливали глянцем, словно крылья морской чайки. Пряди на висках трепетали, словно крылышки осенней цикады, брови были наведены на лбу темно-синей краской. В своем праздничном наряде напоминала она цветущее деревце вишни в дальних горах. Как у самого Будды, было у нее тридцать два прекрасных лика и восемьдесят

чудесных образов. Можно было подумать, что ожила вдруг золотая статуя Будды, такой красотой сияла девушка!

Одетая во множество разноцветных платьев и шаровары, тысячу раз окрашенные пурпуром, шла она гордой, уверенной походкой. На ножках ее были сандалии с тончайшей подошвой. Высокие шпильки в прическе благоухали ароматом цветущей сливы.

Девушку сопровождала служанка, лишь немного уступающая в красоте и роскоши наряда своей госпоже.

Увидев девушку, Таро Лежебока подумал: «Вот она, моя будущая жена! О, радость! Ах, скорей подойди ко мне. Хочу обнять тебя, пить твое дыхание!»

И, полный нетерпения, он раскрыл свои объятия. Девушка, взглянув на него, невольно попятилась и спросила свою служанку:

— Это что за пугало?

— Какой-то нищий человек, — ответила та.

— До чего же он страшен! Я боюсь подойти к нему близко! — И девушка попробовала было пройти в храм другой дорогой.

Таро Лежебока, увидев это, воскликнул:

— О, беда! Она уходит! Надо спешить, пока не поздно, — и бросился к ней, широко расставив руки. Сунув свою грязную голову под сень ее красивой шляпы, он приблизил лицо вплотную к самому личику девушки.

— Послушай, красавица, — сказал он, обнимая рукой ее стан. Тем временем уже так стемнело, что не различить было, где восток, где запад.

Девушка молчала, не отвечая ему ни звуком. Прохожие только восклицали:

— Ах, какой ужас! Ах, бедняжка! — но спешили пройти мимо. Ни один не подошел ближе.

Таро Лежебока прижался к девушке теснее и стал говорить так:

— Послушай, красавица, я тебя люблю с давних пор. Много раз я видел тебя на разных торжествах и праздниках в Охара¹, Сидзухара и селенье Сэрё, в храме Кодо, в Кавасаки, на горах Накайма и Тёракудзи, в Сага, храме Хориндзи, в Удзумаса и Дайго, в Курусу, Каватаяма, Ёдо, Явата, Сумиёси, Курамадэра, в храме Тэндзин, что находится в Годзё, храме Мёдзин, что в Кибукё, в Хиёси-санко, Гион, Китано, Камй, Касуга и еще во многих других местах, всего не упомянуть. Так что же, каков будет твой ответ?

Девушка подумала: «Это, видно, деревенский простак. Какой-нибудь столичный шутник подучил его выйти на перекресток с подобными речами. Нетрудно будет провести этого дурачка».

— Верю тебе, — молвила она. — Но здесь сейчас слишком много чужих глаз. Над нами будут смеяться. А ты приходи ко мне потихоньку.

— Куда же мне прийти? — спросил он.

¹ Следует длинный перечень храмов, городов и селений, славившихся своей красотой. Они расположены главным образом в городах Киото и Нара и их окрестностях.

«Придумаю-ка я хитрую загадку,— решила девушка.— Пока он будет голову себе ломать, я уйду от него».

— Живу я в таком селенье, где никогда тьмы не бывает,— сказала она.— Отгадай, коли сумеешь.

— О! Так, верно, ты живешь в селенье Фонари возле Залива Огней! Что, угадал я?

«Вот удивительное дело! Чудо из чудес! Так сразу догадаться! Но, должно быть, слышал он эту загадку раньше... Попробую еще»,— подумала девушка.

— Нет, по правде сказать, я живу в той деревне, где солнце заходит.

— О, я понял! Понял тебя с полуслова. Ты живешь на запад отсюда, в селенье Темное. Что, угадал я?

— Угадал-то угадал. Родом я, в самом деле, оттуда, но теперь живу в деревне, где все люди робки и застенчивы.

— Значит, в деревне Потайной, что, правда моя?

— Правда-то правда, но я ушла оттуда, и надо искать меня на той улице, которую на себя надевают.

— Это, выходит, на Парчовой улице? Что, опять угадал?

— Угадал, угадал. Но теперь живу я в таком поселке, который без всякой жалости жгут каждую ночь.

— Значит, верно, на Улице светильного масла?

— Но и оттуда я ушла. Живу теперь на улице сердечной радости.

— О, значит, на Перекрестке встреч?

— Ах, нет, ищи меня в селенье, где все жители только и делают, что любят свою красоту.

— Так ты живешь в Поселке зеркал?

— Нет, приходи ко мне туда, где всегда стоит осень.

— Выходит, в село Добрый урожай?

— Нет, нет, и там я больше не живу. Ушла в ту деревню, где всем жителям по двадцать лет.

— О, слышал про нее. Это село Молодое.

Таро Лежебока отгадывал так быстро, что девушка никак не могла убежать.

«Лучше я буду состязаться с ним в искусстве слагать стихи. Пусть-ка призадумается на минуту, а живо ускользну»,— подумала девушка.

И, поглядев на бамбуковую палку в руках Таро Лежебоки, сложила такое пятистишие:

Посохом служит тебе
Палка простого бамбука!
Много коленьев на ней,
Но до моих колен
Ты, поверь, не коснешься.

Таро Лежебока огорчился: «О, горе, не хочет она провести ночь со мной!» И молвил в ответ:

Связаны крепким узлом
Эти коленья бамбука.
Нерасторжим их союз.
Пусть же узлом любви
Свяжет нас тайна ночная.

«Ах, какой ужас! Этот мужлан хочет сказать, что разделит со мной ложе. Урод уродом, а знает толк в поэзии. Вот незадача», — подумала девушка и сказала:

Отпусти меня.
Я в густую сеть любви
Поймана давно.
О, молю тебя, молю:
Руки расплети свои.

Услышав это, Таро Лежебока подумал: «Она просит отпустить ее. Как мне быть?» — и сложил в ответ такое стихотворение:

Поймана иль нет
Ты в густую сеть любви,
Что мне до того?
Дай к губам твоим прильнуть,
Руки разомкни свои.

«Нельзя упускать удобной минуты», — решила девушка и говорит:

Если любишь ты,
Всюду путь ко мне отыщешь...
Знай, стоит мой дом
Позади ворот, лиловых,
Что китайский померанец.

Задумался Таро Лежебока над ее словами, а девушка выскользнула из его объятий и убежала со всех ног вместе со своей служанкой, бросив шляпу, накидку и даже сандалии.

«О, горе! — подумал Таро, — упустил я свою нареченную», — и, перестав загораживать дорогу своим

бамбуковым посохом, бросился вдогонку за беглянкой с воплем:

— Стой, куда ты, куда?

Девушка от страха подумала, что конец ей пришел, но она хорошо знала дорогу. На ту улицу свернет, в тот переулок нырнет, кружит, петляет... Легка сна была на ногу. Так весной летят по ветру лепестки вишневых цветов.

— Куда ты, любимая моя? — кричал Таро. Гонясь за ней по пятам, он бросался из одного глухого переулка в другой, из одной улицы в другую... Долго преследовал он девушку, не давая ей ни минуты передышки, но вдруг потерял ее из виду. Кинулся назад, помчался вперед — исчезла! Стал спрашивать прохожих: «Нет, отвечают, такой не видели».

Побежал он снова к храму Киёмидзу.

«Вон там стояла она, вон тут разговаривала, но куда же, куда она скрылась?» — терялся в догадках бедный Таро Лежебока.

Но вдруг вспомнил: «Ведь она сказала, что дом ее стоит позади ворот, лиловых, как китайский померанец. Попробую-ка их поискать».

Вставил он сложенный в несколько раз белый листок бумаги в расщепленную бамбуковую палку * и отправился с расспросами к каким-то службам:

— Я — житель деревни, несу прошение, но не могу найти нужный мне дом. Говорили мне в деревне, что ворота перед домом окрашены в лиловый цвет китайского померанца. Это, мол, примета. Не скажете ли мне, где искать такой дом?

— Дом с лиловыми воротами? Да ведь это дворец Будзэн-но кáми¹. Поищи его в конце Седьмого проспекта*, — посоветовали слуги.

Пошел Таро Лежебока разыскивать дворец. Видит: правду ему сказали. Обрадовался он бесконечно: «Значит, скоро увижу свою суженую».

Зашел он на широкий двор усадьбы. Чем только люди не тешат себя: на скаку стреляют из лука в мишень, услаждают себя музыкой, играют в шашки и шахматы, слагают стихи в самом модном духе. Таро Лежебока бродил там и сям, заглядывал туда и сюда,

¹ Будзэн-но кáми — правитель области Будзэн.

но нигде не находил своей красавицы. Он спрятался под веранду в надежде, что она наконец покажется.

Девушку звали Дзидзю-но цубонэ¹. До поздних сумерек находилась она во дворце и уже собиралась было вернуться в свои покои, но остановилась на веранде и сказала своей служанке по имени Надэ-сико²:

— Луна еще не взошла. Но где сейчас тот человек из Киёмидзу? Ах, если я сейчас встречу с ним лицом к лицу в этой темноте, я, кажется, умру от страха.

— Да, вот правда уродина! Но зачем бы ему прийти сюда? Ах, не поминайте его, а то еще появится.

Услышав их разговор, Таро Лежебока обрадовался в душе: «Пришла наконец моя любимая. Значит, и правда суждена она мне в жены», — и, выскочив из-под веранды, крикнул:

— Вот ты где, моя дорогая! А я-то истомился по тебе, измучился в поисках...

Поднялся он на веранду. А любимая его, нежная, как цветок «женская краса», так и обмерла от испуга. Сердце у нее точно оборвалось, ноги подкосились. Убежала она и спряталась позади сёдзи. Долго не могла она прийти в себя, так поразил ее неожиданный испуг. Словно в осеннюю ночь привиделся ей страшный сон, словно витает она где-то в пустоте неба...

Понемногу очнувшись, стала она горько жаловаться служанке своей Надэсико:

— Ах, как страшен этот человек своим упорством! Каким чудом разыскал он меня здесь! В столице множество мужчин. Надо же было случиться тому, что пленился мною, так сильно полюбил меня грязный, черный, неотесанный мужлан. Какая насмешка судьбы!

Вдруг прибежали сторожа и подняли шум:

— Кто-то чужой пробрался сюда. Псы залаяли...

«Ах, новая беда! — подумала девушка. — Его убьют из-за меня. А ведь и без того женщина — существо грешное, суждены ей «пять преград» и «три послушания» *.

¹ Д з и д з ю — имя девушки; ц у б о н э — почетный титул придворной дамы, имевшей во дворце собственные апартаменты.

² Н а д э с и к о — гвоздика.

И слезы полились у нее ручьями.

— Ну что ж, если он проведет здесь одну только ночь, а с рассветом уйдет, то в этом нет большой беды. Постели для него старую циновку, — распорядилась Дзидзю. А служанка сказала Таро Лежебоке:

— Как рассветет, уходи потихоньку, пока люди тебя не приметили.

И постелила ему в уголку за дверью циновку с узорной каймой. Никогда ему еще не доводилось видеть такой нарядной циновки. Уселся на нее Таро Лежебока и думает: «Измучился я, бегая по всему городу, из сил выбился... Ах, поскорей дали бы мне поесть. Но что они принесут мне? Если каштаны, то ведь их надо сначала поджарить. Лучше бы хурму, груши или моти, их можно сразу есть, не дожидаясь ни минуточки. А если поднесут вина? Я мог бы выпить четырнадцать, пятнадцать чарок, а то и шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... Ах, да не все ли равно, лишь бы скорей...»

Так ожидал он, теряясь в догадках, и вдруг несут ему в «бородатой корзине» * всякие плоды: каштаны, хурму, дикие груши, а в придачу к ним соль и нож.

Увидел это Таро Лежебока и воскликнул:

— О, недобрый знак! Надлежало бы эти плоды поднести, разложив их на подносе или обернув в белую бумагу. А они лежат навалом в простой корзине, точно корм для коня или быка. Как это горько! Но здесь скрывается тайный намек. Верно, хочет она сказать: «В простую деревенскую корзину насыпаны простые плоды. Так и ты недостойн моей красоты: колюч, словно каштан, дик, словно дикая груша...» А если лежат здесь разные эти плоды без разбора, так это значит, что не подходим мы друг к другу, незачем нам сочетаться узами любви. Но почему положены вместе хурма и соль? Верно, велит она, чтоб я соединил их в песне.

И он произнес:

Соленый привкус на губах.
Но оттого ли, что поспела
Хурма на берегу морском,
Иль оттого, что не поспел я
Мою красавицу догнать?

Услышала это девушка и сказала:

— Какое нежное у тебя сердце! словно чистый лотос в мутном пруду, как будто золото в грубой обертке из плетеной соломы... Вот возьми! — подала ему листов десять чистой бумаги.

«Что это значит? — подумал он. — Одни чистые листки! Неужели хочет она, чтобы ответил я на письмо, в котором ничего не написано?»

Только могучие боги
Могут в сердцах прочитать
Тайные помыслы наши.
Иль за посланца богов
Ты принимаешь меня?

Услышав это, девушка воскликнула:

— Ты победил! Вот возьми и надень на себя.

С этими словами она вручила ему парадную накидку, широкие шаровары, шапку и меч.

Таро Лежебока очень обрадовался:

— Вот счастье так счастье!

И драгоценные одежды, унаследованные девушкой еще от предков, он накрутил на свою бамбуковую палку.

— Накидку мне, наверно, дали надеть на сегодняшней вечер, а я завтра в нее наряжусь. Не треплите ее, псы, не украдите, воры! — и засунул накидку под веранду. Потом захотел он надеть шаровары, а что это такое, не знает. То на голову наденет, то на плечи накинёт, бьется с ними, мучится, а никак не сладит. Наконец служанка помогла ему надеть шаровары. Хотела она надеть на него шапку, только смотрит: волосы у него полны пыли, грязи и вшей и так спутаны, точно за всю свою жизнь он ни разу гребня в руки не брал. Кое-как причесала она Таро Лежебоку и надела ему на голову шапку. Кончила Надэсико наряжать его и говорит:

— Сюда, сюда, пожалуйста!

Таро Лежебока в своем родном краю Синано ходил только в храм по крутым скалистым дорогам. Как ступил он на ровные, гладкие, смазанные маслом половицы, так ноги у него поехали, словно по льду. Кое-как ввела его Надэсико в покои к своей госпоже и удалилась.

— Явился я по твоему зову, госпожа, — сказал он, поскользнулся и с размаху грянулся затылком о пол. И точно другого места не мог он выбрать!

Свалился прямешенько на драгоценную цитру, носившую имя Тэхикимару *. Госпожа Дзидзю считала эту цитру бесценным сокровищем и пылинке не давала на нее сесть.

Увидев это, девушка воскликнула:

— О, несчастье! Моя любимая цитра! Как же мне быть теперь!

Слезы полились у нее из глаз, а щеки запылали, словно кленовые листья осенью.

В горе воскликнула она:

Цитра моя разбита!
В чем я усладу найду?
Порваны звонкие струны...

Таро Лежебока, еще не успев подняться с пола, взглянул на девушку и, опечаленный до глубины души, сказал заключительные стихи танка:

Можешь меня приструнить.
Я покорюсь смиренно.

«Ах, какое нежное у него сердце! — снова подумала девушка. — Значит, он — моя судьба! Видно, крепка и нерасторжима была связь между нами в прежних рождениях. Не случайно он так крепко полюбил меня».

И повела с ним сладкие любовные речи.

Занялся рассвет. Хотел было Таро Лежебока уйти побыстрее, но девушка сказала ему:

— Нечего делать! Раз уж суждено было нам встретиться, то союз наш, верно, продлится не только в одной этой жизни, но и в будущих рождениях. Если ты вправду меня любишь, оставайся здесь. И хоть я только дворцовая прислужница, но ты ни в чем не будешь знать недостатка.

— Быть по-твоему,— сказал он и остался.

После этого госпожа Дзидзю вместе со своей служанкой стали ухаживать за ним днем и ночью, причесывать его и купать в горячей ванне. На седьмой день он стал подобен прекрасной жемчужине. С каждым новым днем красота его сияла все ярче, так что получил он прозвище «Несравненного красавца». Перед ним померкли все прославленные любезники двора. Никто из них не мог бы сравниться с Таро Лежебокой в искусстве слагать рэнга¹ и танка.

Супруга его была женщина умная, она стала обучать мужа правилам этикета. Он быстро выучился с бесподобным изяществом носить нарядную накидку, ходить в длинных шароварах и надевать шапку на убранные в прическу волосы, затмевая своим видом любого вельможу императорского двора.

Услышал про это Будзэн-но kami и призвал его пред свои очи. Явился он на зов в парадном платье и чинно сел перед господином.

Поглядел на него господин.

— И в самом деле «несравненный красавец». Но как твое настоящее имя?

— Таро Лежебока,— ответил тот.

— Чудное имя! — воскликнул Будзэн-но kami и повелел именовать его «Саэмон Песня» за несравненное умение слагать песни.

Спустя сколько-то времени дошел слух об этом необыкновенном человеке до государева дворца. Государь приказал Саэмону Песне немедленно явиться во дворец. Тот стал было отнекиваться. Не тут-то было! Пришлось ему сесть в экипаж с занавесками, украшенными каймою, и отправиться во дворец. Там провели его в церемониальный зал. Государь повелел ему:

¹ Рэнга — «нанизанные строфы», особый поэтический жанр, очень популярный в средневековой Японии.

— Поелику, говорят, ты весьма искушен в сложении стихов, то сочини две песни, приличные случаю.

Стояла ранняя весна. На цветущей сливе порхали соловьи. Слушая их пенье, Саэмон Песня сочинил вот какое стихотворение:

Всюду вокруг звенят
Влажные от непролитых слез
Соловьиные голоса.
Брызжут сквозь ветки цветущих слив.
Или это весенний дождь?

Микадо спросил тогда:

— А в твоём родном краю как называют сливу?

Не успел Саэмон Песня услышать эти слова, как воскликнул:

Пускай по-другому зовут
В деревне цветущую сливу,
Лишь там она хороша,
А то, что в столице цветет,
Как и назвать, я не знаю...

Микадо был тронут до глубины души.

— Кто твои предки? — спросил он.

— Не знаю. У меня именитых предков не было.

— Узнайте в Синано, так ли это, — повелел государь.

Правитель Синано справился в местных летописях, и что же оказалось!

Некогда в Синано был сослан принц по имени Ниино тюдзё. Он приходился вторым сыном императору Ниммэй, который был пятьдесят третьим государем по счету со времени основания династии.

Принц этот очень печалился, что долгое время не было у него детей. Однажды отправился он на поклонение в храм Дзэнкодзи и попросил Будду даровать ему детей. Будда ниспослал ему сына, но, когда ребенку было всего три года, лишился он обоих своих родителей. Потомки его смешались

с сынами земли и стали людьми самого низкого звания. От нихто и происходил Таро Лежебока.

Узнав об этом, микадо повелел:

«Поскольку происходит он от принца императорской крови, то должен быть приближен ко двору».

Пожаловали ему чин военачальника второго ранга и назначили верховным правителем двух провинций: Каи и Синано. Он торжественно отбыл на место своего назначения вместе с женой.

Щедро наградил бывший Таро Лежебока всех, кто ему помогал в нищете. В благодарность за его доброту назначил он местного владельца Атарасино Нобуэри правителем дел обеих провинций, а всех крестьян, кормивших его три года, наделил землею.

Построил он дворец в селенье Цукама и поселился в нем со всей своей семьей, и служили ему люди высокого и низкого звания.

Долго правил он в мире своими владениями, и были у него в изобилии все «семь драгоценностей» *. Милостью богов и будд дожил он до ста двадцати лет и имел многочисленное потомство. И поныне почитают его как Великого светлого бога Огата, а жену его как воплощение Будды — богиню Утреннего солнца.

Он соединял между собой людей, одаренных добродетелями. Мужчины и женщины, полюбившие друг друга, являлись к нему, и он благословлял их союз. Если замечал он в человеке низменный дух, то гневался, а если видел он на ком печать божества, то утихали его скорби, и он радовался.

Таково человеческое сердце! И в ленивце может скрываться честная прямота.

Давно, давно все это было, в царствование императора Мондóку *.

Да будет наделен несметным богатством и великим счастьем тот, кто будет читать эту повесть каждый день по одному разу и расскажет ее другим! Пусть боги пошлют ему столько радостей, что и словами не пересказать.

**ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ,
ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ!**

КОММЕНТАРИИ

Переводы сказок и легенд, вошедших в настоящий сборник, были осуществлены по следующим изданиям: «Нихон-но минва» («Народные сказки Японии»), в 42 томах, изд-во «Мирайся», Токио, 1958—1962 гг.; «Нихон-но мукасибанаси» («Народные сказки Японии»), в 3 томах, сост. Сэки Кэйго, изд-во «Иванами», Токио, 1957 г.; «Минвасэн» («Народные сказки»), изд-во «Иванами», Токио, 1962, и др.

Стр. 30. *Сандалия* (гэтá) — представляет собою деревянную подошву на двух поперечных подставках, удерживается на пальцах ноги при помощи двух петель.

Стр. 32. *Божница* — в японском доме особая полка, на которой стоят изображения богов.

Стр. 36. ...и поставили перед ним столик с разными кушаньями.— В Японии кушанья подаются на низком столике о-дзэн. Такой столик ставится перед каждым гостем.

Палочки.— В Японии пользуются вместо вилки двумя деревянными палочками.

Стр. 37. *Кладовая*.— Ввиду частых землетрясений и пожаров кладовая в Японии строится отдельно от дома.

Стр. 38. *Месяц зайца* — четвертый месяц в году, соответствует примерно нашему маю. В Японии для счисления времени применялись особые циклические знаки: названия двенадцати животных и пяти стихий природы.

Стр. 45. ...и поразила змея дочку богача неизлечимой болезнью.— Согласно японским народным поверьям, недобрые мысли могут получить силу злого наваждения и поразить обидчика тяжелой болезнью даже без ведома и желания обиженного.

Стр. 55. *Новый год* — в древности в Японии был переходящей датой (конец января — начало февраля) и считался первым днем весны. В этот день перед воротами домов выставляются украшения из сосновых веток и стеблей бамбука — символов долголетия и стойкости, устраиваются игры.

Праздник цветения персиков — празднуется 3 марта. Одновременно — праздник девочек. В этот день девочки ходят друг к другу в гости. На полочках выставляются *куколки* (хинá), изображающие придворных сановников и дам, воинов и даже оркестр музыкантов. Куклами-хина не играют, ими только любуются.

День рождения Будды — празднуется 8 апреля.

Пестрые карпы.— 5 мая в Японии справляется праздник мальчиков. Возле домов, где есть маленькие мальчики, вывешиваются на шестах бумажные карпы. Карп, плывущий против течения, считается символом стойкости. Кровли домов с магической целью устилают цветущими ирисами и чернобыльником, парадные комнаты украшают флагами и ставят в них игрушечные фигурки воинов.

Вечер «Встречи двух звезд» (Танабата) — справляется 7 июля. Согласно древней легенде, лишь в этот вечер, один раз в году, встречаются две влюбленные друг в друга звезды: Ткачиха (Вега) и Пастух (Алтаир). Сороки строят для них мост через Небесную реку (Млечный Путь). Но если в этот вечер упадет хоть одна капля дождя, звезды не смогут встретиться, так как Небесная река разольется.

В день Танабата дети пишут на полосках цветной бумаги разные надписи и стихи на тему праздника. Тушь для письма разводится на утренней росе. Полоски с надписями прикрепляют к веткам бамбука, а на четвертый день эти ветки пускают по течению реки.

Ночь осеннего полнолуния (август)— народный праздник Японии.

Стр. 60. *Бог Сумиёси* — считается повелителем морских волн. Он покровитель мореплавателей. Храм его находится на побережье Сумиёси, где ныне на месте простой рыбацкой деревушки вырос город Осака.

Стр. 61. *Повелитель драконов*.— Согласно древним японским сказаниям, морской бог, царящий над водной стихией. Он живет на дне моря в великолепном дворце со своей прекрасной дочерью *Отохимэ* и является людям в образе величавого старика.

Стр. 63. *Куманó* — местность в префектуре Вакайма, где находятся очень известные синтоистские храмы. В них торгуют бумажными амулетами с изображениями воронов. Некоторые японские исследователи возводят имя божества, чтимого в этих храмах, Гобдзин, к скандинавскому богу Одину, на плечах которого сидели два вещих ворона.

...под северо-западным углом дворца...— Северо-западное направление считалось несчастливym, ибо оно якобы открыто для вторжения демонических сил.

Стр. 67. *Каппа* — фантастическое существо, японский водяной. Согласно поверьям, он небольшого роста, покрыт чешуей, пучеглазый, между пальцами перепонки. На голове венчик волос, посреди которого ямка, где находится вода. Если вода выльется в то время, когда каппа находится на земле, он потеряет силу. В старину гибель в воде людей и животных приписывали злым проказам водяного.

Стр. 68. *Заиграли лютни, цитры, скрипичицы, флейты, барабаны.*— Под лютней имеется в виду дзясисэн — трехструнный щипковый музыкальный инструмент типа гитары с длинным грифом, корпус дзясисэна обтягивался змеиной кожей. Цитра-кото — старинный щипковый музыкальный инструмент. Девушек из аристократических семейств обязательно обучали игре на кото. Струны (чаще всего тринадцать) укреплены на длинном резонаторе. Под скрипичей имеется в виду кокко — четырехструнный смычковый инструмент. Лютня и скрипича были в ходу на острове Окинава.

Стр. 75. ... *давать представление.*— С давних времен при японских храмах устраивают зрелища с целью привлечения паломников. На открытом воздухе под специально устроенным навесом или в простом здании типа балагана разыгрывают мистерии и фарсы, исполняют пляски, показывают марионеток. Такие зрелища — один из истоков японского театра.

Стр. 78. *Жрицы-мико* — исполняют в синтоистских храмах священные пляски. Бродячие мико занимаются также прорицанием и врачеванием недугов. Они гадают о причине болезни и затем «изгоняют» ее с помощью камлания и других магических средств.

Стр. 82. *Никаких снов не видел.*— Сон, приснившийся на вторую новогоднюю ночь, считался вещим. Под изголовье клали картинку, изображавшую «такарабунэ» — корабль, на котором едут семь богов счастья, а иногда и баку—фантастические звери, которые, по поверьям, пожирают дурные сны. Но если все же приснился дурной сон, то картинку пускали по воде. О хорошем сне не рассказывали — из опасения, что он не сбудется. Толкование снов было очень распространено, существовали «сонники» и специальные гадатели. Существовал даже обычай продажи сна, счастье при этом как бы переходило к лицу, купившему сон.

Стр. 84. ... *длинные иглы.*— В народной медицине на Дальнем Востоке широко распространен способ лечения всех болезней путем уколов особыми иглами (акупунктура). Уколы наносятся в определенные точки тела. Врач определяет, сколько надо сделать уколов, куда и на какую глубину погрузить иглы.

Стр. 105. *Ручная мельница* — здесь крупорушка для обдирки риса; состоит из двух каменных жерновов: верхний из них вращают при помощи рукояти.

Стр. 136. *Староста*.— Во главе деревни в феодальной Японии стоял староста. Он заправлял всеми делами в деревне и следил за тем, чтобы вовремя выполнялись все повинности.

Стр. 137. *Станешь мыться в чане...*— В японской деревне, согласно старинному обычаю, каждый вечер купаются в чане или котле с горячей водой. Обычно вода нагревается лишь один раз для всей семьи.

Стр. 146. *Сделана она из веток дерева, растущего на луне*.— Согласно распространенным на Дальнем Востоке поверьям, на луне растет дерево, а под ним мудрый заяц толчет в ступке волшебное снадобье. Так как луна каждый месяц как бы вновь «молодеет», то и растущему на ней дереву приписывается свойство возвращать утраченную молодость.

Стр. 156. *Храмы Исэ* (о. Хонсю, префектура Миэ) — самые древние и почитаемые в стране. Посвящены синтоистскому культу, древней религии Японии, в основе которой лежит поклонение силам природы и духам предков.

Стр. 162. *...в огненную колесницу ада...*— Согласно буддийским поверьям, грешные души уносит в ад огненная колесница.

Стр. 163. *Каннон* (с а н с к р. Авалокитешвара) — богиня милосердия. Согласно буддийским поверьям, она помогает людям, появляясь в тридцати трех образах. Существует много рассказов о том, что богиня Каннон в вещем сне посылает счастье молящимся в ее храме, но счастье это иногда покупается тяжелой ценой.

Стр. 164. *...и пошел в столицу*.— Имеется в виду древняя столица Японии — Киото.

Стр. 177. *Сэцубун* — праздник весеннего солнцеворота. В этот день, чтобы отогнать злые силы, в домах рассыпают бобы, приговаривая: «Черти — вон, счастье — в дом». К воротам прикрепляют с этой же целью ветки остролиста с подвешенными к ним гловами рыбок иваси.

Стр. 186. *Годы Хорэки* — 1751—1764 годы.

Мацумаз — старинное название острова Хоккайдо, расположенного к северу от главного острова Хонсю.

Стр. 187. *Кумпира* (с а н с к р. Кумбхира) — буддийское божество, охраняющее мореплавателей. *Ияхико* — бог синтоистского пантеона, чтимый в Ниигата.

Стр. 193. *Деревня Окадзэки* — находится в префектуре Канагава. Варианты данной легенды широко распространены в Японии. Согласно некоторым из них, богач сам останавливает солнце

взмахом веера, но терпит за это жестокое наказание. Например, поле проваливается сквозь землю и на его месте разливается озеро.

Стр. 195. *Страна Аидзу* — название местности, расположенной в западной части префектуры Фукусима.

Стр. 202. *Кукловод из театра Авадзи*.— На острове Авадзи и поныне сохранился старинный кукольный театр. В 1958 году с большим успехом прошли его гастроли в СССР. Куклы в этом театре большие, в две трети человеческого роста. Лучшие из них очень сложно устроены, могут двигать пальцами, бровями, раскрывать рот. Водят их на тростях. Кукловоды управляют ими на глазах публики, но только главный мастер появляется с открытым лицом в церемониальном костюме, на остальных надеты черные капюшоны с отверстиями для глаз.

Стр. 203. *Такэмото Гидаю* (1651—1714) — выступал в кукольном театре Такэмото-дза в Осака с таким успехом, что имя «гидаю» стало нарицательным для рассказчика этого жанра. Гидаю читает весь текст пьесы в особой декламационной манере, переходящей в музыкальный речитатив; *дзэрури* — здесь название театрального жанра: пьесы для кукольного театра. Лучшие пьесы-дзэрури достигали высокого драматического совершенства. Многие из них вошли в золотой фонд японского театра.

Стр. 205. *Город Комэцу* — находился в старинной провинции Кага (ныне часть префектуры Исикава). В ней жили многие прославленные поэты, например, поэтесса Тиё.

Поэт Сюка (ум. в 1774 г.) — был известным в свое время сочинителем хокку.

Стр. 207. *Деревня Адзума* — находится в префектуре Фукусима на северо-востоке острова Хонсю. До сих пор в этой деревне показывают место, где стояла гигантская криптомерия, и поют о ней песни. «Шепчущий мост» простоял до середины XIX века, когда был заменен земляной насыпью.

Стр. 210. *Страна Кии* — название старинной области на юго-востоке острова Хонсю (ныне входит в состав префектур Вакаяма и Миэ).

Город Сиракава — находится в префектуре Фукусима. До сих пор показывают в нем могилу Антина.

Стр. 211. Буддийский *храм Додзэдзи* — находится в префектуре Вакаяма; прославлен легендой о раскаленном колоколе.

Стр. 212. *Острова Мацусима* (числом более 260) — считаются одним из красивейших мест Японии. На этих островах находится много храмов.

Стр. 213. *Равнина Миягинó* — находится на морском побережье, к востоку от города Сэндай. В старину славилась красотой своих осенних трав.

Стр. 217. *Асô-дзúндзя* — храм синтоистского культа.

Энокú — железное дерево из семейства вязовых.

Стр. 219. *Странствия молодого Юривакá*.— В древней Японии существовали сказания о великане и могучем стрелке Юривака. До сих пор показывают отпечатки его исполинских ступней и отверстия в скалах, пробитые его стрелами. По мнению некоторых японских исследователей (например, Цубоути Сёё), имя Юривака (то есть молодой Юри) является видоизмененной формой латинского имени «Улисс» (по-гречески «Одиссей»), предание о котором, согласно этой любопытной гипотезе, проникло в древнюю Японию и соединилось с местными легендами. Сокол же фигурирует в японской легенде потому, что японское название его «такá» напоминало слово «Итака» (остров, где царствовал Одиссей).

Левый министр — в древней Японии самая важная в стране должность после главного министра.

Деять провинций — находились на западном побережье Японии.

Сира́ги (к о р е й с к. Силла) — одно из древних царств Кореи.

Стр. 222. *Бунго* — одна из десяти западных провинций.

Стр. 225. *Певец с оторванными ушами*.— Поэтической основой этой легенды является эпизод из японского эпоса «Сказание о Тайра». Сказания о гибели рода *Тайра* были очень любимы в средневековой Японии. Их распевали бродячие слепцы, аккомпанируя себе на четырехструнной цитре-бива. *Акамагасэки*.— Ныне на месте этого селенья стоит город Симоносэки. Здесь возле побережья *Данноура* произошла в 1185 году знаменитая морская битва. Могущественный род Тайра, много лет властвовавший над Японией, был почти полностью уничтожен в этой битве своими врагами из рода Минамото. Вдова покойного властелина страны Тайра Киёмори — монахиня *Нии* бросилась в море и утонула вместе со своим малолетним внуком — императором *Антоку*. *Амида* (с а н с к р. Амитаба) — буддийское божество, культ которого был очень распространен в Японии. Согласно буддийским поверьям, именно оно отверзает верующим в него врата рая. Поэтому считалось, что, для того чтобы спастись, достаточно произнести его имя.

Стр. 230. *Сямисен* — трехструнный музыкальный инструмент с круглым резонатором и длинным грифом. Играют на нем с помощью плектра. Появился в Японии много позже кото и получил большое распространение в городах. Гейши обычно аккомпанируют себе на сямисене.

Стр. 233. *Старый жрец*.— Имеется в виду жрец синтоистского храма.

Князь Эмá (с а н с к р. Яма) — буддийское божество индий-

ского происхождения, владыка преисподней, судящий грешные души в аду.

Стр. 239. ...дом громовиков...— По японскому народному поверью, громовики — это черти устрашающего вида, одетые в тигровые шкуры. Они бьют в огромные барабаны, а на земле в это время слышны раскаты грома. Иногда громовик падает на землю и тогда делается беспомощным и не может вернуться на небо, если не посадить его в маленькую деревянную лодочку.

Стр. 246. *Ина́ри* — бог— покровитель земледелия и шелководства. Так как он божество полей, то культ его стал отождествляться с культом полевой лисицы. Праздник в его честь справляют в апреле.

Моти — род лепешек. Сваренный на воде рис разминают в ступке пестом, пока не получится однородная вязкая масса. Моти бывают разной формы: круглые, в виде полумесяца и т. д.

Японцы носят белые матерчатые *носки* (таби) с отдельным колпачком для большого пальца.

Стр. 285. ...сидит на циновке...— Пол в японском доме застелен циновками, на которых сидят. Поэтому перед входом в дом принято снимать обувь.

Стр. 287. *Пионосые пирожки* (ботамоти) — рисовые моти, завернутые в тесто из красного горошка. Называются так потому, что своим цветом напоминают пион.

Стр. 300. *Вычернил он себе зубы...*— В глубокую старину, когда еще японские племена жили на южных островах архипелага, у них было в обычае жевать бетель, отчего зубы чернели. На острове Хонсю бетеля не было, тогда стали покрывать зубы особым черным лаком. В позднюю эпоху этот обычай сохранился только у замужних женщин.

Стр. 305. *Кокинсю* — знаменитая поэтическая антология. Появилась в 905 году. В основном содержит пятистишия — танка. Значение ее в истории японской поэзии огромно. Образованные люди знали «Кокинсю» наизусть. *Манъёсю* — поэтическая антология, составленная в середине VIII века. Включает много замечательных стихов, в том числе и «длинных песен» (нагаута). Повесть «*Исэ-моногатари*» была создана предположительно во второй половине IX века или в начале X. Автором ее считается прославленный поэт, красавец и любезник того времени Арива́ра-но Нарихи́ра. Повесть состоит из ряда коротких новелл, повествующих о любовных похождениях одного придворного. Новеллы обязательно содержат в себе стихи-танка.

Хасэ.— В Хасэ находится знаменитый буддийский храм, посвященный богине Кáннон.

Стр. 308. *Пусть возродится мы в едином лотосе...*— слова

буддийской молитвы. Согласно буддийским поверьям, святые в раю пребывают на сиденьях в виде чаши лотоса.

Стр. 311. *Сúтра лотоса* — священная буддийская книга, созданная в Индии.

Стр. 312. *За какие грехи в прежних моих рожденьях...* — Буддийская религия учит, что душа после смерти возвращается на землю (так называемое колесо бытия), чтобы после многих перерождений достигнуть совершенства.

Стр. 313. *Принц Гэндзи* — герой знаменитого романа «Гэндзи-моногатари», написанного придворной дамой Мурасаки Сикибу в самом начале XI века.

Ариwара-но Нарихира — см. комм. к стр. 305.

Стр. 314. *Тацута* — река, прославленная в японской поэзии. Находится неподалеку от древней столицы Японии — Нара. На берегу Тацута растут клены, и поэтому осенью воды ее напоминают алую парчу.

Стр. 315. *Карма*. — Буддийская религия учит, что судьба человека предопределяется его поступками, хорошими и дурными, совершенными как в его настоящей жизни, так и в прошлых рожденьях. Карма, таким образом, есть закон воздаяния и возмездия. Учение о карме служило оправданием всякой социальной несправедливости, ибо, согласно этому учению, все несчастья человека заслужены им, если не в этой жизни, то в прежней.

...мы ропщем на богов и будд. — В огромный пантеон японских божеств входили и древние японские боги, и буддийские божества. Верующие обычно призывали как тех, так и других.

Изголовье — небольшая деревянная подставка, обтянутая материей с подкладкой из ваты.

...пять путей вселенной... шесть миров, четыре рожденья... — Буддизм, как одна из систем древней индийской философии, выработал сложную мистическую систему космогонии, объединявшую сущий мир с преисподней и раем. На низшей ступени бытия, согласно этому учению, стоят демоны. Все сущее в этом мире рождается из утробы (как человек), из яйца (как птица), из воды (как лягушка) и путем превращения (как бабочка). Это и есть «четыре рожденья». Душа может идти по пяти путям: небесному пути, пути земной человеческой жизни, попасть в преисподнюю, воплотиться в животное или демона. Существует шесть миров (субстанций): земля, вода, огонь, воздух и еще две идеальные, воображаемые субстанции, — законы, движущие миром, и их познание. Это идеалистическое учение обросло всевозможными суевериями, которые нашли свое отражение во многих сказках.

Нирвана — по буддийскому учению, высшая форма райского блаженства.

Стр. 316. *Ян Гуй-фэй* — знаменитая своей красотой фаворитка одного из китайских императоров. *Госпожа Ли* — древняя китайская красавица, которая славилась также умением рисовать. Она создала знаменитую картину, изображавшую тени бамбука в лунную ночь.

Стр. 318. ...*две однокрылые птицы*...— Древняя китайская легенда говорит, что существуют птицы с одним глазом и одним крылом. Они всегда летают вместе, супружеской парой.

Стр. 324. ...*по левую руку от хозяйки дома*.— Левая сторона в Японии считается наиболее почетной.

Стр. 326. *Японская цитра* — шестиструнная, с длинным резонатором. Чтобы играть на ней, на пальцы надевали особые ноготки.

Стр. 327. Оно-но *Тобу* (896—966) — знаменитый каллиграф древности, о котором сложено немало легенд.

Тамамо — легендарная красавица древности, сгубившая своими злыми чарами государей Китая и Японии; образ ее приняла девятихвостая лисица. Убитая, она обратилась в скалу, источающую яд.

Стр. 339. *Киёмидзу* — знаменитый буддийский храм, привлекавший много молящихся. При нем устраивались театральные действия, пляски и т. п. Стоит на горе к востоку от Киото.

Месяц иней — одиннадцатый месяц года по лунному календарю, приходится примерно на конец ноября — декабрь.

Стр. 344. ...*вставил... листок бумаги в расщепленную бамбуковую палку*...— Так в древности передавали письма знатым людям.

...*в конце Седьмого проспекта*...— Столица Киото была выстроена по четкому плану. Ее пересекали прямые проспекты.

Стр. 345. «*Пять преград*» и «*три послушания*».— Согласно буддийским воззрениям, женщина не может стать ни одним из пяти высших чинов небесной иерархии. Следовательно, на ее пути к нирване стоят «*пять преград*». «*Три послушания*».— Феодалная мораль учила, что женщина должна повиноваться отцу, мужу и сыну, то есть не выходить из послушания до конца своей жизни.

Стр. 346. «*Бородатая корзина*». — При плетении таких корзин концы не срезали, а оставляли торчать, отсюда и название.

Стр. 348. ...*цитру, носившую имя Тэхикимару*.— В Японии раньше было принято давать имена мечам и музыкальным инструментам, словно они были живые существа.

Стр. 351. «*Семь драгоценностей*» — согласно буддийскому учению: золото, серебро, изумруды, кристаллы, кораллы, агат, раковины-тридакны.

Император Мондoku — согласно официальной хронологии, царствовал в 850—858 годах.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие В. Марковой	5
-----------------------------------	---

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

Где свету конец?	21
Глаза змеи	24
Откуда пошли золотые жуки	29
Сынок-улитка	33
Соловьиный дом	41
Колпак «Чуткие уши»	44

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

Огневой Таро	53
Жена-лисица	59
Чудесный кувшинчик	66
Пепельник	72
Живая игла, мертвая игла и летучая колесница	82

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

Как журавль за добро оплатил	89
Кати-кати-горошинка	94
Земляника под снегом	100
Отчего в море вода солона	105
Эй, краб, косо-косо!	109
Почему у осьминога нет костей	114
Лягушка из Киото и лягушка из Осака	117

ВЕЧЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

Сабуро Битая Миска	123
Страшный зверь кап-кап	128
Длинное имя	130
Как глупого сына торговать посылали	133
Черное полотенце	136
Волшебная колотушка	140
Три сокровища	145
Красавица на портрете	149

ВЕЧЕР ПЯТЫЙ

Подарок девы озера	155
Мальчик, который рисовал кошек	160
Счастливая соломинка	163
Страна одноглазых	168
Замок Повелителя муравьев	169
Полотно, выбеленное на лунном свете	172
Танцующий скелет	174
Дворец королевы кошек	177
Нопгэрапон	180
Последнее щупальце осьминога	184
Корабль-призрак	186
Чудо материнской любви	189

ВЕЧЕР ШЕСТОЙ

Пять танов земли	193
Как впервые выпал снег	195
Морской рак и ворон	198
Ваятель и ящерица	200
Жалобы кукол	202
Барсук — любитель стихов	205
Шепчущий мост	207
Раскаленный колокол	210
Последняя песня	212
Старуха ничтожница	215
Луна на ветке	217
Странствия молодого Юривака	219
Певец с оторванными ушами	225
Горшок белых хризантем	230

ВЕЧЕР СЕДЬМОЙ

Жрец, врач и канатный плясун в аду	233
Удивительное путешествие ротозея Тораяна	237
Треугольный сон	242
Рассеянный	246

Старик, который любил загадки	249
Самурай неожиданно для себя	252
Прокказы Хикоити:	
1) Как Хикоити продал князю живой вонт	255
2) Как Хикоити стал невидимкой	257
3) Как Хикоити удил каппу	259
4) Как Хикоити с лисицей состязался	262

ВЕЧЕР ВОСЬМОЙ

Деревянный Будда и золотой Будда	267
Настоятель и служка (1)	270
Настоятель и служка (2)	272
Запасная голова	274
Стойкий самурай	276
Самый ловкий враль	277
Два лентяя	281
Как жена из дому уходила	283
Верх бережливости	285
Как «лионовые пирожки» в лягушек обратились	287
И так и этак	289
Стебелек одеяла	290
Важный спор	291
Голуби услышат	292
Хоть и летают, а все равно колья!	293
Что только люди не скажут	294
Соперница в зеркале	295
Солнце и жаворонок	297
Коршун, воробей, голубь и ворон	299
Сова-красильщица	301
Как сороконожку за врачом посылали	302

ВЕЧЕР ДЕВЯТЫЙ

Девушка с чашей на голове	305
-------------------------------------	-----

ВЕЧЕР ДЕСЯТЫЙ

Таро Лежебока	333
Комментарии	355

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор *Л. Ермакова*
Художественный редактор *Ю. Боярский*
Технический редактор *С. Ефимова*
Корректоры *Г. Сурис и О. Наренкова*

*

Сдано в набор 6/VII 1971 г. Подписано
к печати 3/II 1972 г. Бумага тип. № 2
Ф-т 84×108¹/₃₂. 11,5 печ. л. 19,32 усл.
печ. л. 16,119 уч.-изд. л. Тираж
100 000 экз. Заказ № 942. Цена 73 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Васманная, 19

*

Отпечатано с матриц
ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28
в Минском полиграфическом
комбинате имени Я. Коласа,
г. Минск, Красная, 23.